

Запомните меня таким

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

ЗАПОМНИТЕ МЕНЯ ТАКИМ

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Тбилиси
2026

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При поддержке Бадри Какабадзе,
президента Грузинского землячества «Иверия» в Санкт-Петербурге

© **Русский клуб**. *2026*
ISBN 978-9941-8-9446-6

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

О капитан! Мой капитан!..
Уолт Уитмен

В 2026 году Николай Свентицкий мог бы отметить две знаменательные даты.

70-летие – как бы это странно ни звучало, ведь годы над Свентицким были не властны.

А еще – 40 лет служения в Тбилисском русском театре имени Грибоедова.

Не случилось.

Николай Николаевич не дожил.

1 января он поздравил всех с Новым годом. И мы, его коллеги и верные друзья, тоже поздравляли его и даже не сомневались, что наши сердечные пожелания здоровья и благоденствия сбудутся, непременно сбудутся. Ведь пожелания любящих людей – это как молитва, правда?

Но… «Он умер в январе, в начале года...»

Утихла ли боль утраты? Конечно, нет.

Но мы, «Русский клуб», просто не могли не продолжить дело, начатое Николаем Свентицким. Не могли не подхватить на лету эстафетную палочку, выпавшую из его руки.

Мы подхватили.

И идем дальше. По курсу, когда-то проложенному нашим единственным капитаном, впередсмотрящим – Николаем Свентицким.

Книга, которую вы держите в руках, – наш прощальный поклон.

Она собрана стараниями «Русского клуба».

А участвовали в ее создании самые-самые разные люди – актеры, поэты, музыканты, театральные деятели, ученые, дипломаты, бизнесмены… Но всех их объединяет одно общее чувство – они любили Колю Свентицкого. А он – любил их.

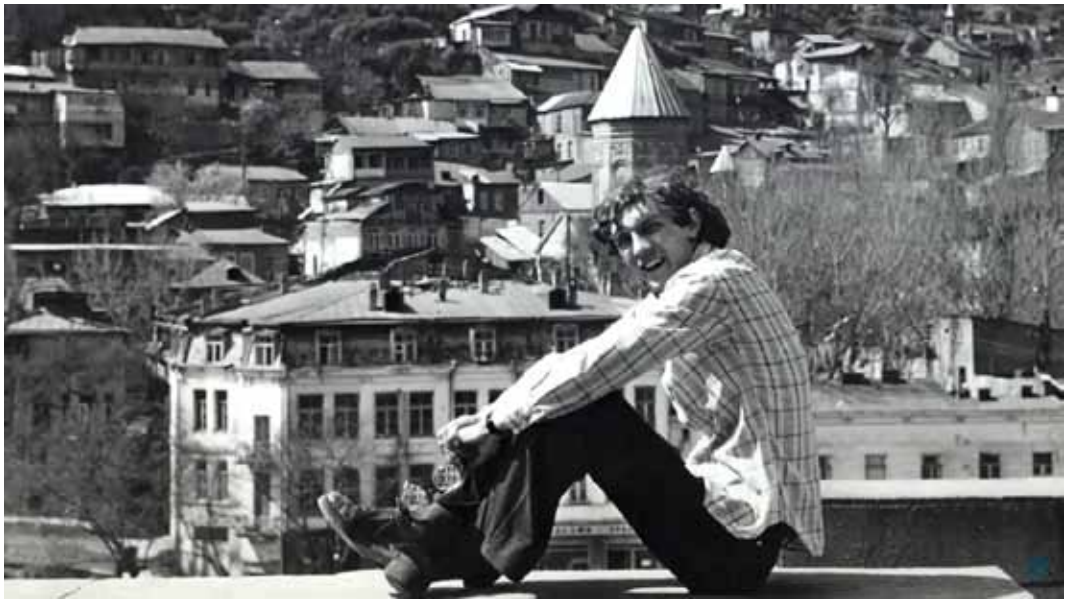
Эта книга – о его жизни и судьбе, о том, что он сделал для своей страны, своего города, своего театра, своих друзей.

Конечно, мы не сможем рассказать обо всем, ведь сделанное Свентицким – необъятно, а необъятное, как известно, объять нельзя. И все-таки попробуем.

Вечная светлая благодарная память Вам, дорогой Николай Николаевич.

Не забудем никогда.

Спасибо за все.

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Начало каждого из нас –
в любви и только в ней.
Юрий Ряшенцев

Все начинается с фамилии, а она у Николая Свентицкого с историей. С параллелями. И с совпадениями.

Правда, умные люди говорят, что совпадений не бывает. А кто верит в случай, не верит в бога. Но судите сами.

Основой фамилии послужило польское светское имя Свентик – уменьшительное от Свентовит. Так звали бога плодородия у западных славян. Он описан в «Славянской хронике» Гельмольда из Босау как главное славянское божество, а у Саксона Грамматика – как бог богов.

А вот какую историческую информацию сообщает портал «Великие люди России»: «Свенцицкие (Свентицкие) – дворянский род, герба Ястрженбец, происходящий из Мазовии и восходящий к XV в. Григорий Свенцицкий был польским послом к папе Клименту VIII (1604), Николай Свенцицкий (умер в 1707 г.) – епископом киевским и познанским. Двое Свенцицких были кашт елянами в XVIII в. Род Свенцицких внесен в VI и I части родословных книг Виленской, Витебской, Волынской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской губерний».

ЗАПОМНИТЕ МЕНЯ ТАКИМ

С родителями Клавдией и Николаем и сестрой Луизой

Героя по фамилии Свентицкий вы можете встретить в первом томе полного собрания сочинений Чехова, в романе «Тайны ста сорока четырех катастроф, или Русский рокамболь». У героя был реальный прототип – начальник 3-й дистанции Московско-Курской железной дороги Свентицкий, который, между прочим, защищая честь мундира, пришел с секундантом к оклеветавшему его журналисту и вызвал на дуэль.

Эту фамилию навсегда прославил Борис Пастернак в «Докторе Живаго» – третья часть, которая играет ключевую композиционную и символическую роль в произведении, называется «Елка у Свентицких».

А вот еще параллель. В середине XIX века в польском (ныне белорусском) селении Кабаки помещик Феликс Влодек построил дворец. Около 1910 года в этом имении работал Григорий Макаревич, дед известного рок-музыканта и старинного друга Николая Николаевича. Владельцами имения были Зофья Влодек и ее муж Витольд Свентицкий, внучатый племянник Адама Мицкевича.

А еще Николай Свентицкий значится в списках героев-партизан, воевавших в белорусских лесах в годы Великой Отечественной войны. И это – отец нашего Николая Николаевича.

Николай Свентицкий-старший и Клавдия Прудникова приехали в Грузию из России как приглашенные специалисты. В молодой семье подрастала дочь Луиза.

Коля Свентицкий – единственный в семье, кто родился в Тбилиси. И все же сложно представить, что можно быть более тбилисцем, чем он. Его личная тбилисская география охватывает весь родной город – родился на улице Пекина в молодом районе Сабуртало, окончил школу в старинной Нахаловке, жил в легендарном Сололаки. Потом переехал и до последнего своего вздоха проживал в историческом районе Плехановского проспекта, ныне Давида Агмашенебели.

Из интервью Николая Свентицкого

– В школе я учился так себе, через губу. Хулиганом был. Педсовет школы несколько раз собирался по вопросу о моем исключении. Но зато я проводил самые модные в Тбилиси концерты, новогодние праздники. Оформление – как на «Голубом огоньке» Центрального телевидения, ни больше ни меньше. Так что относились ко мне все-таки с уважением. Я не просто вспоминаю школьные годы. До сих пор дружу с одноклассниками и, представьте себе, со здравствующими учителями. Например, с учительницей географии Надеждой Александровной Муравьевой.

***

Мы с Колей сидели за одной партой в 13-й средней школе.(*Тбилисская школа №13 прекратила свое существование в 2011 году, и здание используется по другому назначению – ред.*) Оба не любили математику и нашего математика по прозвищу Монах. И на уроках математики он читал мне свои сценарии.

Нелли Серопян, *одноклассница*

Из интервью Николая Свентицкого

– После школы, в 1974 году, я начал работать в бюро международного молодежного туризма «Спутник». Возглавил, несмотря на юный возраст, отдел пропаганды и культмассовых мероприятий. В те годы в Тбилиси приезжало очень много туристов, каждые три-четыре дня – новый поток. И я в программу пребывания обязательно включал посещение театра имени Грибоедова. Я считал, что должен показать этот театр всем гостям – из России, Европы, Америки, Австралии… Помню, приехала большая группа студентов из университета Патриса Лумумбы. Повел я их на спектакль «Прощание в июне» – Вампилов, молодежная тематика. Но в последний момент его заменили на «Энергичные люди» по Шукшину. А это совсем другая тема – жулики, пьяницы… Вы не можете себе представить, какой был грандиозный скандал – что вы показали иностранцам, как посмели?!

После посещения театра я обязательно устраивал туристам встречу с артистами. А это было время, когда главным режиссером театра был Сандро Товстоногов – расцвет Грибоедовского! Артисты приезжали в молодежный центр «Золотое руно» на Тбилисском море. Я оформлял их появление очень торжественно – они спускались по лестнице, под музыку… Мне нравилась

В годы работы в Молодежном центре «Спутник»

мелодия «Жаворонок» в исполнении оркестра Поля Мориа. Вот под нее у меня артисты и появлялись. Но все дело в том, что эта музыка открывала программу «В мире животных». И в конце концов народная артистка Валентина Семина не выдержала и сказала: «Коля, кончай! С этой музыкой входишь, как в клетку!»

Я таким образом очень помогал театру. Мне даже предлагали какие-то проценты от сборов, которые я организовывал. Но я отказался и никогда этих денег не брал, потому что очень любил этот театр и мне было важно помочь безвозмездно, волонтерски. К тому же там играли мои друзья. Многие из них стали выдающимися актерами.

Я хотел бы сделать очень важный акцент. Это знаковый вопрос. Не все, что было раньше, – плохо. В советской системе образования были обязательны походы в театр. Существовали абонементы, которые чуть ли не силой раздавались детям, и нас водили в театр в обязательном порядке. И это была важная и нужная система, которой сейчас нет. Сейчас демократия: хочет ребенок идти в театр – пойдет, не хочет – не пойдет. Это неправильно. Если бы не эта советская система, я бы в жизни не переступил порог театра. Потому что нас с сестрой растила только мама (она рассталась с моим отцом, когда мне было шесть лет), и большого времени заниматься нашим образованием, культпоходами у нее не было. Мы были предоставлены, как дети асфальта, сами себе. И вот эта школьная система постоянных культпоходов по абонементам привела меня в театр – сначала в кукольный, затем в театр юного зрителя, а потом и в театр Грибоедова. Конечно, это было потрясение, я помню… Открывался занавес, на сцене шла какая-то жизнь, в которую ты входил, переживал, волновался, радовался… И эти два часа в театре наполняли тебя, ты не мог уснуть ночью, думал… Ну, все как полагается, по Гоголю. Театр – это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра. Действительно, театр был кафедрой.

В Самарский, в то время Куйбышевский, институт культуры я поступил совершенно случайно. Слышал, что есть такой город, но с трудом представлял себе его на карте. Хотя знал, что там развита авиационная и космическая промышленность. И там жил мой друг. Я поехал к нему на день рождения. Дома надо было как-то объяснить поездку, вот я и сказал, что еду поступать. А после долгого празднования проснулась совесть. Ну я и поступил – на факультет режиссуры. Если честно, мама не обрадовалась. Она сказала: «Кончай валять дурака, приезжай домой, надо серьезно подумать о будущем». А папа… Уже годы спустя, когда я стал театральным деятелем и даже получил

С однокурсницей Людмилой Павловой

Студенты Самарского (Куйбышевского) института культуры

Дипломный спектакль «Прощание в июне»

какие-то звания и награды, он сказал: «Я так и думал, что мой сын будет клоуном».

Учился я с удовольствием и огромным интересом. Кстати, чтоб вы знали, в Самаре самые красивые девушки в мире. Не в Иваново, а в Самаре. Однокурсники были из самых разных городов. Озорная была жизнь. Бедная, но удивительно озорная. Наверное, именно тогда, в студенчестве, я впервые осознал, что такое чувство локтя, взаимопомощь. Все были вместе – учились, дружили, шутили. Собирались и вне института. Даже ели вместе. Чтобы кто-то ел в одиночку, втихаря, за диваном? Да вы что! Никогда не было такого. Это немыслимо, неприлично, недопустимо! Вообще театральный вуз – это особое единение. Потому что ты должен выйти на сцену, и, даже если бог тебе дал талант, ты с ним ничего не сделаешь, если рядом не стоит с тобой такой же талантливый человек, который должен вовремя подать тебе реплику и вовремя подействовать энергетически. Спектакля не будет, если это отсутствует. И потому единение в театральной среде, в театральном вузе во много раз сильнее. Ты живешь одной семьей – это очень ярко проявляется в театральных вузах.

Моей дипломной работой был спектакль «Прощание в июне» по очень популярному как и в то время, так и сейчас Александру Вампилову в мастерской Анатолия Ивановича Болотова. Пьеса и сегодня мне нравится. О кодексе чести в каждом человеке, о совести. И о любви, конечно, как же без нее. Это темы вечные. И если вы меня спросите, какую пьесу я выбрал бы сегодня, я бы, наверное, снова выбрал Вампилова.

Действующим режиссером я не стал. Я максималист. Получил диплом, но, понимая, что я не Питер Брук, решил, что больше пользы принесу своему театру, если буду заниматься администрированием. Вроде бы получается. Театр Грибоедова – успешный, востребованный, посещаемый. К тому же – самый гастролирующий театр Грузии.

Удается ли поддерживать отношения с однокурсниками? Да. Особенно когда бываю на гастролях. Грибоедовский – активно гастролирующий театр. Конечно, друзья юности приходят на наши спектакли. Увы, бывают случаи, когда я не могу их узнать… Потому что прошло очень много лет, все изменились внешне… У кого-то жизнь пошла успешно, у кого-то случились неприятные события. А кого-то нет в живых, потому что, к сожалению, мы уже не пионерского возраста.

Дружу с моим преподавателем по сценической речи. Зина Соколова, сейчас она по мужу Зихерман, очень успешно работает на театре, создала в

Будапеште русский театр. Я пригласил ее на 170-летие Грибоедовского, и была очень трогательная встреча. Наша дружба продолжается. Я очень благодарен Зинаиде Георгиевне.

ИЗЛУЧАЮЩИЙ ЭНЕРГИЮ

Когда мы познакомились с Николаем, ему был 21 год, а мне 28. Я только закончила аспирантуру в ГИТИСе. Со своим супругом, актером Самарского (тогда Куйбышевского) драматического театра Олегом Бычковым, мы набрали курс на режиссерский факультет Самарского института культуры. Олег преподавал актерское мастерство, я – сценическую речь. В числе наших студентов были не только взрослые люди, например, представительные режиссеры народных театров, но и совсем молодые. Одним из молодых был Николай. Стройный юноша с великолепной золотисто-русой кудрявой шевелюрой, с восторженным взглядом. Я бы сказала, человек, излучающий энергию. Он сразу оказался душой курса, олицетворял творческое начало. Вдохновлял всех на какие-то встречи, походы по интересным местам, разговоры о театре и просто, как сейчас говорят, тусовки.

Занятия проводились очень серьезно. Я преподавала то, чему меня научили в ГИТИСе. Дикция, орфоэпия – естественно. И дыхание, и постановка речевого голоса, и логический анализ текста. И несмотря на то, что многие студенты были взрослые и, казалось, им больше всего нужны были дипломы,

С Зинаидой Зихерман-Соколовой

Встреча во Мцхета...

и в Твери много лет спустя

они учились очень основательно. Сдавали экзамены, я готовила с ними очень интересные программы – это был интересный выбор; я всегда подыскивала материал под исполнителя, чтобы раскрыть его индивидуальность. Честно говоря, не могу вспомнить, что именно читал Николай. Помню, в начале он читал очень много стихов, делал это с удовольствием, и мы даже какую-то поэтическую композицию сделали.

На третьем курсе Николай постоянно летал в Тбилиси, не успел как следует выучить материал, постеснялся сдавать экзамен публично и попросил меня принять у него экзамен лично. Я, конечно, согласилась. Мы устроились в каком-то кафе, и он прочитал свой текст достаточно хорошо. Я поставила ему заслуженную четверку.

По приглашению Николая я на три дня прилетела в Тбилиси, и он устроил мне чудную экскурсию, которую я и сейчас помню. И фотографии сохранились…

Поскольку мы были молодыми педагогами и никакого особого пиетета своим студентам не внушали, они часто и запросто приходили к нам домой (мы жили на набережной Волги) и с удовольствием оставались до позднего

вечера. Какая-то нехитрая закуска, немного вина и много веселья. У Николая было одно пристрастие – он очень любил танцевать.

Обнаружилось это сразу. Я тоже любила танцевать, занималась бальными танцами, всегда выигрывала какие-то танцевальные конкурсы. Естественно, и в ГИТИСе танец у нас был на очень высоком уровне. И так получилось, что Николай часто приходил к нам, моему супругу и мне, один, непременно просил пожарить ему картошки – ему очень нравилось, как я жарю картошку. С маслом тогда было сложновато, и он всегда из Тбилиси привозил 3-4 пачки масла и говорил: «Это на картошку». И каждый раз я его встречала картошкой. Мы выпивали вина, ели вкусную жареную картошку – я по-русски жарила, с луком. А после этого мы включали музыку и начинали танцевать. Мой супруг был меломаном, собирал пластинки модных тогда ансамблей, и выбор у нас был большой. Олег, правда, не танцевал – сидел и смотрел. Его больше интересовала режиссура. А мы танцевали. Причем это был не танец, а этюд. Например, он встречал девушку в троллейбусе или трамвае, начинал заигрывать, она читала книгу, не хотела знакомиться и так далее. А потом наши персонажи все-таки сближались, начинали танцевать и уже с азартом, в раже заканчивали свой танец. Спустя годы, когда я встретилась с Николаем, и он был уже в другой спортивной кондиции, то спросила: «Вы танцуете?» – «Ну, иногда танцую». В последнее время он, по-моему, больше любил петь. Но вспоминал, как мы с ним когда-то здорово танцевали.

Потом я вышла второй раз замуж, переехала из Самары в Тольятти, а затем в Венгрию, и 4-й курс Николай заканчивал уже без меня. Когда началась эпоха Фейсбука, он нашел меня, написал и пригласил в Тбилиси на международный конгресс русских театров зарубежья. Коля принимал нас так, что, конечно, потом хотелось еще неоднократно побывать в Тбилиси. Такое не забывается… Потом мы часто встречались на наших международных конгрессах и ассамблеях соотечественников. Но, к сожалению, нам не удалось встретиться в Будапеште. Как-то так совпадало, что, когда он приезжал в Венгрию, я находилась в отъезде – то в Лондоне у дочери, то еще где-то. Несколько раз я приглашала Николая к нам на международный фестиваль русских зарубежных театров «Лукоморье», но тут уже у него складывались какие-то обстоятельства, и этого не случилось... И он всегда говорил: «Как жаль, что мало времени у нас с вами, чтобы пообщаться, вспомнить то время».

Во время ковида он мне неожиданно позвонил и сказал: «Зинаида Георгиевна, давайте тряхнем стариной, приезжайте ко мне на Летнюю театральную

школу преподавать сценречь». Я была очень рада такому приглашению, но не решилась – побоялась оставить супруга. Так и не приехала. И очень жалела. А Николай тогда в качестве театрального педагога по сценической речи пригласил Ариадну Шенгелая.

Если точно сформулировать, Николай был человеком, который действительно всю жизнь посвятил театру. Наверное, по-другому он никак не мог. Часто бывает так, что человек все делает для театра, но мы видим в его действиях и какую-то его собственную цель. Видим, что ему уж очень хочется подняться наверх. У Николая я такого не замечала. Он-то все равно поднялся наверх, получил звания, даже шутя мне сказал: «Вот сейчас народного получу, и все, перестану заниматься театром». «Коля, вы никогда не перестанете», – ответила я. Во всем, что делал Николай, была очевидна его необыкновенная любовь к театру. Я наблюдала разные судьбы – и актеров, и режиссеров. Видела, как они блестяще начинаются и плохо заканчиваются. Бывало и наоборот – когда человек достигал успеха своим упорным трудом. Но в Коле был какой-то особенный талант – в нем соединились дар слепого полета и дар сухого, трезвого анализа. Это был великолепный рациональный организатор, который в то же время был готов позабыть обо всем в своей жизни, только чтобы добиться в театре того результата, который он себе представлял.

В 2018 году я была приглашена на Ассамблею Русского мира. Обычно я никогда не участвую в этих мероприятиях, но на этот раз, узнав, что ассамблея будет проходить в Твери, а в Тверском театре служит моя однокурсница по ГИТИСу, народная артистка Ирина Андрианова, согласилась. (Потом уже Николай признался, что это он «нажал» на руководство, чтобы меня пригласили). И вот я вхожу в фойе театра, где проходило открытие, и вижу Николая. Мы обнялись, разговорились. На столах были разложены сувениры, в том числе и кошельки знаменитого золотого шитья. Коля купил кошелек, подал мне и сказал: «На память».

Действительно, больше мы не увиделись в этой жизни.

На память...

Зинаида Зихерман-Соколова,

актриса, педагог, основатель и руководитель Будапештского русского театра-студии, директор Международного фестиваля русских зарубежных театров «Лукоморье»

***

Зинаида Георгиевна, первая красавица Куйбышевского института культуры. Сценическую речь нам преподавала. Мы ее обожали. И всей группой к ней на улицу Осипенко ходили. Всей группой завалимся и давай мясо есть! Всей группой и жарили. А руководил процессом, конечно же, Коля Свентицкий. Конечно же, Коля! Кто же еще? Он же уже тогда был театральный начальник и знаток грузинской кухни. Яркий был человек, ни на кого не похожий.

Светлана Внукова,

журналист, культуролог, однокурсница Н. Свентицкого

***

О Николае остались самые добрые, нежные воспоминания. Умный, воспитанный, чуткий, заботливый, тактичный человек. Учились режиссуре, играли этюды, радовались жизни… Времени прошло много... Самое главное для меня – это его участие, сострадание, желание помочь тому, кто в этом нуждался. Тихо, скромно… Он знал цену понятиям честь и достоинство. Николай, спасибо, что на этой прекрасной земле мы встретились и ты был в моей жизни. Светлая память.

Людмила Павлова,

режиссер театра кукол, артист-кукловод высшей категории,
однокурсница Н. Свентицкого

ЗАПОМНИТЕ МЕНЯ ТАКИМ

ЛОВУШКА
БУРМИСТРОВА
ЗАХАРОВ
АГИЧЕСКИЙ
ЕДИНОК

ТЕАТР

Отнимите у него его театр, и он, верно, умрет.
Отнимите его у театра, и этот театр умрет без него.
Он не просто любит Театр.
Он в нем, им и ради него живет.

Дмитрий Трофимов,
дипломат

Из интервью Николая Свентицкого

В Грибоедовский меня приглашали работать постоянно. Но у меня была работа в Бюро международного молодежного туризма и своя интересная жизнь. Тогда это была самая настоящая экзотика – общение с американцами, немцами, поляками…

Но в итоге в один прекрасный день 1986 года я все-таки пришел в театр на должность главного администратора.

Моей первой самостоятельной работой стала организация гастролей в Кутаиси. Солидные гастроли. И мне удалось сделать гастроли так, что не осталось ни одного непроданного билета.

Что значит «делать гастроли»? Прежде всего – это очень трудная работа. И хотя я их делал не один десяток раз, всегда начинаю с чистого листа. Мне говорят: «Да ладно, в первый раз, что ли? Что ты нервничаешь?» Да, нервничаю. Да, как в первый раз. Я убежден, что любое дело надо делать как впервые, иначе оно не получится. И это – мое главное правило.

Есть и остальные. Я, например, всегда знал, что нельзя экономить на гостинице для артистов. Не только потому, что труппа должна быть максималь-

но комфортно устроена, но и потому, что гостиница – одна из составляющих имиджа. Если зритель увидит, что артист живет в дешевой колхозной гостинице, то и отношение к нему будет соответствующее. А если он выйдет из престижного отеля, это сразу повышает статус и театра, и артиста.

Еще одно правило – труппа должна быть хорошо накормлена. Артист не должен быть голодным и не должен тратить время на поиски еды. Если он целый день бегает и ищет пончики, а потом выбегает на сцену, то не даст того результата, который нужен театру. А ведь Грибоедовский театр славился, имя у него было громкое. И, как правило, были аншлаги.

Главное в театре – это артист.

Я никогда не изображаю Карабаса-Барабаса, а всегда позиционирую себя здесь, на службе, как товарищ, близкий товарищ. Особенно для того поколения, при котором я пришел в театр. И очень демократичен с молодежью. Это ведь не плац и не армия. Никого не построишь. С артистами надо дружить. А если хочешь понять… У каждого тонкая органика и у каждого куча своих проблем и мыслей. Надо, чтобы они тебе поверили и считали тебя в первую очередь своим товарищем, а потом уже директором по штатному расписанию.

Когда я пришел в театр, один мой приятель работал здесь техническим работником. И он мне говорит: «Ой-ой-ой, куда ты пришел! Они такие странные, эти актеры. И это им не так, и то не так. Вообще, артист может выйти на полянку, постелить коврик и, если он настоящий артист, сыграть». Я ответил: «Ты уволен». – «Как уволен?» – «Вот так. Ты понимаешь, что ты сейчас сказал? Если артист может выйти на полянку, постелить коврик и больше ему ничего не нужно, то зачем ему директор? Зачем? Не говоря о других». Моя профессия – сделать все, чтобы артисту в театре было комфортно. Обязательно. Тогда будет результат. Зрителю, который пришел в театр, абсолютно неинтересно, кто там директор. Он приходит смотреть на артиста, потому что лицом театра является не директор, а артист.

1990-е иначе, чем лихолетье, и не назовешь. Не было денег, хлеба, тепла. Стало ясно, что театр умирает, и его надо спасать. Вообще, театр, как человеческий организм, иногда болеет. И в таких случаях надо вовремя ставить диагноз и начинать лечение. Я собрал группу самых мобильных артистов, мы поставили сказку «Принц-горбун», и она объехала весь бывший Советский Союз. Мы зарабатывали деньги, привозили в Тбилиси и раздавали коллективу. Вот так поддерживали театр. И он выстоял.

В самые тяжелые времена, когда коробок спичек стоил 6 купонов (такие тогда были деньги), мы сделали 30 новогодних представлений для детей с

билетами по 8 купонов. К тому же мне удалось договориться с мэром Москвы Юрием Лужковым, и он выделил 10 тысяч роскошных подарков детям Грузии. Помню, мы грузились на Чкаловском военном аэродроме. Летели в огромном самолете, где сидело несколько человек, и командир все время напоминал: «Осторожно, аккуратно, вы везете подарки грузинским детям, не повредите…» А потом мы играли спектакли в холодном зале Грибоедовского театра, но 10 000 детей получили праздник.

Мы никогда не рассматривали себя как театр русской диаспоры. Это было бы неправильно. И такой театр не нужен. Мы – театр, который входит в единое театральное пространство Грузии. Грибоедовский работает на русском языке, но он – одна из частей грузинского театрального искусства.

Это самый старый театр на Кавказе, самый старый русский театр за пределами России, первую труппу которого собирал сам Щепкин. Грибоедовский театр надо сохранять – это абсолютно тифлисское явление и историческая гордость.

Нам удается держать театр на плаву. Хотя это нелегко. Последние годы слово «русский» стало ругательным. Местная русская пресса фактически заканчивается на нашем журнале «Русский клуб». Естественно, нет никакого русского радио и телевидения. Т.е. нет никакого русского слова. И только русский театр продолжает работать и требует особого внимания.

15 лет на всех конгрессах я говорю, что не надо строить новые дома русской культуры. Может быть, они нужны, но база-то уже есть – уже есть русские театры, которые несут эту миссию ежедневно. Не лучше ли подумать, как помочь им?

Ничего никогда не сохранится, если не сохранять. Так не бывает. Мы хорошо заживем только тогда, когда сами будем участвовать в строительстве хорошей жизни. Надо осознать себя гражданами. А без граждан – это Карфаген. Поезжайте в Карфаген – уверяю вас, там нечего делать, лежат три камня, и все. Интересен только живой город.

Вообще, с театром ничего необычного не происходит. Театр, как давление, скачет: то вверх, то вниз.

А театр в городе будут любить только при одном условии – если театр будет любить свой город.

ЧЕЛОВЕК СОЗИДАЮЩИЙ

Николай Свентицкий официально стал сотрудником (главным администратором) Грибоедовского в 1986 году, хотя уже до этого его связывали с русским театром довольно близкие отношения – рабочие и дружеские.

После школы Николай Николаевич возглавил отдел пропаганды и культмассовых мероприятий бюро международного молодежного туризма «Спутник». Как вспоминал Свентицкий в одном из интервью: «В те годы в Тбилиси приезжало очень много туристов, каждые три-четыре дня – новый поток. И в программу пребывания я обязательно включал посещение театра имени А.С. Грибоедова». Трепетное отношение к театру родилось у него в «золотой» период Грибоедовского, когда им руководил известный режиссер Сандро Товстоногов. Тогда, в сущности, и начался роман Свентицкого с театром имени Грибоедова длиною в целую жизнь, который завершился только с его кончиной. На протяжении многих лет Николай делил с Грибоедовским его радости и печали, успехи и поражения. Прошел с ним через самые трудные испытания – политические, социально-экономические, внутритеатральные… И Свентицкий сделал за эти годы все возможное и невозможное для того, чтобы не просто сохранить традиции русского театра в Грузии, создан-

На гастролях со спектаклем «Принц-горбун»

ного в 1845 году выдающимся деятелем – графом Михаилом Воронцовым, но преумножить его славу.

Так сложились исторические обстоятельства, что буквально через несколько лет после официального вступления Свентицкого в должность, в Грузии, как и на всем уже постсоветском пространстве, наступили сложные времена. И во многом благодаря Николаю Николаевичу грибоедовцам удалось выжить. О его деятельности в этот период и позднее вспоминает в книге «Ковчег для всех» (2020) актер и режиссер Валерий Харютченко: «В трудные 90-е годы в театре не прекращался творческий процесс, выходили спектакли, хотя мы месяцами не получали зарплату, голодали. Как говорится, питались святым духом. И вот в это тяжелое время без света, газа, тепла и денег, спасая театр, наш директор Николай Свентицкий организовал гастрольные поездки для части труппы с детским спектаклем «Принц-горбун» Ф. Кони в постановке Лейлы Джаши. Прежде всего мы объездили с ним многие города и районы Грузии. Потом совершили культурную «экспансию» в Россию и Украину. Нам кричали «браво!» дети и их родители во всех центральных театрах Москвы, Питера, Урала, Сибири. Имя Свентицкого вызывало и вызывает священный трепет у элиты менеджмента на всем постсоветском пространстве, но Николай не дремлет, и планы у него еще более грандиозные. И в нынешние непростые времена благодаря Свентицкому театр – постоянный участник крупных международных театральных фестивалей и масштабных гастролей. Россия, Казахстан, Молдова, Беларусь, Украина, Азербайджан, Армения, Германия, Дания, Кипр… Вот гастрольная карта театра Грибоедова».

150-летие и 155-летие театра. Юбилей Георгия Товстоногова

Николай Свентицкий, как никто, умел организовывать грандиозные юбилеи. Празднование 150-летнего юбилея театра, который должны были отметить в 1995 году, вынужденно отложилось на два года. «Не до юбилеев было, – писала критик Вера Церетели. – Сгустившиеся над самим театром тучи – перспектива слияния с Русским театром для детей и молодежи – сейчас, кажется, развеялись… И вот он, юбилей, да еще в торжественные дни Тбилисского международного фестиваля искусств. Старейший Русский театр в Тбилиси вспомнил былые времена, когда он был властителем дум и носителем высочайшего искусства. В юбилейный вечер в театре было особенно торжественно – члены правительства во главе с Эдуардом Шеварднадзе, масса официальных лиц, гостей и, конечно, преданные театру зрители, не оставляющие его в самые трудные периоды жизни. Были и награждения: ука-

зом президента Грузии орденом Чести была награждена замечательная артистка Русского театра, отдавшая ему полвека, Наталья Бурмистрова, а целая группа артистов – медалями. Среди гостей были российские актеры – так, Кирилл Лавров напомнил в своем поздравлении, сколько имен уже ушедших людей связывают театр Грибоедова и Большой драматический; в первую очередь это Георгий Товстоногов, начинавший свой режиссерский путь в Грибоедовском театре. А приветствовавшая юбиляров группа Ростовского драмтеатра оповестила о своем творческом союзе с нынешним художественным руководителем Грибоедовского театра Георгием Кавтарадзе, поставившим в Ростове три спектакля. Русский театр в свой юбилей не ограничился ролью благодарного слушателя: коллектив показал зрителям свою новую работу – «Женщина» («Екатерина Ивановна») Леонида Андреева».

Николай Свентицкий буквально фонтанировал оригинальными, блестящими идеями. Так, в ноябре 2000 года возглавляемый им тогда Центр российской культуры в Грузии вместе с театром имени А.С. Грибоедова отметили 85-летний юбилей Георгия Александровича Товстоногова и 155-летие театра. В связи с этой датой в столицу Грузии прибыла представительная делегация Санкт-Петербургского Большого драматического театра, носящего имя Г. Товстоногова. Возглавлял ее верный ученик мастера, народный артист СССР Кирилл Лавров. Гостей приветствовали ведущие актеры-грибоедовцы: Людмила Артемова-Мгебришвили, Элизбар Кухалеишвили, Ирина Мегвинетухуцеси, Валерий Харютченко, Нико Гомелаури. В дни юбилея тогдашний председатель Союза театральных деятелей Грузии Гига Лордкипанидзе, кстати, тоже ученик Товстоногова, подчеркнул, что Георгий Александрович прежде

всего – грузинский режиссер, воспитанный на традициях Котэ Марджанишвили. «Товстоногов чувствовал время! – отметила сестра режиссера Натела Товстоногова. – Ему не надо было бы, желая сохранить театр, ставить на сцене пошлость или сентиментальность, как это происходит сегодня. Георгий Александрович, кстати, чувствовал приближение распада культурных ценностей».

«Все слилось воедино: тбилисский День города, юбилей Театра имени Грибоедова и 85-летие главного режиссера питерского БДТ, вот уже десять лет носящего его имя… «Не проходит дня, чтобы мы не вспомнили своего учителя и не ощущали его отсутствие», – сказал на торжественном вечере художественный руководитель БДТ имени Товстоногова Кирилл Лавров, которого зал приветствовал стоя. – Товстоногов принадлежит в равной мере русскому и грузинскому театрам, и это сильнее любых политических разногласий».

А поздним вечером, за ужином при свечах, звучали тосты на русском и грузинском языках, анекдоты о знаменитом тбилисском Авлабаре, где благодаря блистательной товстоноговской «Хануме» «каждый ленинградец чувствует себя дома» (Ю. Кантор. Юбилейный вечер при свечах. «Известия»).

«Вечер в театре Грибоедова объединил русскую и грузинскую театральную интеллигенцию города с их российскими друзьями» (Михаил Сидлин. Товстоногов при свечах. «Независимая газета»).

Спустя два года после того как театр отпраздновал 85-летний юбилей мастера, в фойе Большого зала состоялась церемония открытия мемориальной доски, посвященной Георгию Товстоногову. Это произошло в дни фестиваля «Виват, Санкт-Петербург!», приуроченного к 300-летию города (благодаря

инициативе и стараниям Свентицкого Тбилиси стал первым из зарубежных городов, масштабно отметивших юбилей Санкт-Петербурга). Через год рядом с мемориальной доской Г. Товстоногова появились еще две: грибоедовцы почтили память двух гениев, также оставивших след в истории русского театра в Грузии, – Котэ Марджанишвили и Всеволода Мейерхольда. А уже в 2013 году была установлена мемориальная доска памяти нашего современника – выдающегося российского режиссера Петра Наумовича Фоменко. Первая после кончины режиссера в августе 2012 года. Позднее рядом появились мемориальные доски в память Леонида Варпаховского, Гиги Лордкипанидзе, Гизо Жордания.

В фойе Малого зала была развернута экспозиция (как изначально предполагалось – постоянная), рассказывающая о творчестве Георгия и Александра Товстоноговых.

В нижнем фойе театра зрителей сегодня встречает сам Александр Сергеевич Грибоедов – памятник выдающегося скульптора Зураба Церетели, переданный им в дар театру.

Все это – заслуга одного человека: директора Николая Николаевича Свентицкого, который долгие годы служил Грибоедовскому, бережно и умело сохраняя его уникальное наследие. Именно по его инициативе в 2018 году в торжественной обстановке была открыта гримерная звезды Грибоедовской сцены Натальи Михайловны Бурмистровой в связи со столетним юбилеем актрисы.

160…

160-летний юбилей театра, который праздновали в 2005 году, по задумке Николая Свентицкого, был отмечен искрометной премьерой – комедией положений «Ханума» Авксентия Цагарели в постановке Авто Варсимашвили. На праздник съехались гости со всех концов света – из России, Украины, Беларуси, Армении, США, Великобритании, Израиля, Франции. Преобразился фасад здания – его обтянул баннер, возродивший не только образ прежнего здания театра, но и облик старого Тифлиса… Город-мираж, город-сказка словно проявился из снов, мечтаний и воспоминаний. А продолжение сказки было уже на сцене – в шумном, веселом, ярком спектакле «Ханума», в чудесной сценографии Юрия Гегешидзе, искрящейся, полной жизни музыке Гии Канчели, возвращающих зрителей в колоритный мир многоязыкого города, на его улочки и балконы, в его духаны и бани.

Спектакль был заявлен как посвящение Георгию Товстоногову. Конечно, это – цитата из той знаменитой «Ханумы» БДТ, с теми же самыми песня-

Автандил Варсимашвили, Богдан Ступка, Николай Свентицкий

ми, но с современным тбилисским, а не петербургским акцентом. К тому же тифлисский «прононс» у актеров был настоящий, а не сделанный. Правда, в остальном пришлось реконструировать старый Тифлис, даже воскресить ашугов – народных певцов-поэтов, некогда показывавших веселые и грустные представления публике. Их пластика, грим, костюмы в постановке грибоедовцев воскресили в памяти эстетику танца ашугов Георгия Гурджиева.

Все происходящее в спектакле, по замыслу создателей, было придумано и разыграно ашугами. За коврами-ширмами, которые они выносили на сцену, скрывались действующие лица. И закручивалось веселое-грустное представление. В самом деле, веселье в этом спектакле было с грустинкой. Наверное, потому, что этого пестрого, многонационального Тбилиси с особыми (конечно, идеализированными!) взаимоотношениями людей уже нет – все развеялось, как дымка. А вместо него – нечто совершенно новое, продиктованное временем. Ведь нельзя дважды войти в одну и ту же реку…

Потому и тексты звучали как-то уж больно современно, вполне в традициях сегодняшнего дня. Тяжелое материальное положение и никчемность князя Пантиашвили (в колоритном исполнении Нико Гомелаури), тщетно пытающегося сохранить остатки человеческого достоинства, но при этом постоянно выпрашивающего у всех денег, вызывали живой отклик в зале, да и целеу-

стремленная, «крутая» Ханума (Ирина Мегвинетухуцеси) скорее напоминала нынешних оборотливых персонажей – business women, для которых нет никаких преград, если речь идет о больших барышах, – чем тифлисскую сваху. Словом, многое в юбилейной «Хануме» было актуализировано, заострено.

А главным героем спектакля была вовсе не энергичная Ханума, а князь Пантиашвили, собирательный образ грузина, как это воображали себе создатели представления. Обаятельный кутила, прожигатель жизни, не способный к труду, и в то же время бесконечно одинокий человек, предаваемый окружающими, даже друзьями.

В спектакль были введены персонажи, которых нет у Цагарели: Александр Дюма, Александр Пушкин, Лев Толстой (почему бы не напомнить публике реальные исторические факты?). Со всеми этими литераторами князь Пантиашвили «на дружеской ноге» и даже просит у них взаймы. Найдется зритель, который не знает, что эти писатели бывали в Грузии, что, к примеру, Александр Дюма потерял здесь штаны и какой-то грузинский князь возместил ему потерю…

Незабываемое прошлое воскресло и на юбилейном вечере. В рассказе со сценических подмостков о том, кем, когда и как создавался русский театр – любимое детище Тифлиса. Конечно, прозвучало имя графа Михаила Воронцова, благодаря усилиям которого здесь и появился когда-то, очень

давно, русский театр… Страницы истории озвучили, причем в декорациях «Ханумы», грибоедовцы – бывшие и нынешние. Но разве можно представить себе «бывшего» грибоедовца, как и «бывшего» тбилисца? Ведь эта прописка навсегда! В этом нисколько не сомневался Николай Свентицкий, никогда не теряя связи с теми, кто в прежние годы блистал на Грибоедовской сцене. Наверное, поэтому сборный актерский ансамбль продемонстрировал в тот вечер поразительную слаженность, взаимопонимание. Зрители с удовольствием встретились с теми, кого уже больше и не чаяли увидеть на подмостках театра: Ефим Байковский, Борис Казинец, Ариадна Шенгелая, Михаил Иоффе, Светлана Головина, Замира Григорян, Ирина Квижинадзе, Заур Квижинадзе, Елена Килосанидзе, Вячеслав Степнов, Юрий Юрченко, Виктор Захаров… Свентицкий сумел их всех собрать в Тбилиси! Наверное, никогда в истории этого театра не было сказано столько добрых, искренних, благодарных слов, как в эти дни… Эмоции переполняли!

А гости прикоснулись к прошлому не только в театре, но и в монастыре Джвари. Сначала плотный туман не позволял им полюбоваться изумительным ландшафтом «там, где сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры». Но вскоре, словно по мановению волшебной палочки, туман рассеялся, и… чудо произошло.

Но возможно ли чудо без квинтэссенции всего сущего – вина? Особенно в Грузии? Оно тоже – символ древности, земли, мудрости. На празднике его вкушали с особым трепетом – почти как князь Пантиашвили. Например, в помещении акционерного объединения «Тбилисский винный погреб», представившего гостям свою продукцию – отменное вино. Николай Николаевич обладал уникальной способностью находить и привлекать людей, от которых зависел успех самых грандиозных его идей.

Среди гостей были звезды первой величины: не только президент Международной конфедерации театральных союзов, худрук петербургского БДТ Кирилл Лавров, но и знаменитый литовец Донатас Банионис, худрук Киевского театра имени Ивана Франко Богдан Ступка, худрук театра из Беларуси, носящего имя Янки Купалы, Валерий Раевский, заморские представители русского дворянства граф Петр Шереметев и князь Никита Лобанов-Ростовский… Чуть ли не каждый второй, вспоминающий Николая Свентицкого, говорит сегодня об его исключительном таланте дружить, завоевывать сердца, привлекать к себе самых интересных людей.

На юбилейном вечере грибоедовцев присутствовал сам Святейший и Бла-

женнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй. Выступил тогдашний министр культуры, охраны памятников и спорта Грузии Георгий Габашвили, подчеркнувший, что театр Грибоедова – неотъемлемая часть грузинской культуры. «Какова бы ни была политическая конъюнктура, люди культуры будут дружить. Театр Грибоедова – пример того, как творцы могут помогать своим странам», – отметил он.

В этот вечер гости говорили о значении Грибоедовского для развития грузинского театрального искусства, его огромной роли как очага русской культуры и русского языка, а также миссии сопряжения двух культур.

А сколько подарков получили в юбилейные дни грибоедовцы! От икон и сувениров в виде пасхальных яиц с разными изображениями, украинского рушника до стеклянного «автомата Калашникова», наполненного спиртным… Все это сегодня хранится в музее театра.

Роскошный подарок преподнес Союз театральных деятелей России. Его «озвучила» координатор Центра поддержки русского театра за рубежом при СТД России, главный редактор журнала «Страстной бульвар, 10» Наталья Старосельская. Был запланирован приезд в театр Грибоедова для проведения занятий педагогов по сценической речи, движению, ритмике, актерскому

Князь Никита Лобанов-Ростовский и Кирилл Лавров

мастерству. Очень теплое послание прислал тогдашний председатель СТД России Александр Калягин.

Всем присутствующим запомнилось эмоциональное выступление Кирилла Лаврова. Он говорил: ничто не сможет омрачить дружбу между нашими культурами, театрами, артистами. «Артист – достояние всего мира. Мне кажется, Грибоедовский в полной мере оправдывает великое звание – ‘‘артист’’». Он отметил художественные достоинства нового спектакля «Ханума». А директор Театра Наций Михаил Чигирь пригласил грибоедовцев на гастроли в Москву. Прозвучали и другие заманчивые предложения.

Вспоминали на вечере и тех грибоедовцев, которых уже нет с нами. Их лица были спроецированы на экране. Завершился вечер пышным фейерверком.

А в фойе развернулась экспозиция. «Материальные» свидетельства – фотографии, костюмы, афиши, газетные публикации – позволили вернуться в замечательное прошлое театра. Был заявлен и сегодняшний день – насыщенный репертуар, в котором были представлены произведения Чехова, Достоевского, Шукшина, Володина.

Булгаков… Кочергин… Шоу

Николай Свентицкий обладал настоящим чутьем менеджера, прекрасно зная вкусы и предпочтения публики и прогнозируя грядущий успех задуманного проекта. И практически никогда не ошибался в своих прогнозах.

В 2005 году на российские экраны вышел телесериал Владимира Бортко «Мастер и Маргарита» по культовому роману Михаила Булгакова, пользующийся и сегодня большой популярностью у зрителей. С большим успехом шел он и на Грузинском телевидении – с переводом на грузинский. По инициативе Николая Свентицкого спектакль по этому литературному шедевру в 2006 году появился и на сцене Грибоедовского театра.

Разумеется, режиссер-постановщик Авто Варсимашвили не ставил перед собой цель перенести на сцену весь объем романа и ограничился его наиболее значимыми эпизодами. Выбранные же фрагменты произведения были воплощены им с уважением к оригиналу и «близко к тексту». Речь при этом шла отнюдь не об иллюстрации, а о новом, живом, неравнодушном прочтении произведения, попытке заглянуть в его бездны.

Метафорический язык сцены как нельзя лучше передавал метафизику произведения. Мы видели огромный (или кажущийся таковым!) дом с мерцающими глазами-окнами (выдающийся художник Мириан Швелидзе). Этот образ – многосимвольный. Он был связан и с вполне конкретными совет-

«Мастер и Маргарита»

скими реалиями 30-х годов (спектакль стартовал песней «Легко на сердце от песни веселой» из «Веселых ребят» и характерной бытовой картинкой, сразу вводя нас в атмосферу того времени), и с торжеством новой социально-политической системы, и с мирозданческими категориями. Оборотная «сторона» этого здания-монстра (она словно дышала древностью, мифологией, эзотерикой), время от времени открывающаяся зрителю, возвращала нас к вечности, памяти, в глубину веков, в невидимый, потусторонний мир. Две «стороны» были неразрывны, представляли собой диалектическое единство... Правда, можно пребывать и на «стыке», на пороге «двойного бытия». Такова роль художника, Мастера, соединяющего миры. В древности мастерами называли тех, кто трактовал евангельские тексты, кто являлся как бы связующей нитью, проводником между миром духовным и миром чувственно-реальным.

Пространство сцены жило, дышало вместе с героями. Оно было подвижно, изменчиво. Это ощущение создавалось не только вращением сцены, когда зрители видят то одну, то другую половину «монстра», но и постоянно меняющимся освещением. Сцена внезапно погружалась во тьму, а затем снова озарялась светом окон. И эти превращения не были связаны с реальным временем суток. Сценическое пространство словно пульсировало и

тревожило зрителя какими-то предчувствиями.

На спектакле были постоянные аншлаги, и это несмотря на то, что зрителям приходилось просиживать по пять часов в неотапливаемом тогда Большом зале театра Грибоедова. Именно благодаря хлопотам директора «Мастера и Маргариту» стали играть на престижной сцене Тбилисского театра имени Ш. Руставели, и спектакль с удовольствием посещала как русскоговорящая, так и грузиноязычная публика. Кстати, Свентицкий всегда особо подчеркивал тот факт, что на спектакли русского театра приходят, прежде всего, именно грузиноязычные зрители.

В том же 2006 году Свентицкий осуществил еще один замечательный проект – пригласил в Тбилиси молодого талантливого режиссера из Санкт-Петербурга Дмитрия Егорова, который поставил на Грибоедовской сцене моноспектакль «Ангелова кукла» по прозе главного художника БДТ Эдуарда Кочергина; он стал самой первой постановкой по его произведениям. Дружба Свентицкого с Эдуардом Кочергиным, как и с другими петербургскими деятелями культуры, – тема особая и обширная. Как и тема особой привязанности Николая Николаевича к городу на Неве. Из любви к Санкт-Петербургу и его лучшим представителям родился этот успешный проект – спектакль «Ангелова кукла», который был представлен Грибоедовским театром, в том числе на сцене БДТ имени Г.А. Товстоногова.

«В Тбилиси ворвался свежий ветерок литературно-театрального Санкт-Петербурга в лице совсем молодого режиссера и драматурга Дмитрия Егорова. Он приехал в Грузию по приглашению Союза «Русский клуб» как режиссер-постановщик спектакля для Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова. Свободу выбора ему дали полную, только это должен был быть моноспектакль для ведущей актрисы театра Ирины Мегвинетухуцеси. Режиссер построил действие на контрастах – чем страшнее, тем проще. Актриса ведет рассказ абсолютно бесстрастным голосом констатации. Полная статика, лишь детский мячик-«раскидай» на резинке ритмично прыгает в руке… Размеренный голос изредка взрывается вспышками уличных матерщинных перепалок. К финалу голос актрисы становится еще безразличней, а веселый бумажный мячик замирает в руке. Сквозь разорванную обертку медленно сыплются опилки. И актриса на полу строит из них то ли воздушный замок, то ли могилку… Горькая рюмашка на прощанье, свет в зал, на зрителей, а из уличного громкоговорителя несется звонкий голос передовой работницы: «Спасибо великому Сталину за счастливое детство!» – и гром аплодисментов. Их звучание тускнеет в шершавом шуме дождя, он будто смывает ра-

«Ангелова кукла»

дужный ореол. Скрежещущее шуршание капель становится почти нестерпимым. И как последний выход долго сдерживаемых эмоций – удар кулаком по громкоговорителю. Черный раструб слетает со столба, повисает на проводе и мерно, угрожающе раскачивается в полумраке сцены. Действует спектакль как ушат холодной воды...» (Вера Церетели. На «дне» Васильевского острова. ПТЖ).

«Ангелову куклу» показали на Международном театральном фестивале ARMMONO (Ереван, Армения) и на V Международном театральном фестивале малых форм «Театроник» в Харькове (Украина) – с оглушительным успехом!

В том же 2006 году «Русский клуб» стал продюсером «пустячка в одном действии» – спектакля «Избранник судьбы» по ироничной пьесе Бернарда Шоу в постановке Андро Енукидзе. Отношения с публикой складывались здесь нетрадиционно. Зрители сидели на сцене, образуя круг. Актеры играли внутри этого круга – на пятачке, напоминающем мини-арену. Так что контакт между ними и публикой был в чем-то сакральным. А спектакль, таким образом, становился актом посвящения в искусство. Время от времени «пятачок» сцены вращался, меняя ракурс восприятия зрителем происходящего, заставляя его под иным углом увидеть мизансцену и сообщая действию новую энергию (сценография Айвенго Челидзе).

Выбор театра пал не на самую популярную и совсем не затасканную режиссерами пьесу мастера парадоксов. Правда, сначала закралось сомнение: а зачем нам, собственно, нужна эта история, названная самим

«Избранник судьбы»

драматургом «пустячком»? К чему нам этот выдуманный Шоу сюжет об авантюристе Буонапарте, избраннике судьбы, грезящем о славе (его сыграл Слава Натенадзе)? А дело в том, что ироничное отношение к ницшеанским индивидуалистическим теориям, провозглашающим своим идеалом сильную личность, стремящуюся к власти любой ценой, развенчание милитаристских устремлений «горячих голов» сегодня так же актуально, как и в тот период, когда творил Бернард Шоу. А может, и более актуально, потому что в наш век сильные мира сего продолжают самоутверждаться за счет слабых. Причем в стремительном потоке бытия, в мгновенно сменяющих друг друга кинокадрах жизни становится все труднее что-то осознать и реально оценить. И в этом историческом контексте все меньше значат морализаторские или религиозные рассуждения о том, «что такое хорошо и что такое плохо» и в какой степени «цель оправдывает средства». Бернард Шоу еще в конце XIX века взял и показал Наполеона, о славе которого мечтал Родион Раскольников из «Преступления и наказания», в негероическом ореоле – всего лишь обманутым мужчиной. И вот такие, с позволения сказать, рогоносцы и вершат судьбы человеческие?

«Свет!.. Больше света!»

В 2010 году по инициативе Николая Свентицкого была выпущена музыкальная драма «Гетто», поставленная Авто Варсимашвили по пьесе израильского драматурга Джошуа Собола и посвященная 65-летию Победы во Второй мировой войне. Премьера состоялась 10 мая 2010 года в Батумском

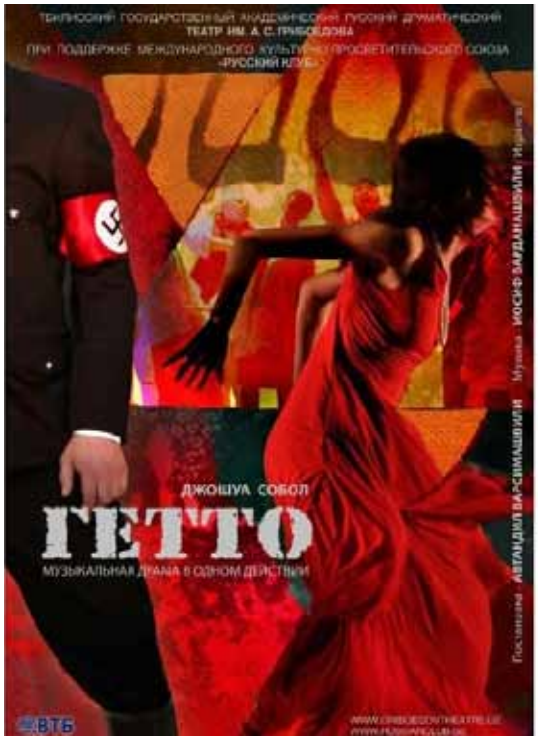
«Гетто»

государственном драматическом театре им. И. Чавчавадзе, 18 мая этим спектаклем была открыта вновь отремонтированная Большая сцена Грибоедовского театра, а в сентябре 2010 года, в рамках II Тбилисского международного театрального фестиваля, театр открыл «Гетто» свой юбилейный 165-й сезон.

Уже в октябре 2010-го спектакль едет на Международный театральный фестиваль в Каир, в апреле 2011-го гастролирует в Ереване, а в мае 2012 года – в Баку. 2014 год – Международный фестиваль искусств в Стамбуле. «Гетто» также был представлен на международных театральных фестивалях «Встречи в России» (Санкт-Петербург) и «Встречи в Одессе» (Украина).

Это был яркий спектакль. Начинался он необычно. Зрители слышали какие-то странные, тревожные звуки, напоминающие скрежет, лязг металла, отдаленный гул. «Хаос!» – словно кричал в бездну немецкий обер-лейтенант Киттель (Аполлон Кублашвили). И публика вспоминала первоначальное значение древнегреческого слова «хаос», соотносимого с ночью, тьмою, смертью, бесформенностью. В то же время это понятие связано и с творческим началом, созиданием; ведь сущность хаоса – пустота и ничто, которые содержат и порождают все. В нем совпадают начало и конец, жизнь и смерть… Этот философский посыл прочитывался в спектакле «Гетто».

Жизнеутверждающий пафос был выражен через главную тему спектакля

– тему театра. Ведь вслед за словом «хаос» Киттель бросал во тьму другие: «Свет!.. Больше света!». И огни софитов, ярко осветив сцену, словно рассеивали непроглядный мрак реальности…

В основе сюжета пьесы – создание театра в Вильнюсском гетто, а также история сложных взаимоотношений немца Киттеля и еврейской певицы Хаи (Мариам Кития).

Сценография спектакля была лаконична (художник Мириан Швелидзе). Пустое, будто выхолощенное пространство; скученные на пятачке сцены фигуры – как продолжение миллионов жертв Холокоста, запечатленных на заднике. Над ними, в самом верху, – театральная ложа. Словно спасительный Ноев ковчег.

Запомнилась эффектная первая картина – откуда-то сверху падала одежда погибших евреев, а будущим жертвам гетто предлагалось выбрать из этой кучи что-то для себя. Красные блики на осиротевших вещах рождали вполне определенные ассоциации…

В спектакле был развернут традиционный конфликт добра и зла: на одном полюсе – немецкий офицер Киттель, воплощающий в себе страшную сущность фашизма, на другом – евреи гетто, пытающиеся сохранить не только свои жизни, но и человеческое достоинство. Этот конфликт выражался, в том числе, пластически. Так, защищая Хаю от Киттеля, узники гетто – будущие артисты театра – сплачивались и буквально завораживали, «затанцовывали» фашиста. Почти как вызов звучала песня Хаи, которую она исполняла по приказу Киттеля.

Разыгрывая байки, анекдоты, притчи, которыми был буквально пронизан спектакль, узники гетто поддерживали друг в друге жизненные силы, мужество. Это еврейское «чего-нибудь» – неистребимый дух народа, способного перенести невозможное.

Труппа артистов театра гетто в спектакле была очень активна, действенна. Это единый пульсирующий организм. Иногда, освещенный красным, он напоминал пламя. Протуберанцами вспыхивали смешные истории и серьезные

Гастроли «Гетто» в Баку

притчи в исполнении актеров.

Одна из наиболее впечатляющих сцен спектакля – танго в исполнении Киттеля и Хаи. Это дуэль, смертельный поединок, квинтэссенция страсти-ненависти. Немец властно притягивает к себе девушку, она мечется, будто пытается вырваться из пут. А потом сама бросает вызов Киттелю, становится лидером в танце… но в итоге все равно оказывается у его ног… Поверженная, но не побежденная, не сломленная.

Было в постановке еще одно танго – его исполняют артисты театра гетто после «селекции» – отбора и уничтожения каждого третьего ребенка в еврейских семьях. Эта сцена – доминанта спектакля. И как утверждение спасительной силы театра – танго! Хореографом Гией Маргания был подчеркнут графический момент. Он убрал из танго эротический элемент, предельно обнажив эмоциональный. Пластический язык, придуманный хореографом, передавал пограничное состояние людей, постоянно находящихся под знаком смерти, существующих «на грани» бытия и небытия и, тем не менее, созидающих Театр.

Музыка израильского композитора Иосифа Барданашвили, уроженца Грузии, своеобразна по колориту, мелодически богата и глубоко трагична. Ей свойственны рельефность, яркая театральность, контрастность образов. Все, кто ставил пьесу «Гетто» до сих пор, использовали уже существующий музыкальный материал – песни Вильнюсского гетто. Но Барданашвили создал свой, особый мир: это музыка общечеловеческого, философского звучания,

раскрывающая тему жизни и смерти, тему духовного прозрения. При всей своей трагичности она освещает спектакль внутренним светом… Кстати, именно Николай Свентицкий пригласил Барданашвили на постановку.

Посвящение Товстоногову и Лебедеву

Благодаря Николаю Свентицкому в 2000-е годы в театре стартовали Сезоны русской классики. На Грибоедовской сцене идут преимущественно произведения русских авторов. Среди них – Ф. Достоевский («Кроткая» и «Достоевский.ru» по мотивам «Записок из Мертвого дома»), Л. Толстой («Холстомер. История лошади»), А. Островский («Гроза» и «Поздняя любовь»), И. Тургенев («Нахлебник»), А. Пушкин («Дон Гуан», «Сказка о царе Салтане»), Н. Гоголь («Женитьба», «Ревизор», «Игроки», «Шинель», «Записки сумасшедшего»), А. Вампилов («Старший сын»).

В 2012 году у директора театра возникла идея осуществить постановку спектакля «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Л.Н. Толстого, отдав дань памяти двум знаменитым петербуржцам – Георгию Товстоногову и Евгению Лебедеву. Ведь творческий путь этих выдающихся людей начинался в столице Грузии. И вот грибоедовцы, при поддержке Международнго культурно-просветительского союза «Русский клуб», дерзнули предложить свою сценическую версию толстовского шедевра. Шаг смелый, учитывая,

«Холстомер. История лошади»

что в памяти зрителей сохранилась легендарная постановка БДТ. В одном из интервью Николай Николаевич рассказывал о том, какое сильное впечатление произвел на него спектакль БДТ, показанный в Тбилиси во время гастролей прославленной труппы.

Спектакль «Холстомер. История лошади» надолго стал визитной карточкой театра Грибоедова. С огромным успехом показанный во многих странах и городах постсоветского пространства, он был представлен на разных фестивалях. Начнем с того, что Грибоедовский открыл «Холстомером» программу шоу-кейса Тбилисского международного театрального фестиваля в 2012 году.

В ярком, насыщенном эмоциями спектакле театра имени А.С. Грибоедова Холстомера играли не один, а сразу три актера – Лаша Гургенидзе, Иванэ Курасбедиани и Валерий Харютченко. Три актера – три возраста одного коня! Такова была задумка режиссера Авто Варсимашвили, поставившего спектакль о мудрости, обретенной через мучительные страдания, о том, как некрасива и беспомощна старость, о смерти, которой никому не избежать. В синтезе с экспрессивной музыкой, световыми эффектами и вращающимся сценическим кругом развернутые пластические картины выражали самые разные чувства – любовь, страх, агрессию, боль.

В 2012 году спектакль принял участие в XV международном фестивале русскоязычных театров «Встречи в России», который проходит в Санкт-Петербурге. Взыскательная публика города на Неве бурными аплодисментами и криками «браво!» выразила свой восторг и признание гостям из Грузии, вновь прикоснувшимся к повести Льва Николаевича Толстого.

Критики писали: «Спектакль театра имени А.С. Грибоедова – дань глубокого уважения первоисточнику» (Э. Деменцова). «Режиссер Автандил Варсимашвили создал впечатляющую театральную фантазию» (А. Пронин). «Театр имени А.С. Грибоедова из Тбилиси сделал настоящий подарок театралам – спектакль «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Льва Толстого» («Комсомольская правда»).

– Зал слушал потрясающе! – рассказывала заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили, сыгравшая Вязопуриху. – За время спектакля, мне кажется, никто ни разу даже не закашлял. Зрители дышали вместе с нами, актерами, – возникла так называемая вольтова дуга. После спектакля нас долго не отпускали. Стоит ли говорить, что из Санкт-Петербурга мы вернулись окрыленные, обновленные?!

Юбилейный фестиваль «Встречи в России» прошел под девизом «Пятнад-

На вручении премии «Звезда Театрала»

цать лет вместе» и собрал в Санкт-Петербурге лучшие русскоязычные театры. Было представлено 12 спектаклей 12 русскоязычных театров ближнего и дальнего зарубежья. Тем значимее был успех тбилисского «Холстомера».

В рамках дополнительной программы прошел круглый стол «Пространство без границ. Диалог культур как условие развития общества». С докладом «Популяризация русской культуры как фактор миротворчества и новые возможности развития партнерских отношений» тогда выступил директор тбилисского Грибоедовского театра, президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий, поделившийся своим бесценным опытом.

В 2012-м пришла радостная весть: по результатам зрительского голосования шестой ежегодной премии «Звезда Театрала», созданной журналом «Театрал» и газетой «Новые известия», Грибоедовский стал победителем впервые учрежденной номинации «Лучший русский театр за рубежом». На торжественной церемонии, которая проходила 2 декабря в театре имени Евгения Вахтангова, престижную награду принял Николай Свентицкий. «Благодарю всех, кто создал премию «Звезда Театрала» – за независимость, вкус и свободу выбора, – сказал он. – Особую благодарность я хочу выразить выдающемуся меценату Бидзине Иванишвили и Международному благотворительному фонду «Карту», при помощи которых Грибоедовский театр (впрочем, как и все театры Грузии) продолжает жить и работать». По мнению главного редактора газеты «Новые известия» Валерия Якова, «это исклю-

чительно важное дело – поддерживать русский театр на русском языке на постсоветском пространстве».

В 2013 году «Холстомер» был представлен на XI Московском международном театральном фестивале «Золотой витязь» – на сцене Московского Губернского театра. Спектакль грибоедовцев был отмечен Гран-при фестиваля, а исполнитель роли старого Холстомера Валерий Харютченко удостоен Золотого диплома. Награждение проходило в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя. В нем собралось четыре тысячи зрителей!

«Ключевым словом я бы назвал слово «радость», – поделился эмоциями Валерий Харютченко. – Радость была уже в процессе создания спектакля. Зрители – в Питере, в Москве, в Тбилиси – тоже испытали на спектакле радость, несмотря на трагическую историю. А радость – это результат творческого акта. Душа человека жаждет света, потому что жизнь сложна, а порой и страшна. В спектакле действительно происходят страшные вещи, но когда искусство настоящее, возникает состояние радости. И, конечно, радостно было от того, что на спектакль пришли бывшие грибоедовцы: актер театра имени Владимира Маяковского, народный артист России и Грузии Ефим Исаакович Байковский, поэт, драматург Заур Квижинадзе, актриса театра имени Марии Ермоловой, заслуженная артистка России Светлана Головина, поэт, драматург, актер Юрий Юрченко, актриса МХАТ имени Максима Горького Лариса Некипелова, актер, педагог Анатолий Смиранин и другие актеры. Они пришли за кулисы, благодарили, были воодушевлены, сопере-

«Холстомер. История лошади»

живали, даже проливали слезы. Николай Петрович Бурляев отметил современность, изысканность, глубину спектакля и произнес еще много-много высоких эпитетов в его адрес, в адрес театра. Отметил, что на сцене были личности. Николай Николаевич Свентицкий, как всегда, блестяще все организовал – например, встречу с грузинской диаспорой».

«Сердечно благодарю за огромную работу, осуществленную вами для творческого захвата Москвы. Работа не пропала даром – вы триумфаторы форума, показавшие высокий класс театральной режиссуры и актерской школы. Еще раз поздравляю Вас, Автандила Варсимашвили и всех артистов, причастных к празднику, подаренному тбилисцами Москве. Желаю новых творческих дерзаний. До встречи. Ваш Н. Бурляев», – говорится в письме, адресованном директору театра Николаю Свентицкому.

Московский триумф «Холстомера» прокомментировала журналист Ирина Шелия:

«Безусловной удачей режиссерской инсценировки «Холстомера» стала ее абсолютная самостоятельность. Подчеркнута линия критической оценки мыслящим существом нравственного перерождения человека, института собственности – оценки прямой и опосредованной, обозначенной Виктором Шкловским на примере этой повести Льва Толстого как прием «остранения». Версия грибоедовцев, при всей ее визуальной современности, избежала упрощения сути мудрости великого русского писателя. Соответствие определенным требованиям зрелищности сегодняшней театральной реальности достигается здесь рисунком пластического решения темы. Убедительным оказался режиссерский ход в решении образа главного героя. Холстомер, представленный в трех ипостасях, в трех разных временных измерениях, представляет зрителю трагическую историю лошади во всем объеме толстовского живописания и философского осмысления образа. Не буду углубляться в разбор спектакля, думаю, о нем говорилось и еще будет сказано много. Но, признаюсь, мне, уже давно не поддающейся воздействию театральных страстей, несколько раз пришлось прослезиться: была глубоко тронута искренним и очень изящным драматизмом старого Холстомера в исполнении замечательного, эмоционально трепетного актера Валерия Харютченко.

Многих добрых слов заслужили создатели спектакля: его лаконичная и емкая сценография, яркие неожиданные находки художника Мириана Швелидзе, впечатляющая музыка композитора Зазы Коринтели и органичное ее оформление Элисо Орджоникидзе, профессиональные достоинства актеров. Щедрым и согревающим душу предновогодним подарком стала впечатля-

ющая победа Тбилисского театра имени А.С. Грибоедова в Москве, и понятно воодушевление, с которым принимала его московская театральная публика, осыпая цветами и овациями как самых дорогих и родных людей. В зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя на торжественном закрытии IV Международного славянского форума искусств «Золотой Витязь» «Холстомер» грибоедовцев был удостоен главной награды – Гран-при этого почетнейшего форума, полученной из рук его президента, члена Патриаршего Совета по культуре, народного артиста России Николая Бурляева». В 2014 году «Холстомеру» аплодировали в Махачкале, Ереване, Баку. Везде – единодушное признание и горячий прием».

170…

В юбилейном 2015-м тбилисский «Холстомер» открыл Международный фестиваль русских театров «Соотечественники», который проходил в Саранске (Россия, Мордовия), затем отправился в Астану (Казахстан), побывал в Беларуси (Брест, Минск). В московском журнале «Страстной бульвар, 10» была опубликована обзорная статья Д. Хованского, посвященная фестивалю «Соотечественники». В ней дается высокая оценка спектаклю «Холстомер».

Осенью театр пышно отметил 170-летний юбилей, созвав на торжества гостей из 25 стран. Среди них – актеры, режиссеры, художественные руководители и директора театров, продюсеры, представители театральных фестивалей, поэты, писатели, театроведы и журналисты. Все они приняли участие в Конгрессе русских театров зарубежья (инициатором его проведения стал

170-летие Грибоедовского театра

Борис и Светлана Казинцы

директор театра и президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий).

На Малой сцене театра-юбиляра прозвучал монолог грибоедовца, народного артиста Грузии Бориса Михайловича Казинца, отметившего в тот период свое 85-летие. Публика встретила артиста очень тепло и радушно, несмотря на то, что Борис Михайлович уже много лет проживает в США, в Тбилиси его не забыли и были счастливы вновь оказаться во власти его сценического обаяния и таланта. «Ретропутешествие» Бориса Казинца под названием «В карете прошлого» покорило своей исповедальностью, ностальгической интонацией, самоиронией и юмором. Воспоминания перемежались стихами и монологами. Зрители и актер, вновь встретившиеся после разлуки, долго не могли расстаться друг с другом.

По окончании монолога артиста прошла презентация книги Инны Безиргановой «Закон вечности Бориса Казинца», вышедшей в серии «Русские в Грузии» (эта серия, созданная по инициативе Н. Свентицкого, обрела большую популярность в Грузии и за ее пределами).

На следующий день в рамках грандиозного юбилея, организованного театром вместе с МКПС «Русский клуб», в рамках Конгресса русских театров зарубежья прошла конференция «Русский театр за рубежом: проблемы и перспективы». За «круглым столом» обсуждались проблемы театрально-

го образования, а вторая половина дня была полностью посвящена легендарной личности – Георгию Товстоногову. С монологами, воспоминаниями о великом Гоге выступили ученики режиссера: Олег Басилашвили, Темур Чхеидзе, Сандро Мревлишвили, заместитель художественного руководителя по общественно-просветительской и исследовательской деятельности БДТ имени Г. Товстоногова Ирина Шимбаревич.

Народный артист СССР Олег Басилашвили призвал следовать путем Георгия Товстоногова и поделился мыслями о тревожных тенденциях в современном театре: «Постмодернизм страшен, когда за ним скрываются бездарность и непрофессионализм. Наш театр переживает серьезную болезнь. Остались в прошлом режиссеры, стремившиеся выразить на сцене духовность, рассказать о человеке, а не заставлять зрителей разгадывать ребусы и кроссворды «за кадром». Современные режиссеры будто не читают пьес, это сейчас немодно. Сегодня они ставят не произведения, а спектакли о самих себе. Нужно вывозить на гастроли такие спектакли, которые показывают, какова сущность человека».

Режиссер Сандро Мревлишвили: «Говорить о Георгии Товстоногове очень легко и одновременно очень трудно. Я, как студент его первого режиссерского выпуска в Ленинграде, всегда стремился следовать религии и учению своего учителя. Если сегодня что-то нужно театру – не только грузинскому или русскому, но мировому, – это Товстоногов, товстоноговское наследие. В массовой культуре мы теряем главное – профессионализм. Наверное, время

Олег Басилашвили и Сандро Мревлишвили

задуматься о профессионализме, приверженцем которого всю свою жизнь был Георгий Товстоногов».

Одной из любимых учениц Товстоногова была мать Темура Чхеидзе, знаменитая актриса Медея Чахава. Режиссер вспомнил о том, как маэстро приглашал его в свой театр на постановку пьесы «Коварство и любовь» Шиллера, но мечта поработать с Товстоноговым так и не осуществилась: Чхеидзе в тот период тяжело заболел. Правда, задумка Георгия Александровича все-таки нашла воплощение на сцене БДТ – Чхеидзе выпустил «Коварство и любовь» в 1990 году.

Темур Нодарович рассказал, как ему работалось с товстоноговскими актерами в период пребывания на посту художественного руководителя БДТ. «Величие Товстоногова проявляется в том, как его дух сохраняется актерами, которые вместе с ним создавали спектакли».

В рамках диалога о Товстоногове была представлена книга, посвященная режиссеру (автор – завлит театра Грибоедова Нина Зардалишвили-Шадури), «Тбилиси – Санкт-Петербург и обратно» – она вышла в серии «Русские в Грузии». А также издания той же серии: «Ваше благородие, господин артист! Павел Луспекаев» (автор – Н. Зардалишвили-Шадури), «Свой среди своих. Александр Товстоногов» (автор – доктор искусствоведения, профессор Грузинского государственного института театра и кино им. Ш. Руставели Лела Очиаури), «Опьянение театром по-тбилисски. Владимир Немирович-Данченко» (автор – журналист, писатель Владимир Головин).

Темур Чхеидзе и Ирина Шимбаревич

У мемориальной доски на доме Георгия Товстоногова в Тбилиси

В тот же день к дому и мемориальной доске Георгия Товстоногова были возложены цветы. А вечером в фойе Большого зала театра имени А.С. Грибоедова открылась постоянная экспозиция «Русский театр в Грузии», отражающая его 170-летнюю историю (в создании выставки участвовали заместитель директора театра Торнике Глонти, художник-декоратор Шота Багалишвили, заведующая музеем театра Инна Безирганова). Были представлены уникальные фотографии, афиши, плакаты, программки, макеты, предметы реквизита, костюмы, рукописи Михаила Щепкина и Александра Яблочкина, ставших зачинателями русского театра в Тифлисе. В организации экспозиции большую помощь театру оказал Государственный музей театра, музыки, кино и хореографии Грузии. Эта организация содействовала также созданию большой юбилейной книги «Русский театр в Грузии 170» (автор и составитель – зав. музеем театра, доктор филологии Инна Безирганова) и «вечного» календаря (составитель – на тот момент главный редактор журнала «Русский клуб» Александр Сватиков), художник-дизайнер изданий – Давид Элбакидзе-Мачавариани. Были использованы также уникальные материалы Центрального государственного архива Грузии.

Этот день завершился показом спектакля «Холстомер. История лошади».

На Конгрессе состоялись дискуссии на злободневные темы: «Русские театры зарубежья и СМИ» и «Русские театры зарубежья. Фестивальное движение. Значение и организация гастрольной деятельности».

Выступил известный режиссер, художественный руководитель Русского

драматического театра Литвы Йонас Вайткус, отметивший, что на конгрессе собрались люди, не имеющие отношения к политике и дипломатии: «В Грузии должен быть сакральный театр. Спектакли Гоги Товстоногова – тоже сакральная вещь. У него никогда не было преклонения перед людьми, которые стремятся только забавляться и не имеют ничего общего с сущностными вещами, не было легковесных, бездуховных постановок».

Состоялся непростой разговор о сегодняшней театральной критике. Выступил главный редактор газеты «Новые известия» и журнала «Театрал», президент премии зрительских симпатий «Звезда Театрала» Валерий Яков (первым лауреатом этой премии стал Грибоедовский театр). Он призвал московских критиков и журналистов писать не только о театрах в пределах Садового кольца и не только о тех, кто любезны сердцу критиков. По мнению В. Якова, нужно активнее освещать театральную жизнь русского зарубежья.

Заострила проблему освещения в прессе театральной жизни московский критик, переводчик, педагог Ирина Мягкова: «Никто не занимается разбором спектаклей, все занимаются пиаром, в результате чего теряется смысл публикаций. Неправильно выделять русский театр за рубежом в качестве специальной, отдельной темы. Это и есть политика, пиар. В театре мы занимаемся искусством, а не пропагандой имиджа России. Главное – заниматься искусством. Если где-то появляется замечательный спектакль, об этом сразу узнают повсюду».

Театровед, эссеист Лана Гарон говорила о кризисе профессии театрального критика, превратившегося в «обслугу». «Критики не умеют читать спектакли, не владеют сценическим языком. В результате этого мы не оставляем потомкам нормального описания, анализа спектаклей».

Генеральный директор Федерального центра поддержки гастрольной деятельности при Министерстве культуры Российской Федерации Антон Прохоров остановился на двух основных направлениях деятельности центра, цель которой – создание единого культурного пространства. Это гастроли российских театральных коллективов в странах СНГ и Балтии и гастроли русских театров зарубежья в городах России. Он рассказал (к разговору присоединилась Ольга Андрейкина из Федерального центра) и о других программах: культурная журналистика, театральная педагогика. Директор крупнейшего в Беларуси международного театрального фестиваля «Белая Вежа» Александр Козак и директор международного театрального фестиваля «Мельпомена Таврии» – он с успехом проходит в украинском Херсоне – Александр Книга рассказали о своем «фестивальном» опыте.

Кетеван Кикнадзе, Николай Свентицкий, Анна Варпаховская, Римас Туминас, Василий Лановой

Разнообразная программа Конгресса включила и такое незаурядное событие, как открытие мемориальных досок, посвященных памяти выдающихся режиссеров Гиги Лордкипанидзе и Леонида Варпаховского. Их профили появились в фойе большого зала театра Грибоедова рядом с профилями Всеволода Мейерхольда, Котэ Марджанишвили, Георгия Товстоногова и Петра Фоменко, тоже оставивших яркий след в истории тбилисского русского театра. На церемонии выступила дочь Леонида Варпаховского – известная актриса Анна Варпаховская, создавшая в канадском Монреале русский театр имени своего отца. Состоялась также презентация книги «Партитура судьбы. Леонид Варпаховский» из серии «Русские в Грузии» (автор – И. Безирганова).

Участники Конгресса «Русский театр за рубежом. Проблемы и перспективы» обратились к Союзу театральных деятелей (СТД) России с предложением учредить ежегодные профессиональные премии и специальные призы для деятелей русских театров зарубежья, говорили также о необходимости рассмотреть вопрос об издании ежеквартального приложения к одному из популярных российских театральных журналов, целиком посвященного деятельности русских театров зарубежья. По итогам конференции была принята резолюция.

По инициативе московского Дома русского зарубежья имени А.С. Солженицына в фойе Малого зала театра была развернута книжная выставка,

на которой были представлены уникальные издания последних лет – художественные произведения, книги по философии, истории, культуре, филологии. Состоялась церемония передачи книг Тбилисскому государственному университету имени И. Джавахишвили и Грузинскому государственному университету театра и кино имени Ш. Руставели. А потом на сцену вышел ректор Литературного института имени А.М. Горького, писатель Алексей Варламов, рассказавший о разнообразной деятельности Дома русского зарубежья и своем творчестве. Завершило встречу выступление историка русского зарубежья, автора-исполнителя Виктора Леонидова.

Кульминацией праздника стал юбилейный вечер. Грибоедовцы, актеры разных поколений, в столь узнаваемых декорациях старого Тифлиса развернули перед гостями грандиозную 170-летнюю историю русского театра в Грузии – напомнили факты, известные и малоизвестные, славные имена режиссеров, актеров. А потом были поздравления и вручение подарков. Театр имени Грибоедова поздравили президент Грузии Георгий Маргвелашвили, премьер-министр Ираклий Гарибашвили, Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, министр культуры России Владимир Мединский, председатель СТД России Александр Калягин.

Со сцены прозвучали самые добрые пожелания в адрес театра – от министра культуры и охраны памятников Грузии Михаила Гиоргадзе, от гостей из санкт-петербургского БДТ имени Г. Товстоногова Олега Басилашвили и Ирины Шимбаревич, от московских звезд Василия Ланового и Ирины Муравьевой, от гостей из дальнего зарубежья Анны Варпаховской и Бориса Казинца,

от художественных руководителей и директоров театров и фестивалей...

Завершила юбилейные дни долгожданная премьера – спектакль Автандила Варсимашвили «Ревизор» Н. Гоголя. Режиссер предложил новаторский подход к классике: представил публике впечатляющую фантасмагорию, насыщенную библейскими мотивами.

Возрождение музея

В 2014 году, в преддверии 170-летнего юбилея, Тбилисский театр им. А.С. Грибоедова приступил к осуществлению проекта по воссозданию и развитию театрального музея. Инициатором стал Николай Свентицкий.

«Развитие, а по сути – создание музея Грибоедовского театра на новом историческом этапе, пополнение его коллекции исключительно важно для сохранения и популяризации русской культуры в Грузии. 170-летие театра Грибоедова – это не только замечательные спектакли, но и, прежде всего, уникальные личности, оставившие глубокий след в истории культуры страны. И цель музея – сохранение памяти о них, – говорил директор. – Искусство театра сиюминутно. Заканчивается спектакль – остаются лишь воспоминания. Ведь каждую постановку не зафиксируешь на пленке. Музей призван аккумулировать память об истории театра, о тех, кто ее создавал».

В настоящее время Грибоедовский театр располагает значительной коллекцией фотографий, программ, плакатов и афиш, макетов декораций, костю-

Роин Метревели, Зураб Церетели-младший и Николай Свентицкий на открытии памятника А. Грибоедову в Грибоедовском театре

мов, книг, пьес, призов, памятных подарков, рецензий. Увы, музей обладает ограниченным количеством эскизов декораций к спектаклям (поэтому было особенно приятно получить в дар от санкт-петербургского БДТ репродукции эскизов Николая Акимова и Владимира Дмитриева, датированные 1924 годом). Театр пережил сложные времена (к примеру, обрушение старого здания театра в 1966 году, гражданская война 1991-1992 гг.), что, естественно, отразилось и на сохранности фондов. Часть материалов была передана в Центральный государственный архив Грузии.

Накануне 170-летнего юбилея на всем обширном пространстве театра (фойе Большого и Малого залов, ярусы, актерское фойе и т.д.) была развернута экспозиция. Закупили необходимое музейное оборудование – выставочные столы, витрины, колбы для костюмов, подмакетники и т.д. Были представлены фотографии из спектаклей, афиши, плакаты, ксерокопии писем Михаила Щепкина и Александра Яблочкина (хранятся в Центральном государственном архиве Грузии), принимавших непосредственное участие в создании русского театра в Тифлисе, награды, дипломы, подарки. Выставлены баннеры – портреты выдающихся режиссеров и художников, внесших значительный вклад в историю русского театра в Грузии. Начал вестись учет фондов музея.

Постюбилейное слово директора

– Театр перешагнул довольно серьезный рубеж 170-летнего юбилея, – говорил в подробном интервью Николай Свентицкий, анализируя перспективы Грибоедовского. – Тем самым он доказал свое право на существование. Русский театр в Грузии – это особый феномен. Грибоедовский театр успешен. Почему? Причина проста: этот театр всегда стоял рядом с народом Грузии – в праздниках и горестях. И всегда позиционировал себя как один из компонентов единого грузинского театрального пространства. На тбилисской русской сцене играли выдающиеся грузинские актеры – такие знаковые для национальной культуры фигуры, как Верико Анджапаридзе, Георгий Давиташвили, Отар Коберидзе, Гуранда Габуния. И для них это всегда было радостью и честью. В русском театре оставили свой след выдающиеся режиссеры: Всеволод Мейерхольд, Александр Туганов, Александр Таиров, Георгий Товстоногов, Михаил Туманишвили, Петр Фоменко, начинал свой творческий путь Роберт Стуруа. Многие актеры прошли в Грибоедовском серьезную школу, получили «аттестат», с которым отправились дальше, возглавили труппы и блистали на других, самых престижных сценах. Но они с особой теплотой вспоминали и вспоминают именно период работы в Грибоедовском театре. Трудно ли сегодня нам приходится? Конечно, трудно! Наступили новые времена, и они диктуют новые ритмы. К ним нужно не то что подстраиваться – подстраиваться – это всегда плохо, – но понимать, изучать происходящие процессы, участвовать в них! И театр Грибоедова действительно вписывается в эти процессы, чутко слышит, реагирует на импульсы наступившей эпохи, в соответствии с ними строит свою репертуарную политику, жизнь вообще. Большое внимание уделяет своему завтрашнему дню, работе с будущими актерами театра, которых готовят в Университете театра и кино имени Ш.

Участники Международной летней театральной школы в Шекветили

Руставели. Мы работаем с ними в ежеминутном режиме, устраиваем для начинающих разные школы, занятия, мероприятия – для того, чтобы у театра была достойная перспектива. Ведь у нас уже нет возможности ездить в лучшие российские вузы, как это было раньше, и приглашать в Тбилиси понравившихся выпускников. Прежде всего, в силу экономических причин – потому что сразу возникают вопросы с жилплощадью, гражданством. Решение всех этих проблем сегодня многократно усложнилось, поэтому мы ищем ресурсы внутри своей страны, привлекая к обучению талантливую, на наш взгляд, молодежь и воспитывая из них актеров русского театра. Хотя и тут приходится иметь дело с большими проблемами – прежде всего языковыми, да и экономическими тоже. Но театр движется вперед. На первый взгляд, весьма успешно. Конечно, как в любом живом творческом организме, у нас отнюдь не все так уж гладко. Но мы пытаемся преодолевать трудности. У нас в театре своя социальная политика: мы стараемся жить семьей. Во всяком случае, именно так мы себя позиционируем. А что это означает – жить семьей? Понимать и принимать близко к сердцу радости и горести каждого конкретного человека, работающего в нашем театре. Это сложно, хотя и не безнадежно. А наша творческая политика – формировать репертуар в основном из произведений русской классики. Тем самым мы знакомим с нашей сокровищницей представителей грузинского народа. Мне кажется, это самое большое достижение в работе нашего театра. Спектакли грибоедовцев – по-

стоянные участники, лауреаты, дипломанты многих фестивалей. У театра есть имя. Причем не только связанное со славным прошлым, с именами великих, но и с нынешними достижениями. Грибоедовский занимает свою, очень важную нишу в постсоветском пространстве. Я считаю значимым проведение в Грузии Конгресса русских театров зарубежья. В рамках юбилейных торжеств мы познакомили театральных деятелей из 26 стран с нашим театром, его историей и настоящим днем, интенсивными, здоровыми творческими процессами, протекающими у нас.

– Ни для кого не секрет, что одна из составляющих успеха Грибоедовского театра – грамотный менеджмент.

– Хороший менеджмент – это действительно только часть успеха театра. Если нет продукта, то даже при самом удачном менеджменте ничего не получится. Наш продукт – это хороший спектакль. Если нет хорошего спектакля, то будь ты хоть трижды блестящим менеджером, не преуспеешь. В конце концов, зритель приходит в зал не для того, чтобы смотреть искусство менеджмента, – его интересует искусство, которое представляют режиссер и актеры. И такой продукт в театре Грибоедова есть. Может быть, не все спектакли в равной мере хороши, но так и не бывает, чтобы все постановки в одном театре были призового уровня. Но главное, у нас есть интересные спектакли. Слава Богу, еще работают в театре мастера старой российской театральной школы. Это очень важно. Так называемый молодняк подстраивается под них, наблюдает, учится. Живая связь существует – если бы ее не было, ничего бы не получалось. Никогда. И репертуарная политика работает именно на это. Нашей афише может позавидовать любой театр. Мы не занимаемся дешевыми постановками, чтобы привлечь невзыскательную публику. У нас другая миссия, и в этом тоже один из секретов успеха театра.

– Вы сказали о том, что суть репертуарной политики театра – русская классика. А как с современной русской драматургией, прозой?

– Она у нас представлена меньше. Отчасти нынешняя ситуация – это проблема нарушения коммуникаций. К тому же нам все-таки интереснее показать того же Гоголя, нежели, условно говоря, Иванова, Петрова или Сидорова. Это часть нашей политики. Но это не значит, что мы не будем ставить современные пьесы. Конечно, мы будем знакомить зрителей с новыми авторами.

– В прежние времена Грибоедовский приглашал режиссеров со стороны на постановки. Уже в новой политической реальности петербургский режиссер Дмитрий Егоров поставил в театре Грибоедова очень успешный моноспектакль «Ангелова кукла» по произведениям Эдуарда Кочергина. А как

Дмитрий Егоров, Ирина Мегвинетухуцеси и Николай Свентицкий

сегодня?

– Эту традицию необходимо продолжить. Но приглашать режиссера – непросто. Это связано с организационными моментами, экономическими вопросами. Работа над спектаклем – процесс длительный, продолжается, по крайней мере, месяца два. Режиссера нужно как-то устраивать, он должен получить достойный гонорар. Все это дорогое удовольствие, и поэтому нужна соответствующая государственная политика. Не все, конечно, так плохо. В этом направлении работает Союз театральных деятелей России. Но этого недостаточно. Мне кажется, такая великая страна, как Россия, могла бы шире заняться этой проблемой, финансировать своих же режиссеров, художников, композиторов, хореографов и делать так называемые госзаказы – к примеру, СТД России или другая организация заказывают постановку такого-то режиссера по такому-то автору в таком-то театре. На эти цели должны выделяться солидные средства, а не копеечные суммы. Нужно учитывать, что русские театры за рубежом, конечно, не умирающие, но финансово не самодостаточны для того, чтобы приглашать режиссера на целых два месяца. И это должно стать общей проблемой – не только нашего театра, но и той страны и того народа, культуру которого мы несем.

«Спектакль стал настоящим откровением!»

Сразу после праздничных торжеств начались зарубежные гастроли. Театр отправился в уникальное турне по городам Сибири: Томск, Кемерово, Барнаул, Новосибирск, Омск. Этими триумфальными гастролями, на которых грибоедовцы показали получивший международное признание спектакль «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Л. Толстого, завершился юбилейный марафон театра.

– Мы благодарны Федеральному центру по поддержке гастрольной деятельности при Министерстве культуры Российской Федерации, который организовал эти гастроли, – подчеркивал в те дни Николай Свентицкий. – Кроме того, что Центр полностью их профинансировал, так что наш театр и наша страна не потратили на это ни единого лари, все на гастролях работало как швейцарские часы – слаженно, четко. Эта поездка по Сибири была сложной – все-таки особый климат, но мы этого не почувствовали, потому что в основе организации гастрольного тура лежало отношение к человеку, забота об актере. Было предусмотрено все. Созданы самые комфортные условия для проживания и питания, для выступления на сценических площадках. Хочу также отметить роль моих коллег в организации тура – я имею в виду директоров замечательных сибирских театров. С первого же нашего появления на их территории они говорили нам: «Вы у себя дома!» Вот так мы и чувствовали себя – не в гостях, а дома. Для нас было сделано сколько нужно и много больше. Так что каждая сценическая площадка встретила нас в полной боевой готовности. Была подготовлена часть реквизита и декораций – то, что нам сложно и дорого было привезти из Тбилиси. Везде были переполненные залы, чем мы очень гордимся. И если подводить итог, то это были гастроли феноменальные по своим эмоциям и, самое главное, по результатам. Мы понравились! В адрес театра имени Грибоедова звучали эпитеты «знаменитый», «великий», «прекрасный». И мы надеемся на продолжение диалога и сотрудничества с замечательной командой Федерального центра по поддержке гастрольной деятельности, возглавляемой Антоном Прохоровым, по другим проектам уже на следующий год.

– Сибирь встретила нас двадцатиградусным морозом, – рассказал актер Валерий Харютченко. – Но за двухнедельное пребывание там мы не замерзли, потому что были согреты теплом и вниманием сибиряков. Ритм наших гастролей был очень напряженным, тем не менее все прошло на удивление легко. Хозяева были рады нам. Говорили, как они любят Грузию. В одной из гостиниц у стойки администратора девушка, возвращая мне паспорт, с улыб-

На «Больших гастролях» в Новосибирске

кой сказала: «Спасибо, что приехали!» – «Вы видели наш спектакль?» – поинтересовался я. «К сожалению, нет, работа! Но я от многих слышала о вашем замечательном «Холстомере». И вообще, с вашим приездом даже в нашей гостинице стало как-то светлее. Вы очень доброжелательные и интеллигентные люди!» Естественно, я искренне ответил девушке взаимностью. А самое главное, что во всех пяти городах зрители нас встречали бурно и буквально не отпускали со сцены. В Новосибирске после спектакля актеры знаменитого театра «Красный факел», поздравляя нас, отметили, что у них очень чуткий зритель, но чтобы после спектакля стоя аплодировал весь зал, такого они не помнят. Так что гастрольная поездка по городам Сибири была действительно очень впечатляющей и запомнится навсегда.

Не скупилась на добрые слова и пресса. Приведем выдержку из отклика томского журналиста Татьяны Весниной – он называется «У каждого свой крест»:

«Не узнал. Как больно!» – проговорил надтреснутым, постаревшим, смирившимся голосом Холстомер. И сколько же горечи от неистраченной, не подаренной любви было в том стоне-вздохе! Это были последние слова пегого мерина. Потом его поставили на колени. Взмах ножом. И нет больше Холстомера!

В отличие от толстовского Холстомера, меня переполняла радость от узнавания, и познания, и знакомства с Тбилисским государственным академиче-

ским русским драматическим театром им. А.С. Грибоедова. Хотя спектакль, показанный на сцене Томского ТЮЗа во время гастролей Тбилисского театра, видела впервые, но узнавание было, и оно особого рода – узнавание общей культуры грузинского театра. Впервые спектакли этого театра увидела десять лет назад на фестивале «Встречи в России». Узнавание толстовских тем и мотивов. Было узнавание и того легендарного спектакля БДТ с Евгением Лебедевым в главной роли. Ведь театр и посвятил своего «Холстомера» памяти Георгия Товстоногова и Евгения Лебедева. И это посвящение читается в скрытых цитатах, собственно, даже в самом смелом решении – взять и поставить спектакль по тому же материалу. И вышел другой спектакль. С другими смысловыми акцентами. С иным художественным решением.

Из сине-сиреневой дымки выплывают деревянные скульптуры, напоминающие одновременно остовы деревьев или старых идолов (сценография Мириана Швелидзе). Крестообразные лучи света выхватывают из пространства фрагмент загородки в стойле, напоминающий крест. Стоя под этим «крестом», старый мерин Холстомер начнет рассказывать о себе, о своем сегодняшнем существовании и вспоминать прошлое. Так с первых минут возникает тема крестного пути.

Эта мгновенная ассоциация-догадка, родившаяся из игры света и теней, поддержанная музыкой, в дальнейшем найдет свое подтверждение в спектакле. У этого «креста» молодые и сильные лошади фактически будут распинать Холстомера за то, что он урод, пегий, старый, больной. За то, что он ДРУГОЙ, ЧУЖОЙ. И вместе с темой искупления возникнет тема изгоя и жертвы.

Сцена, когда Холстомер взваливает на плечи корыто и идет к месту, где кормят табун, продолжает мысль о крестном пути, о том, что у каждого свой крест. Холстомеру хочется сена, но оно достается молодым, а ему – насмешки и пинки. Но он с благородством принимает и эти испытания. Даже в самом униженном положении Холстомер не забывает, кто он, от кого родился. Именно в это мгновение старческий, стершийся, бессильный голос мерина вдруг обретает силу, новые краски, красивый молодой тембр. Увы, презрение других быстро гасит этот порыв – быть свободным и счастливым. В конце спектакля у этого «креста» Холстомер сам расскажет о собственной кончине и о том, как его телом будут питаться другие. И вновь возникнет параллель с Евангелием.

Этому крестному пути Холстомера – пути, полному страданий и утрат, тяжелой работы и разочарований, но на котором герой познал, что такое любовь, дружба, преданность, ласка, забота, – противостоит ярмарка тщеславия, где

жизнь воспринимается как череда побед, выигрышей, удовольствий и радостей. Воплощенная метафора этой веселой круговерти перед зрителем возникает тоже в начале спектакля. Как только Холстомер начинает вспоминать подробности своей прошлой жизни, на поворотном круге среди идолов-столбов появляются герои спектакля: господа и дамы, цыганский табор, конюхи и лошади... Контраст судьбы героя и «ярмарки тщеславия», кроме визуального ряда, подчеркивает музыка.

Тема крестного пути и его выбора дана не только в сценографических метафорах, не только в музыкальном ряде. Прежде всего она воплощена в принципиальном режиссерском решении – показать три возраста Холстомера. В такой встрече старого и больного Холстомера с самим собой в детстве и молодости и заключается философская глубина спектакля и параллели с евангельским текстом. В этом же утроении скрыта и внутренняя красота спектакля.

Три ипостаси – три возраста героя. Детство и юность, молодость/зрелость, старость. Сначала старый Холстомер встречается лицом к лицу с самим собой молодым. Потом старый и молодой Холстомеры – с Холстомером в расцвете сил. Эти три ипостаси героя нужны не только потому, что первую любовь искренне и достоверно могут сыграть только молодые актеры, но и по другой причине: режиссер дает возможность и герою, и зрителю взглянуть на любовную историю Холстомера и Вязопурихи как на путь познания красоты мира и отношений (так и хочется написать «человеческих отношений»). Какая невообразимо красивая сцена, когда стоят вместе четыре актера: обнявшись Холстомер – Гургенидзе и Вязопуриха – Ломджария, а по бокам, обнимая их, каждый со своей стороны, – Холстомер – Харютченко и Вязопуриха – Артемова-Мгебришвили. Красота до слез!

Работает двойная зрительская оптика: ту давнюю историю мы видим одновременно глазами старого Холстомера – Харютченко и старой кобылы Вязопурихи – Людмилы Артемовой-Мгебришвили, которые как будто бы видят себя юных глазами молодых актеров Лаши Гургенидзе и Софии Ломджария. Лаша Гургенидзе пластикой и фактурой (худые и длинные ноги) действительно напоминает угловатого, но грациозного жеребенка. Все в нем – искренность и порыв. София играет застенчивость и грацию. Они, безусловно, идеальная пара. И это понимает уже постаревшая Вязопуриха. Но она смотрит на то, как ведет себя Вязопуриха – София Ломджария по отношению к Милому – Василию Габашвили, и осознает, что она предала свою любовь, допустив до себя Милого. Именно такие неоднозначные оценки и отношения

делают историю одной лошади объемной, выводят ее на уровень философских обобщений. Человек – тоже животное. Но какое? За историей мерина прослеживается драма, и драма отчетливо человеческая – драма свободной и красивой личности, которую сломали. Первый раз Холстомера принесли в жертву, когда его оскопили, выхолостили: жеребца сделали мерином, «чтобы породу не портил», то есть принесли в жертву в угоду норме, стандарту. Холстомер в расцвете сил – это герой со сломанной судьбой. Именно таким и играет своего Холстомера Иванэ Курасбедиани. Холстомер – Курасбедиани признается Холстомеру – Харютченко, что после холощения он перестал ржать, то есть пропала способность радоваться жизни. «А зачем?» – этот вопрос повисает в воздухе…»

Успешным было и выступление в Кемерово, где произошло еще одно приятное событие: губернатор Кемеровской области Аман Тулеев наградил Автандила Варсимашвили и Николая Свентицкого медалями «За веру и добро» – «за особые заслуги в области культуры и личный вклад в развитие театрального искусства, сохранение и приумножение традиций русского театра, укрепление межнациональных связей России и Грузии, уникальный талант и трудолюбие, щедрость души и любовь к жизни». А пресса (Вести-Кузбасс, А. Торопов, С. Шилов) отметила: «За 170 лет существования самого старого русского театра на постсоветском пространстве это первый приезд труппы

«Холстомер» в Бресте

из Тбилиси не только в Кузбасс, но и в Сибирь. В зале аншлаг, билеты раскуплены задолго до начала спектакля. Современное прочтение повести затрагивает одну из актуальных проблем сегодняшнего дня: существование в обществе потребителей и тех, кто живет ради созидания. Рассказ о короткой, но такой яркой и нужной жизни пегой лошади держал зрителей в напряжении в течение полутора часов. Язык искусства сблизил и породнил людей в зале и на сцене. И лучше всех слов были в финале десятиминутные овации...»

В Барнауле грибоедовцы выступали на сцене Алтайского краевого театра драмы им. В.М. Шукшина и получили в подарок девятитомное собрание сочинений выдающегося писателя, кинорежиссера и актера – кстати, его произведения шли на тбилисской русской сцене в 70-е годы прошлого века. А уже в наши дни «Калину красную» поставил в Грибоедовском режиссер Давид Мгебришвили. «Спектакль «Холстомер», показанный грибоедовцами на сцене Краевого театра драмы, стал настоящим откровением», – написала корреспондент газеты «Вечерний Барнаул» Наталья Катренко.

В 2016-м в рамках программы «Большие гастроли» Грибоедовский театр выступил в Ярославле, Калуге, Курске, Туле и Воронеже; в 2017-м – в Екатеринбурге, Кургане, Челябинске и Магнитогорске; в 2018-м – в Саратове, Волгограде, Элисте и Астрахани. В 2019 году театр вновь отправился в большой гастрольный тур по городам России – выступления состоялись в Казани, Йошкар-Оле, Нижнем Новгороде и Владимире. В программе гастролей были два главных хита театра: «Холстомер. История лошади» и «Шинель».

После Ярославля, где проходил XVII Международный Волковский фестиваль, на страницах журнала «Сцена» появилась публикация Маргариты Ваняшевой «Лицо волшебное коня»: «Перед нами поздний Толстой, автор «Исповеди», «Смерти Ивана Ильича», «Крейцеровой сонаты», «Отца Сергия», поэтому основным в спектакле становится экзистенциальное начало, связанное с главным героем. Сакральное пространство спектакля, созданное Мирианом Швелидзе, – стоящие в центре сцены древние каменные изваяния Грузии, вишапы, или оленные камни – зооморфные или растительные сооружения с изображением деревьев, или лошадей, или фантастических существ, свидетельство древних языческих времен. В центре – Древо мудрости и печали, от которого остался лишь один неровный, с наростами, ствол, ветви его обломаны, одна часть ветви горизонтальная и будто срезана наполовину, отчего древо напоминает разрушенный временем, грозами и ветрами крест».

«Холстомера» увидели и в Украине. В 2016 году грибоедовский «конь» доскакал до Одессы. Спектакль сыграли на сцене Театра музыкальной ко-

медии имени М. Водяного. «Очень грустная история, необычайно грустная. Спектакль потрясающий. Я не помню постановки, которую видела, чтобы она настолько эмоционально воздействовала на меня, чтобы так был задет нерв. Здесь и сама история, и постановка, и хореография, которая просто необычайно органично сопутствовала повествованию и давала ощущение присутствия лошадей на сцене. По возбуждению чувств, по остроте накала такого спектакля не помню. Браво!!!» – поделился своим впечатлением зритель. А уже через год, в 2017-м, «Холстомера» увидели театралы Киева и Полтавы. «Стольких эмоций, прекрасных чувств и торжества профессионального искусства сегодня дождалась Полтава. Спасибо Тбилисскому академическому драматическому театру им. А. Грибоедова за спектакль «Холстомер», который покорил сердца полтавчан, заставил их стоя рукоплескать талантливым актерам! Когда чувства нельзя высказать словами, когда переживаешь за персонажей, когда жизненные истины предстают такими понятными и заставляют задуматься о вечных темах... Действие, которое сегодня происходило на сцене Полтавского театра, не оставило ни одного равнодушного сердца, зато оставило глубокий след в тех же сердцах».

В том же 2017-м театр показал «Холстомера» в Беларуси, в городе Могилеве, в рамках Международного молодежного театрального форума «M.art. контакт-2017».

«Холстомер» в Минске

Фестиваль «Мельпомена Таврии» в Херсоне

«Ревизор» в Чернигове

«Ревизор» в Полтаве

Ассоциация деятелей русских театров зарубежья

В 2017 году по инициативе и при непосредственном участии Свентицкого на базе Санкт-Петербургского театра-фестиваля «Балтийский дом» была создана Ассоциация деятелей русских театров зарубежья. Николай Николаевич стал первым председателем правления организации и занимал эту должность вплоть до 2023 года. «Я не устаю повторять, – отмечал он в одной из публикаций, – что русский театр зарубежья – это оплот русской культуры в мире и ее проводник. Если угодно – форпост».

«Николай Свентицкий не раз подчеркивал, что России нужно поддерживать театральный мир зарубежья, потому что именно русские театры сохраняют и несут в мир русскую культуру, а выживать им сейчас очень непросто. Помощь может быть разной – это не только материальные средства, но и простое внимание к людям, приглашение их в Россию, проведение различных творческих встреч, фестивалей, мастер-классов. Директор Грибоедовского театра сформулировал целый ряд конкретных предложений. Так, он предлагал усилить поддержку русских театров со стороны Российских центров науки и культуры (отделений Россотрудничества в разных странах); учредить ежегодную профессиональную премию и специальные призы для деятелей русских театров зарубежья; помочь русским театрам в создании театральных музеев на местах; подумать о включении в пакеты российских туркомпа-

ний посещение русских театров за рубежом; рассмотреть вопрос о проведении в городах России театральных декад-фестивалей с участием русских театров зарубежья. Еще одно предложение касалось повышения профессиональной подготовки режиссеров и актеров русских театров – им, по мнению Свентицкого, необходимо предоставлять возможность обучения на курсах повышения квалификации за счет российского бюджета» («Русский театр – проводник российской культуры за рубежом», редакция портала «Русский мир»).

«Я дружу со всеми русскими театрами зарубежья, поскольку являюсь председателем Ассоциации деятелей русских театров зарубежья, которая включает в себя русские театры от Австралии до Америки. И поэтому у меня контакт со всеми театрами. Основная задача Ассоциации – сохранить русское театральное пространство, обмениваться опытом, новыми технологиями, заниматься общеобразовательной программой. В настоящее время все чаще возникает проблема качественной русской сценической речи. Русская школа уходит из разных стран, и потому мы занимаемся организацией тренингов по ключевым театральным дисциплинам. Очень важно, чтобы театр был в форме. Выходя на сцену русского театра, нужно нести грамотное русское слово. Для этого мы организуем семинары, театральные школы, чтобы добиться необходимого уровня речи. Тем самым повышаем профессиональный уровень актеров русских театров!» (Николай Свентицкий: «Важно, чтобы театр был в форме», Мир русского театра).

«Вишневый сад» – на «Страстном»

В мае 2017 года на сцене Театрального центра «На Страстном» в Москве грибоедовцы показали спектакль «Вишневый сад» в постановке Андро Енукидзе (продюсер – Н. Свентицкий) с участием народной артистки Грузии Гуранды Габуния, с которой Николая Николаевича связывала давняя дружба.

Гуранда Габуния сыграла Раневскую. Режиссер предложил неожиданное решение: Раневская в спектакле – уже очень немолодая женщина, на закате жизни в Париже вспоминающая и анализирующая былое. Рядом с ней – Женщина (именно так обозначено в программке). То ли Аня, то ли Варя, то ли Шарлотта… То ли ни та, ни другая, ни третья. Не суть важно. За спиной у обеих – Эйфелева башня (большая фотография на заднике сцены обозначает место их пребывания). Такое допущение, порожденное игрой воображения автора сценической версии и режиссера Андро Енукидзе, влечет за собой последующий выплеск его фантазии: из старинного шкафа, который становится как бы волшебным окном в прошлое (кстати, в шкафу обычно хранится не только одежда, но и книги!), на сцене появляются Гаев, Лопахин, Петя Трофимов, Симеонов-Пищик… И разыгрывается в ретроспективе знакомая история «Вишневого сада». История болезненных утрат и потрясений. История симпатичных, интеллигентных людей, живущих красивыми иллюзиями о

«Вишневый сад»

любви и всеобщем счастье, но в итоге потерявших все, абсолютно все, вместе с иллюзиями, мечтами и даже собственной жизнью.

Судя по откликам, версия грибоедовцев нашла понимание у московских зрителей. Фотограф, журналист Александра Авдеева написала после спектакля: «Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова в постановке Андро Енукидзе на сцене ТЦ «На Страстном». Первое, что бросилось в глаза, точнее, в уши – безупречная русская речь и произношение (все артисты – грузины!). Такое уже в Москве днем с огнем не сыщешь! Второе – глубина, местами иногда прячущаяся от зрителя, актрисы Гуранды Габуния! Остается только представлять, какой мощной Актрисой она была в молодости, если сейчас заставила, например, в сцене с Петей Трофимовым умирать от восторга! В восхищении осталась от работы Ирины Менгвинетухуцеси. За свой отрезок времени она была и Аней, и Варей, и Шарлоттой – очень всегда разной и всегда со своими оттенками! Не смог оставить равнодушным и Михаил Арджеванидзе в роли Симеонова-Пищика. В конце спектакля Гуранда Габуния поблагодарила всех пришедших и сказала о том, как дорог ей этот визит в Москву! Дорог он и зрителям! Огромным счастьем была эта маленькая встреча с грузинским искусством, с грузинской культурой. Так хочется, чтобы подобных встреч было как можно больше! Мадлоба! Спасибо!Легко, но не легковесно. Порой смешно в соответствии с жанром, порой грустно от одиночества и невозвратности потерь. Таким был сегодня спектакль «Вишневый сад» Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова в постановке Андро Енукидзе на сцене ТЦ «На Страстном». Первое, что бросилось в глаза, точнее, в уши – безупречная русская речь и произношение (все артисты – грузины!). Второе – глубина, местами прячущаяся от зрителя, актрисы Гуранды Габуния! Остается только представлять, какой мощной актрисой она была в молодости, если сейчас заставила, например, в сцене с Петей Трофимовым, умирать от восторга! В конце спектакля Гуранда Габуния поблагодарила всех пришедших и сказала о том, как дорог ей этот визит в Москву! Дорог он и зрителям! Огромным счастьем была эта маленькая встреча с грузинским искусством, с грузинской культурой. Так хочется, чтобы подобных встреч было как можно больше! Мадлоба! Спасибо!»

«Поэтические» спектакли

Отдельной главой необходимо выделить театральные проекты Николая Свентицкого, посвященные выдающимся поэтам. Они украшали афишу Грибоедовского театра в разные годы.

В 2004 году были выпущены сразу две такие постановки – музыкальный моноспектакль «Желтый ангел» по песням Александра Вертинского с участием Ирины Мегвинетухуцеси и музыкальное представление «Я, Булат Окуджава» по произведениям Булата Окуджава. Оба поставил Авто Варсимашвили.

«Желтый ангел» был представлен на Международном фестивале русских театров республик Северного Кавказа и стран Черноморско-Каспийского региона (Махачкала, Дагестан, Россия), международных театральных фестивалях «Белая Вежа» (Брест, Беларусь), MOST (Ганновер, Германия), «Armmono» (Ереван, Армения), «Монологи над Ужем» (Ужгород, Украина).

В самом начале 2008 года в репертуаре театра появились «Сны о Грузии» – поэтический спектакль об уникальной связи поэзии и – шире – культур двух народов: русского и грузинского.

«Александр Грибоедов, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Белла Ахмадулина. О них в спектакле говорят подробно и, что очень важно, интересно. Актеры-грибоедовцы разыгрывают связанные с Грузией эпизоды жизни поэтов с должной мерой отстраненной условности и в то же время достоверности. Эпизоды бывали смешными, как, например, вызов Есениным на дуэль Георгия Леонидзе с предложением стреляться холостыми патрона-

«Желтый ангел»

«Сны о Грузии»

ми, чтобы потом о поединке двух знаменитостей написали газеты, или гипотетическая встреча в Тифлисе того же Есенина с Владимиром Маяковским, закончившаяся, разумеется, кутежом, сначала в серных банях, а потом и в подвальчике на Пушкинской. Бывали и трагическими, такими, как реакция Бориса Пастернака на гибель Тициана Табидзе. Но они всегда значительны. Словно подтверждая мысль о том, что, не будь в жизни этих поэтов Грузии, их творчество было бы иным, со сцены звучали замечательные стихи, отдававшиеся радостью и болью в сердцах присутствовавших на спектакле зрителей. Заканчивается представление «Грузинской песней» еще одного замечательного поэта – Булата Окуджава, за которой следуют слова учителя о том, что тема Грузии в русской литературе им далеко не исчерпана. Что в той же мере к ней причастны и Марина Цветаева, и Андрей Белый, и Николай Заболоцкий, и Николай Тихонов, и Лев Толстой, и Максим Горький, и Арсений Тарковский, и Евгений Евтушенко, сказавший знаменитое: «О Грузии забыв неосторожно, / В России быть поэтом невозможно». В последнее время, увы, начинает иногда казаться, что это не так. Вообще, последнее время отмечено низвержением устоявшихся максим. И рукописи, оказывается, горят (и еще как горят!), и в России вполне можно быть поэтом, вовсе о Грузии ничего не зная. Но вот нужно ли? Грибоедовцы выразили свою позицию: нет, не нужно. И привели в свидетели своих живых и давно почивших единомышленников, чьи ум и дела известны не только русской памяти. Низкий им за это поклон», – написал Д. Бердзенишвили («Головинский проспект»).

В 2009 году Андро Енукидзе выпустил поэтическую фантазию «Мцыри» по поэме М. Лермонтова. По словам режиссера-постановщика, его спектакль – это «не только способ еще раз прикоснуться к творчеству гения, но и возможность заново и по-новому переосмыслить классическое поэтическое наследие».

В 2016-м, по инициативе Николая Свентицкого, Левон Узунян поставил спектакль, посвященный 125-летнему юбилею Осипа Мандельштама, – «Мне Тифлис горбатый снится». «Мне показалось, что режиссер и актеры подали тему очень деликатно. Только грузинский период жизни и трагические моменты ареста и гибели. Никакого копания в личной жизни поэта, никаких скандальных фактов и эпизодов, коих было немало. Актер Олег Мчедлишвили, несмотря на очевидный соблазн, не гонится ни за портретным сходством, ни за эмоциональной составляющей. Он – просто поэт, ушедший в вечность из заздравного тоста. В спектакле много полутонов, оттенков серого, сложившихся в благородный фон для прозвучавших стихов. Не знаю, ставил ли режиссер-постановщик спектакля перед собой такую задачу, но он задал зрителям много вопросов и отправил их перечитывать Мандельштама», – так откликнулась на премьеру Ирина Квезерели-Копадзе.

Буквально через несколько месяцев родился сценический опус о другом поэте того же Левона Узуняна – моноспектакль «Я – Николай Гумилев» с участием молодого талантливого актера Иванэ Курасбедиани. Зрители отмечали

«Мцыри»

«Мне Тифлис горбатый снится»

необычный ракурс, неожиданное решение, тонко выстроенный сюжет, отличную актерскую работу. «Умело переосмысливая в художественном ключе захватывающие факты биографии Гумилева, Левон Узунян ставит перед исполнителем сложные задачи, требующие максимальной концентрации энергии и отпущенного дарования. И Вано Курасбедиани умело укрощает резкие смены настроений – от ностальгических и лирических до гневных и разрушительных», – отмечали «Аргументы и факты».

Творческий альянс Узуняна с актером Иванэ Курасбедиани получил высокую оценку на многих фестивалях – в Москве («Соло»), Санкт-Петербурге («Монокль»), Ереване («Armmono»), Ташкенте, Алматы, Копенгагене (в рамках проекта «Парад русских театров в Дании»), украинском Ужгороде («Монологи под Ужем»).

В 2017 году «Я – Николай Гумилев» с триумфом был представлен на московском фестивале моноспектаклей «Соло». Александра Авдеева назвала спектакль «диалогом палача и жертвы». «Но палачи уходят в забвение, а великие поэты остаются в нашей памяти. Об этом спектакль, об этом играл молодой грузинский артист Иванэ Курасбедиани… Постановка Левона Узуняна не совсем обычна. Здесь нет сплошной поэзии. Действие построено на невидимом диалоге вымышленного персонажа – Котэ Каландадзе – с поэтом. Вымышленный он хотя бы потому, что вместо самого Николая Степановича зритель видит его последнее пристанище – тюремную камеру. Этот

«Я – Николай Гумилев»

невидимый диалог проводит нас через всю жизнь Гумилева – и с помощью документов, и с помощью стихов поэта».

«Весь зрительный зал в абсолютной тишине в каком-то едином порыве двигался вслед за героем, чтобы увидеть, куда он упал, или рассмотреть, как он моет руки, берет чайник и пр. Зал был загипнотизирован Иванэ Курасбедиани, словно змея факиром, с первой же секунды его появления на сцене... Браво! Этот спектакль из тех, которые можно смотреть раз десять. Правда, в нем ничего лишнего, ничего нарочитого. Сжато, лаконично, мощно и очень, очень глубоко!» (Ольга Сорокина).

В 2018-м спектакль принял участие в санкт-петербургских «Встречах в России», а также в I Международном фестивале моноспектаклей «Монологи под Ужем», который состоялся в Ужгороде – красивом, уютном старинном городе на западе Украины, административном центре Закарпатской области. В образе злого гения поэта Гумилева – когда-то одноклассника, а ныне его тюремщика Котэ Каландадзе – актер Грибоедовского театра Иванэ Курасбедиани вышел на сцену Ужгородского областного театра кукол «Бавка». И заслужил горячий прием публики.

Вот что написали ужгородские СМИ: «На сцене прошла вся короткая и яркая жизнь Николая Гумилева, факты биографии экспрессивно переплетались с его

стихами. Светлая, но в то же время отчаянно трагическая личность поэта раскрывается через… тюремщика. Он пришел к Николаю Гумилеву, чтобы зачитать ему смертный приговор за участие в контрреволюционном заговоре «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева». Перед зрителями возникает вопрос: кто же он, этот тюремщик? Верный друг, вечный соперник, страстный поклонник или коварный враг Гумилева? Интрига сохранялась до самого финала. Зрители эмоционально реагировали на игру актера и бурными аплодисментами еще долго после завершения спектакля не отпускали его со сцены».

На фестивале в Ужгороде побывал тогда и Николай Свентицкий. Заместитель директора Закарпатского облмуздрамтеатра Олег Зайцев подарил всей грузинской делегации (а гостей приехало четверо) вышиванки. «Сделаны они в Хусте, где работает внук одного из известных театральных деятелей нашего края Евгения Шерегия, чье имя, вместе с именем его брата, присвоено облмуздрамтеатру. Николай Свентицкий и Иванэ Курасбедиани сразу же надели подарки-символы», – писала пресса.

А вот что отмечали журналисты Ташкента после гастролей Грибоедовского театра на сцене Государственного молодежного театра Узбекистана в рамках проекта «Русская поэзия Серебряного века»: «Поэтическая фантазия в одном действии буквально потрясла ташкентских зрителей не только идейно-философским содержанием постановки, внутренней напряженной драматургией, но и талантливой игрой одного актера на сцене».

Нельзя не отметить еще и поэтические вечера, которые организовывал Николай Свентицкий. Под его руководством в 2003 году прошли «Дни Санкт-Петербурга» в Тбилиси и «Дни культуры Грузии» в Санкт-Петербурге. Запомнилось монопредставление, посвященное поэтам Серебряного века, «Честь тебе, Петербург чародейный!» (постановка и исполнение Валерия Харютченко) в рамках фестиваля, приуроченного к 300-летию города на Неве. Свентицкий и Харютченко были награждены медалями «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

Детский репертуар

Благодаря Свентицкому и возглавляемому им «Русскому клубу» на Грибоедовской сцене ожили герои популярных детских сказок в спектаклях: «Превращения в Лукоморье», «Принцесса и свинопас» Г.Х. Андерсена, «Чиполлино» Дж. Родари, «Емелино счастье», «Аленький цветочек» по сказке С. Аксакова, «Морозко», «Алые паруса» А. Грина, «Двенадцать месяцев» С. Маршака, «Маугли» Р. Киплинга, «Сказка о царе Салтане» А. Пушкина, «Вол-

шебная сказка странствий» А. Варсимашвили, «Конек-горбунок» П. Ершова, «Буратино» А. Толстого. Эти красивые музыкальные спектакли всегда пользовались огромным успехом у маленьких зрителей. К примеру, красочное представление «Превращения в Лукоморье» по мотивам сказок А.С. Пушкина было поставлено в 2004 году авторами пьесы Ингой Гаручава и Петром Хотяновским. Сразу после премьеры в Тбилиси театр им. Грибоедова провел благотворительный гастрольный тур по городам Грузии. Спектакль был показан в качестве подарка детям в Рустави, Гори, Кутаиси, Сенаки, Поти, Озургети и Ахалцихе. Постановка также получила первую премию на VI Международном театральном фестивале в Москве. Спустя 20 лет, в мае 2024 года, к 225-летию со дня рождения Пушкина, детский мюзикл «Превращения в Лукоморье» был поставлен силами театральной студии «Музыкальная шкатулка» в Дохе (Катар). Материалы для этой зарубежной постановки и саму идею передал лично директор Грибоедовского театра Николай Свентицкий. Успешно гастролировал по городам Грузии и «Маугли». Многие годы не покидали подмостки театра персонажи спектаклей «Емелино счастье» и «Чиполлино» (режиссер Гоги Тодадзе), полюбившиеся юным зрителям.

Гастроли «Маугли» в Озургети

«Ночь Гельвера»

«Нет врага хуже, чем толпа, в которой ты трешься. Каждый непременно либо прельстит тебя своим пороком, либо заразит, либо незаметно запачкает. Чем сборище многолюдней, тем больше опасности» – так звучит одна из сентенций Сенеки, изложенных в его «Письмах к Луцилию». А более всего подвержены опасности «заражения» слабые, неопытные, молодые, эмоционально неустойчивые люди. Таких легче всего призвать под свои знамена и повести за собой на недобрые дела. Как это происходит в спектакле Гоги Маргвелашвили «Ночь Гельвера» (продюсер Николай Свентицкий, 2022), когда психически нездоровый юноша, попавший под влияние фашиствующих отморозков, пытается соответствовать, пусть пока и понарошку, требованиям новой идеологии – законам насилия и уничтожения неугодных, так называемых «сволочей», но в итоге сам становится жертвой нацистов.

В работе над спектаклем «Ночь Гельвера» – проекте Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» – звезды, как говорится, сошлись. Умный, тонкий режиссер соединился в творческом процессе с такими же актерами – мыслящими, играющими ярко и самозабвенно, растворяющимися в своих персонажах. Это, безусловно, актерский спектакль. Но определение «актерский» – для тех, кто видит лишь сценический результат и кому неведом долгий, увлекательный и далеко не легкий путь, проделанный постановочной группой во главе с режиссером, чтобы выразить трагический излом времени и добиться максимальной органики жизни героев.

В камерном пространстве каждый из участников спектакля (их двое) чутко реагирует на мельчайшие оттенки сценического существования партнера. Карла – актриса Ирина Мегвинетухуцеси – натянута как струна; звучание ее актерского инструмента передает весь спектр переживаний, эмоций героини, несущей в своей душе страхи, муки прошлого и настоящего. Напряженные интонации ее голоса, тревожный взгляд, отражающие душевное смятение, переходы от состояния смирения, тихого отчаяния к эмоциональным вспышкам и, наконец, страшному, осознанному шагу (вынужденное убийство приемного сына) – все эти перепады Карлы приковывают внимание зрителей. Как и детская непосредственность Гельвера (Бека Медзмариашвили) и его горячие попытки отстоять свое человеческое достоинство и право на выбор.

Драма личная в «Ночи Гельвера» неотделима от трагедии социально-политической. Спектакль, на наш взгляд, состоит из трех частей. В первой Гельвер, воодушевленный новыми установками, внушенными ему неким неформальным лидером Гильбертом, пытается опробовать их на Карле – гото-

вит ее к войне, учит маршировать, ползти и т.д. Причем делает это довольно агрессивно, жестко, подражая «учителям», в итоге между Гельвером и Карлой вспыхивает конфликт. Проницательная Карла с ужасом осознает, к чему ведут общественные настроения: к массовым убийствам, расизму, уничтожению так называемых неполноценных – и ее пугает увлеченность Гельвера новыми идеями. Но и «слабоумный» Гельвер отнюдь не так прост (во всяком случае, именно таким он показан в спектакле Гоги Маргвелашвили): размахивая флагом, выполняя какие-то «военные» действия и заставляя это делать приемную мать, мальчик интуитивно, не сознавая того, пытается не только выжить сам, но и сохранить жизнь Карле.

Вторая часть – душераздирающая исповедь Карлы, некогда отказавшейся от своего больного ребенка и потерявшей все – любовь, чистую совесть, душевный покой.

В третьей части мы видим, как отчаявшаяся Карла пытается спасти сына в страшную ночь погромов. Но ему не удается избежать своей участи – юноша возвращается домой, когда погромщики уже на пороге и спасения ждать неоткуда. Тогда Карла под видом игры дает приемному сыну большое количество таблеток, предпочитая сама убить его… чтобы Гельвер не попал в руки к палачам. Неизбежна гибель и самой Карлы. Зло в мире всеобъемлюще и

беспощадно, и человек часто не в силах защититься и спасти своих близких. Карла не в силах оградить свое дитя от жестокого мира...

«Ему хочется аплодировать!»

«Николай Свентицкий – уникальный директор. Он настолько любит театр, ценит артистов, что только диву даешься!» – сказала во время тбилисских гастролей театра «Современник» его многолетний лидер Галина Борисовна Волчек. В свою очередь Николай Николаевич говорил в ее адрес: «Есть такая профессия – Галина Волчек. Это значит – великий профессионал. Это значит – верный друг. Это значит – настоящий человек. Галина Волчек – сокровище и достояние нации». И это не просто обмен высокими комплиментами, а искренняя взаимная любовь. Она нашла очередное подтверждение в дни гастролей театра «Современник» в Тбилиси. К приезду гостей из Москвы грибоедовцы тщательно готовились, предвкушая долгожданную встречу с прославленной труппой. Билеты на спектакли были распроданы задолго до начала гастролей... Причем Большой зал заполняли не только зрители старшего поколения, хорошо знакомые с историей «современниковцев» и их спектаклями, – было много молодых, кто хотя бы в силу возраста не мог видеть постановки знаменитого театра, на сцене которого блистали Марина Неелова, Лия Ахеджакова, Валентин Гафт, Сергей Гармаш, Владислав Ветров… Аншлаг – результат продуманной политики талантливого менеджера Николая Свентицкого. Неудивительно, что его звали в «Современник» на должность директора…

Ни для кого не секрет, что близкие отношения связывали Свентицкого со многими знаменитыми деятелями культуры, с прославленными коллективами. На сцене Грибоедовского проходили показы спектаклей выдающегося режиссера Римаса Туминаса, и это был триумф московского театра имени Евгения Вахтангова! С тех самых времен сложились особые отношения между Николаем Свентицким и Римасом Туминасом – больше, чем дружба, больше, чем любовь. В одном из обращений к другу Николай Николаевич написал: «Я никогда не устану объясняться ему в огромной любви и бесконечном почитании. Благодарю судьбу, что она подарила мне дружбу с Римасом – Богом избранным Мастером и редким человеком. Вообще, таких светлых, теплых, умных, ироничных людей – наперечет. Какое счастье, что Римас любит Грузию (и это взаимно!), что здесь ему хорошо, что здесь у него есть настоящие друзья (один из самых близких по духу и по сердцу – конечно, Роберт Стуруа). Все это вселяет в нас надежду, что Римас приедет сюда еще

С Галиной Волчек

не раз. И – кто знает! – может быть, нам невероятно повезет, и мы с вами дождемся спектакля, который он поставит именно в Тбилиси, на грибоедовской сцене». Это было мечтой Свентицкого. Мечтой, которой не суждено было сбыться…

Неформально близок был Николай и с директором Вахтанговского – профессионалом своего дела, знаменитым Кириллом Игоревичем Кроком.

Огромная, давняя привязанность Николая Свентицкого – Санкт-Петербург и театральные деятели города на Неве. У Свентицкого сложились теплые, сердечные, рабочие и творческие отношения с Сергеем Григорьевичем Шубом, Олегом Валериановичем Басилашвили, Ириной Николаевной Шимбаревич, Мариной Ароновной Беляевой, Мариной Юрьевной Дмитревской.

Олег Басилашвили назвал однажды Николая Николаевича «выдающимся миротворцем». «Какое счастье, что есть такие, как Николай Свентицкий, директор русского драматического театра имени А.С. Грибоедова, в репертуаре которого и грузинские, и русские пьесы, и классика!.. Зал театра всегда полон, аудитория многонациональная. В трудные для Грузии 90-е годы Николаю Свентицкому удалось сохранить театр, заставить прислушаться к его голосу – ведь театр, на каком бы языке он ни говорил, всегда будит в зрителе добрые чувства, делает людей лучше, достойнее их создателя, объ-

С Римасом Туминасом

единяет их в добре. Николай, а непременно хочется сказать – Коля – обладает животворящей организационной энергией, направленной на добро и соединение людей во имя жизни! Никогда не забуду наши встречи с ним на юбилее Грибоедовского театра, объединившем русских актеров и театры с разных концов мира! Как хорошо было! Мы – все разные – были объединены общим чувством братского единства, пониманием того, что мы делаем необходимое, любимое дело! Не мог я сдержать слез, когда на юбилейном вечере звучали грузинские, русские песни, а уж когда зареванный Вася Лановой запел «Дивлюсь я на нибо!», тут уж... Может быть, жители Тбилиси так гостеприимны и добры к приезжим не только в силу того, что эти качества вообще присущи грузинскому народу, но еще и потому, что они воспитаны театром, в частности любимым театром имени Грибоедова?!! Спасибо, Коля, за все: за душевность, дружбу, отзывчивость!»

Такие же чувства испытывал к великому актеру Николай Свентицкий.

Нежная дружба связывала его и с Кириллом Юрьевичем Лавровым. В музее Грибоедовского театра бережно хранится монография о выдающемся театральном деятеле с надписью: «Коле в память о многолетнем знакомстве и с восхищением его жизнелюбием и активной деятельностью! 12.01.2000». И совсем не случайно в 2017 году премия имени Кирилла Лаврова была вручена Тбилисскому русскому театру имени А.С. Грибоедова – награду из рук Олега Басилашвили принял директор театра Николай Свентицкий. Но эта история имела продолжение. Об этом в следующей главе.

«Чую Радуницу Божью» («Озарение»)

В апреле 2026 года петербуржцы отдали последнюю дань памяти Николаю Свентицкому. В Санкт-Петербурге (в любимом городе он встретил свой последний Новый год), в рамках XXVIII фестиваля русских театров «Встречи в России», был организован целый ряд посвященных Николаю Николаевичу значимых событий. В Малом зале Театра-фестиваля «Балтийский дом», на сцене которого Тбилисский русский театр имени А.С. Грибоедова не однажды представлял свое искусство, был показан моноспектакль актера, режиссера Валерия Харютченко «Чую Радуницу Божью» («Озарение»). Он был приурочен к 130-летию со дня рождения Сергея Есенина, выпущен под эгидой «Русского клуба» (при поддержке Секции интересов Российской Федерации при Посольстве Швейцарии в Грузии) и стал последним театральным проектом Николая Свентицкого. Спектакль прошел при аншлаге. В зале собралась культурная элита Санкт-Петербурга, члены ассоциации деятелей

русских театров зарубежья, участники XXVIII фестиваля «Встречи в России», представители грузинского землячества. Перед началом выступил генеральный директор «Балтийского дома» Сергей Шуб. Моноспектакль «Чую Радуницу Божью» имел большой успех (в 2025 году он был отмечен Золотым дипломом Международного театрального фестиваля «Золотой витязь»). Сразу после показа зрители вышли в фойе и познакомились с фотоэкспозицией, посвященной Николаю Свентицкому. А потом последовало продолжение вечера в теплом дружеском кругу – «грузино-российское застолье», организаторами которого стали Сергей Шуб и председатель Санкт-Петербургского грузинского землячества, известный бизнесмен Бадри Какабадзе. Обоих связывала с Николаем Николаевичем многолетняя дружба. Поэтому их слова звучали в этот вечер особенно искренно и сердечно. «Николай Свентицкий был уникальной личностью, – сказал Сергей Шуб. – Он был человеком и России, и Грузии. Он был человеком мира. И, как любой творческий человек, был соткан из несопрягаемых материй. Николай Николаевич был очень общительным, но в то же время одиноким человеком. Он был улыбчив, и при этом у него были грустные глаза. Отличался щедростью, и все это ощущали. И в то же время был расчетливым, прагматичным хозяйственником и очень хорошо держал театр. Сам Николай всегда прекрасно выглядел, был эле-

«Чую Радуницу Божью»

гантен, обаятелен, любил хорошо одеваться. Он был личностью, которую мы еще долго, долго будем вспоминать. Остались театр Грибоедова, «Русский клуб», ассоциация, во многом созданная благодаря его энергии и усилиям. Сегодня мы грустим, но, с другой стороны, радуемся тому, что дело, которому Коля отдал свою жизнь, продолжается. И в Грузии, в Тбилиси, и здесь, в Петербурге. И фактически во всех городах, откуда приехали сегодня члены ассоциации. Замечательный спектакль, показанный в Петербурге и горячо принятый публикой, – лучшая память о Николае Николаевиче Свентицком».

О Свентицком с неподдельной любовью и восхищением вспоминали театровед, заместитель художественного руководителя БДТ по общественно-просветительской и исследовательской деятельности Ирина Шимбаревич, театровед, доцент Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, председатель Содружества негосударственных театров Санкт-Петербурга Александр Платунов, художественный директор Театра-фестиваля «Балтийский дом» Марина Беляева. На следующий день о Николае Свентицком очень тепло говорили и на VII Международной конференции «Русский театр за рубежом как институт русской культуры». А вечером состоялась торжественная церемония награждения лауреатов международной премии имени Кирилла Лаврова «За поддержку и продвижение русской культуры». Она прошла в Таврическом дворце – петербургской резиденции князя Григория Потемкина-Таврического. Сегодня во дворце располагается штаб-квартира Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. Театральная премия имени К.Ю. Лаврова была вновь учреждена в международном формате в 2025-м – в год столетия выдающегося актера и театрального деятеля – по инициативе петербургского отделения СТД России, БДТ имени Г. Товстоногова, Театра-фестиваля «Балтийский дом», Фонда содействия развитию культурных программ «Балтийский международный фестивальный центр» при поддержке Министерства культуры России. В 2026 году обладателями премии имени Кирилла Лаврова стали значимые фигуры мировой культуры: худрук камерного оркестра «Виртуозы Москвы» Владимир Спиваков; режиссер, актер, педагог, президент Александринского театра Валерий Фокин; создатель и руководитель Санкт-Петербургского академического театра балета Борис Эйфман; основатель и руководитель школы русского языка и театра «Апрелик» (Франция) Лидия Дробич; Бишкекский русский театр драмы имени Чингиза Айтматова. В числе лауреатов 2026 года – Николай Николаевич Свентицкий, посмертно награжденный памятным призом Международной премии имени Кирилла Лаврова. Награду из

На церемонии вручения премии имени К. Лаврова

рук спецпредставителя президента России по международному культурному сотрудничеству Михаила Швыдкого приняли Валерий Харютченко и Бадри Какабадзе. «Свентицкий был особенным человеком, который сохранил театр Грибоедова в самые сложные годы, – подчеркнул ведущий церемонию награждения Михаил Швыдкой. – Это было очень сложно. Ведь Грибоедовский – не просто театр. Он всегда был средоточием русской культуры в Тбилиси. Понятно, что город пронизан русской культурой. Понятно, что БДТ тоже был пропитан духом этого прекрасного кавказского города. Потому что Георгий Александрович Товстоногов и его семья были навсегда связаны с Тбилиси. В БДТ этим очень дорожили. Сандро Товстоногов успешно возглавлял театр Грибоедова в 1970-е годы, и связь между Питером и Тбилиси только укреплялась. Николай Николаевич был человеком, которому удалось многое сохранить. Память – вещь хрупкая, но хочется верить, что мы сумеем сохранить память о Свентицком».

«Мне посчастливилось быть другом Николая – человека, русского по рождению, но духом – грузина, – сказал Бадри Какабадзе. – Коля был человеком огромного сердца, человеком вне границ, вне национальности. Он был настоящим другом. Думаю, мост, который он построил между Грузией и Россией, сохранится».

Михаил Швыдкой, Валерий Харютченко и Бадри Какабадзе

В своей благодарственной речи Владимир Спиваков произнес такие слова: «К чему стремится человек? К любви! Человек хочет любить и быть любимым. Расцениваю сегодняшнюю премию как знак любви ко мне!» Думается, душа Николая Николаевича Свентицкого именно так откликнулась на все, что говорили о нем в теплые апрельские дни в его любимом Петербурге.

Увы, далеко не все замыслы Николая Свентицкого осуществились. Он мечтал как директор приглашать в Грибоедовский театр значимых режиссеров для постановки спектаклей – мы уже упоминали о переговорах с Римасом Туминасом и другими известными мастерами сцены. Главное, к чему Николай Николаевич всю жизнь стремился, – это успех и процветание любимого театра. И последние его мысли и переживания незадолго до кончины были о родном Грибоедовском, его настоящем и будущем.

Я ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Сергей Есенин

ПИСЬМО ДРУГУ

Сегодня провел очередное занятие со студентами русской группы первого курса Театрального института им. Руставели – будущими актерами театра им. Грибоедова.

Студенты работали с упоением, наслаждаясь каждым словом, каждой фразой читаемых произведений, но пока их артистический дар не позволял мне насладиться творчеством читаемых авторов...

Вышел к морю. Оно такое теплое, манящее; я закрываю глаза и чувствую, что я, как дубовый листок, гонимый ветром, качусь назад, все дальше и дальше в прошлое.

И вот я опять в 70-90-х годах в Тбилиси, в театре им. Грибоедова. На горизонте всплывают лица моих замечательных партнеров по сцене, целые отрывки из прекрасных спектаклей, украшавших тогда афишу любимого театра.

Волны принесли мне отрадное чувство того, что не все ушло и кануло в Лету.

Я задумался, как мой народ, перенесший такие непростые времена, не утратил любовь к русскому языку, к русскому театру. Доказательством тому

– русская актерская группа в театральном институте.

Я точно знаю, что в любой семье стержнем, связующим звеном между всеми родными являются мать и отец. Тогда все обитатели дома – единое целое.

И на сегодняшний день этим соединяющим звеном в Грибоедовском являешься ты, мой друг, Николай Николаевич Свентицкий, а по-домашнему – Коля!

Выразить свои чувства уважения, любви, восхищения довольно трудно, глядя прямо в глаза человеку. Зная тебя, слышу ответ: «Ты что, с ума сошел? Прекрати!» Потому я выбрал другую форму признания – мне захотелось сказать все эти слова через прекрасный журнал «Русский клуб». Да, через письмо в журнал!

Пусть эти строчки прочтут обладатели очередного номера, т.к. говорить о тебе легко и радостно, и есть что сказать.

Сколько интересных дел, встреч, презентаций, спектаклей придумано тобой и претворено в жизнь.

Как не вспомнить вечера поэзии, посвященные творчеству Пастернака и Есенина! К великой моей радости, мне довелось участвовать в этих вечерах. Врезался в память спектакль о Есенине, когда в Батуми весь зал в конце вечера пел вместе с артистами финальную песню композитора Тенгиза Джаиани.

Не выходит из памяти вечер-концерт «Поет Татьяна Малышева». Вся музыкальная элита пришла слушать любимую певицу и благодарить тебя за этот концерт.

А 160-летний юбилей театра им. Грибоедова! Кто мог такое придумать, кто мог претворить это в жизнь? Ты совершил невероятное, собрав со всего света бывших артистов театра, ты пригласил именитых гостей, ты превратил юбилей в сказку!

Мой друг! То, что подвластно тебе, вряд ли подвластно кому-либо. Ты потрясающий организатор, неудержимый фантазер; твоя жизнь и сердце полностью отданы любимому делу.

Как-то дорогой моему сердцу человек, Григорий Давидович Лорткипанидзе, сказал: «Коля, ты должен быть директором всех театров!» И это действительно так.

Как не сказать о том, какой восхитительный отдых-семинар организовал ты студентам на берегу Черного моря! Курс ведет замечательная актриса театра и кино Ариадна Шенгелая. Все жили в прекрасных условиях, отдыхая, загорая и одновременно постигая основы русской сценической речи. Это же надо было такое придумать, организовать!

Поразительный ты человек, Коля. Ты делаешь столько добрых дел, твои

руки друга тянутся ко всем, кто нуждается в поддержке и помощи. Ты всегда думаешь о театре, о коллективе, создаешь все условия для творческого горения. Поверь, мне так хорошо идти по жизни рядом с тобой и чувствовать твою дружбу. Дай бог тебе здоровья, счастья и исполнения всех твоих красивых замыслов.

P.S. Этому случаю я был свидетелем совсем недавно. В театре «Современник» шел «Вишневый сад»:

– Продан сад?

– Продан.

– Кто купил?

– Я купил, – сказал Лопахин.

По залу пронеслось изумленное «а-ах!»

Так, спустя столько лет, эти люди узнали, кто купил вишневый сад...

Элизбар Кухалейшвили,
заслуженный артист Грузии

ПОМНЮ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Мое знакомство с Николаем Свентицким произошло задолго до того момента, как он был принят в Тбилисский русский драматический театр им. А.С. Грибоедова, актрисой которого я являлась с 1962 года. Николай в то время работал в Тбилисском международном лагере «Спутник», располагавшемся на Тбилисском море, и, как я понимаю, часто посещал наш театр, спектакли которого ему, по-видимому, очень нравились.

Однажды после очередного спектакля, оказавшись за кулисами, он увидел меня, подошел и представился. Я получила кучу комплиментов и приглашение выступить на концерте в «Спутнике». Организацию выступления он был готов полностью взять на себя. Когда я поинтересовалась, с чем он хотел бы, чтобы я выступила, он дал мне полную свободу выбора, потому что, как он сказал, «такая актриса будет иметь у зрителей большой успех с любым репертуаром». Я дала свое согласие, и мое первое выступление в «Спутнике» прошло с аншлагом и очень понравилось зрителям. Я прочитала стихи о Грибоедове, немного рассказала о нашем театре и ответила на вопросы. Николай сам объявлял мой номер и был очень рад моему успеху.

После этого наше знакомство переросло в настоящую дружбу, и я стала часто получать приглашения на концерты в «Спутник». Я старалась разнообразить свои выступления, включая в репертуар некоторые отрывки из спек-

таклей, которые я играла на грибоедовской сцене, к примеру «Эдит Пиаф», «Варшавскую мелодию» и другие.

После одного из концертов Николай проводил меня домой и, таким образом узнав, где я живу, все дальнейшие приглашения на «гастроли» в «Спутник» он уже делал, приезжая непосредственно ко мне домой. Естественно, он познакомился с моей мамой, на которую, во-первых, произвел самое приятное впечатление, а во-вторых, – немедленное желание «Накормить мальчика! Вдруг он голодает!». Мама называла его «Колечка» и старалась изо всех сил его опекать. Когда приглашения к столу стали повторяться, это его очень смущало, и он придумал, приезжая ко мне, общаться со мной через окно, благо жили мы на первом этаже! Да только от моей мамы не скроешься! И пришлось ему смириться ради нашего общего успеха.

Часто общаясь с Николаем и наблюдая его во всяких ситуациях, я смогла оценить его как блестящего организатора, очень последовательного в достижении задуманного, достаточно эрудированного и великолепно изъясняющегося как на русском, так и на грузинском языках прирожденного руководителя. И когда наш главный администратор Гайк Гевенян очень тяжело заболел и слег в больницу, в связи с чем в театре появилась вакансия, я привела в театр Николая Свентицкого. Он был принят на должность администратора.

Ну а дальше, как вы знаете, его карьера резко пошла вверх, и все дальнейшие события достаточно хорошо известны. Оказалось, что именно такой человек, как Николай Николаевич Свентицкий, был необходим у руля нашего замечательного театра. Жизнь подтвердила, что в самое трудное для русского театра в Грузии время, когда была угроза его закрытия, именно Свентицкий этому воспрепятствовал.

После моего переезда в Москву я не потеряла связь с Николаем, и наша дружба продолжилась вплоть до его последних дней. Мы часто созванивались, и он всегда был готов оказать мне помощь, если возникала такая необходимость. Так он помог с оформлением документов для получения пособия от Министерства культуры Грузии, полагавшегося мне как народной артистке Грузии.

Бывая в Москве, Николай всегда звонил мне, бывал в гостях, а однажды даже останавливался у нас, когда ему не успели оформить номер в гостинице. А еще он всегда приглашал меня на все свои московские рауты.

Наша семья всегда с благодарностью будет помнить Николая Николаевича Свентицкого.

Елена Килосанидзе,
народная артистка Грузии

ВСЕГДА ОСТАВАЛСЯ ДРУГОМ

Я познакомилась с Николаем Николаевичем Свентицким, когда он пришел в наш тбилисский Грибоедовский театр и стал работать в должности старшего администратора. Было это, по-моему, в 1986 году.

Надо сказать, что нашему старейшему русскому театру очень повезло, что в его рядах появился такой человек, как Николай Николаевич Свентицкий, который с первых дней сумел зарекомендовать себя отличным организатором, знающим, как нужно управлять таким неоднородным и сложным во всех отношениях коллективом. Свентицкий, будучи коммуникабельным человеком, сразу же смог расположить к себе все службы театра, попутно вникая во всю их деятельность. Он быстро нашел общий язык и с труппой театра, и с художественным руководством, и с обслуживающим персоналом. Сходу разглядев театральные проблемы, он незамедлительно приступил к их разрешению, привлекая к своей работе всех заинтересованных лиц. Неоценимую помощь в этом ему оказывало отличное владение грузинским языком, и в нашем разнородном и разноязычном коллективе он сразу стал своим и понятным для всех. При этом он обладал очень сильным личным обаянием, что помогало ему легко преодолевать трудности и находить все новых и новых друзей и единомышленников.

С первого дня знакомства у нас с Николаем установились очень теплые, добросердечные дружеские отношения, которые продолжались до его безвременной кончины. Мы никогда не забывали поздравлять друг друга с днем рождения, я всегда была рада видеть его у себя в гостях, в свою очередь, он всегда приглашал меня на свои встречи с друзьями и близкими, где охотно знакомил меня с ними. Это продолжилось и после моего переезда в Москву, потому что этого требовала наша дружба. Мы охотно оказывали друг другу посильную помощь, если таковая требовалась.

И мне всегда было очень радостно видеть этого приятного, подтянутого, эрудированного, всегда элегантного, всегда галантного, всегда остроумного человека, который, несомненно, был исключительно доброжелательным, надежным другом и спутником. Причем на качестве и характере наших личных отношений никак не отразился его стремительный взлет по карьерной лестнице от простого администратора до генерального директора театра и президента «Русского клуба». Шагая вверх, он продолжал оставаться все тем же простым, сердечным, добрым другом, каким всег-

да был, и это стало самым ценным в наших отношениях. Просто он старался никогда не позволять себе пренебрежения или высокомерия по отношению к любому человеку, независимо от его социального положения.

Лариса Крылова,
заслуженная артистка Грузии

ИСТИННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ТЕАТРА

Однажды нашему незабвенному Коленьке присвоили звание заслуженного деятеля искусств. Вот это слово – «деятель» – и стало смыслом его жизни в театре.

Много лет тому назад в Молодежном центре на Тбилисском море проходила очередная встреча с гостями. И мы обратили внимание на очень активного работника Центра. Моей жене Светлане Казинец, которая служила в театре Грибоедова, показалось, что этот молодой человек мог бы стать ее помощником в непростом деле – привлечении зрителей на спектакли театра. Коля согласился без раздумий: это была его стезя – работа с руководителями учреждений и предприятий. И театр не ошибся! Его характер барона Мюнхгаузена в соединении с прагматичностью Светланы дал отличный результат – их дуэт стал боевой единицей театра по работе со зрителем.

Выдумкам этой пары можно было только позавидовать! Так, в ситуации сложнейших гастролей в Архангельске, где зрители и не слыхивали о театре с берегов Куры, они прибыли в Архангельск заранее, чтобы подготовить публику к открытию гастролей, и решили оповестить жителей о приезде театра. Накупили почтовых конвертов, вложили в них открытки с приглашением на спектакли и расписанием, и всю ночь «пара гнедых» – Николай и Светлана – разносила эти конверты и опускала в почтовые ящики. Наутро изумленные жители узнали, что в городе – ТЕАТР.

Коля в любых обстоятельствах мог осуществлять оригинальные шаги. В том же Архангельске он договорился с начальником пароходства – на грузовых судах, ходящих в районе морского порта, были натянуты от мачты к мачте гастрольные плакаты с названием и репертуаром театра. Эта выдумка произвела на жителей города огромное впечатление – гастроли прошли на ура!

А вот еще один неординарный случай. Гастроли театра в Сочи и на театральных площадках побережья. Коля созвонился с начальником Гагринской милиции для вручения билетной книжки на просмотр спектаклей театра. Приезжают Коля и Света вручить билетную книжку, а начальника нет, и никто не знает, где он находится. Кто-то из работников предположил (погода пре-

красная!) – что он на пляже. Пошли на пляж. Как среди полуголых отдыхающих вычислить нужную фигуру? Коля пошел бродить по пляжу и – о счастье! – увидел, как по пляжу движется милиционер. Хотя звездочки на его погонах явно не соответствовали должности начальника милиции Гагр, Коля пошел за ним, чувствуя, что он приведет его к разыскиваемому. Так он и нашел его, к большому неудовольствию самого начальника. Сотрудник стоял перед ним навытяжку, а начальник в трусах выслушивал Колины байки о театре. Чтобы скорее избавиться от назойливого рассказчика, он взял у Коли билетную книжку и, очевидно, раздал своим сотрудникам – на спектаклях театра Грибоедова зал сверкал звездочками на погонах.

Память оживляет множество эпизодов выдумки и фантазии жизни нашего друга – истинного Деятеля театра – Николая Свентицкого! На таких людях и держится Театр.

Царствие Ему Небесное!

Борис Казинец,
народный артист Грузии,
Светлана Казинец,
администратор

РУССКО-ГРУЗИНСКИЙ АТЛАНТ

Непросто в наше время складываются русско-грузинские отношения. Народы России и Грузии вынуждены ощущать необычные для себя напряженность и отчуждение. И это те народы, которые веками были связаны неразрывной и бескорыстной дружбой, чьи культуры испокон веков теснейшим образом переплелись и влились друг в друга настолько глубоко, что, казалось бы, разорвать эти великие и прекрасные узы никому не подвластно. Вот почему особую ценность сегодня приобретают те государственные деятели и деятели культуры, пытающиеся, не жалея сил, сохранить то, что создавалось веками, что бесконечно дорого простым людям, а именно – дружбу наших народов, которые, в конечном счете, сами и решают, как им существовать на этой земле, как строить удивительный и прекрасный новый мир.

И когда мы задумываемся об этих людях, то в первую очередь вспоминается Николай Николаевич Свентицкий. Союз «Русский клуб», им основанный и возглавляемый, за годы своей деятельности осуществил целый ряд масштабных мероприятий и проектов, и одним из таких проектов, бесспорно, является международный русско-грузинский фестиваль поэзии. Проводившийся каждый раз под новым девизом и собирающий поэтов со всех конти-

нентов, фестиваль завоевал прочное международное признание и привлек широкое внимание общественности. О фестивале писали, на фестиваль стремились, фестиваль показывали, о фестивале спорили. Каждый из фестивалей проходил по очень интересной программе, где было время и для полемики, и для выступлений, и для теле- и радиоинтервью, и для экскурсий по самым интересным местам Грузии, и для отдыха в лучших гостиницах. Разъезжаясь по своим странам после фестиваля, поэты увозили массу впечатлений, вдохновляющих их на новые произведения, а еще – адреса новых друзей и новые соглашения о творческом сотрудничестве. В разные годы участниками фестиваля становились самые известные мастера художественного слова из десятков стран. Каждому понятно, насколько непросто организовать такой фестиваль, требующий огромных затрат, филигранной согласованности всех служб и строжайшей дисциплины. Поиск спонсоров, организация и руководство всеми мероприятиями традиционно лежали на плечах Николая Николаевича, ибо сия ноша никому более не под силу.

Но поэтические фестивали – всего лишь малая толика всего того, что держал на своих плечах этот удивительный русско-грузинский атлант, виртуозно владеющий как русским, так и грузинским языками и легко объясняющийся на других языках по мере надобности. Огромное количество мероприятий, которое проводил «Русский клуб», не могло состояться без непосредственного участия Николая Свентицкого, а перечень этих мероприятий занял бы не одну страницу текста.

Занятость проблемами «Русского клуба» не снимала с Николая Свентицкого ответственности за существование такой сложной структуры, как Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова, и тот факт, что театр успешно работал, гастролировал и имел своего зрителя – бесспорно, заслуга его блестящего директора.

Работая со взрослой труппой театра, Николай Свентицкий пошел дальше: по его инициативе и при поддержке Союза «Русский клуб» в октябре 2009 года при театре имени А.С. Грибоедова была создана детская театральная студия «Золотое крыльцо». Обучение в студии помогало детям выявить и развить свои актерские способности. Для тех, кто желал связать свою жизнь с театром, «Золотое крыльцо» стало первой ступенью на пути к актерской профессии, возможностью освоить азы и начальные техники актерского мастерства. Принцип работы театра-студии «Золотое крыльцо», по признанию его руководителя, заслуженной артистки Грузии Ираиды Квижинадзе, заключался в «изучении теории на практике», что являлось наиболее эффективным

способом обучения детей игре на сцене. «Есть надежда, что кто-нибудь из выпускников студии пожелает в будущем связать свою профессиональную деятельность с Грибоедовским театром и в труппу вольется талантливая, яркая молодежь», – говорила Ираида Квижинадзе. Именно так и происходило.

Говорить о Николае Свентицком в отрыве от его замечательной команды было бы неверно. Его сотрудники привыкли понимать своего шефа с полуслова и полувзгляда. Именно поэтому все мероприятия, как правило, проходили на высочайшем организационном уровне. И эта четкость, поверьте, давалась нелегко. Но люди не жалели ни себя, ни своего времени, видя, как работает их начальник, – не успокаиваясь и не давая себе отдыха до тех пор, пока не будет сделано все, что должно быть сделано.

Надо сказать, что Николай не только руководил проектами, но и во многих участвовал лично. Например, когда выпускался диск, посвященный Дню Победы, одна из песен прозвучала в исполнении Свентицкого, и это было сделано вполне профессионально. Снимался Николай Николаевич и в кино, и тоже достаточно успешно. Все это закономерно вытекало из того, что натура Николая – артистическая, и она непременно должна была себя проявлять.

Добавлю, что он всегда оставался для всей моей семьи своим, близким и родным человеком. Наша дружба не прекращалась до его последних дней, мы всегда старались помогать друг другу.

Заур Квижинадзе,
поэт, драматург

СПАСИБО ТЕБЕ, КОЛЯ!

Горько писать о человеке, ровеснике, которого знал с молодых лет, в прошедшем времени!

С блистательным, импозантным, с таким неподражаемым баритоном Николаем Николаевичем Свентицким мы были знакомы с далекого 1981 года, и было нам по 25-26 лет, когда я, отработав положенные после театрального института три сезона в Тбилисском русском ТЮЗе, перешел в театр имени А.С. Грибоедова – театр, который был и остается для меня родным, театр, которому отдали долгие годы мои родители!..

В ту же пору очередным администратором в театр пришел Коля Свентицкий. Помню его веселые, с прищуром, часто озорные глаза за стеклами больших очков на худощавом лице и какую-то неуемную энергию, сквозившую во всем его тогда худом и долговязом облике. И шла театральная жизнь: с репетициями, спектаклями, с отмечанием премьер и просто с отмечанием

чего-либо, жизнь с буднями и праздниками театра. А вот когда были выездные спектакли по районам, то самым главным человеком становился Коля Свентицкий, который трепетно и настойчиво оберегал «своих» артистов от превратностей менее цивилизованных мест, куда нас заносила судьба.

Он был тогда главным распорядителем и в общении с местным начальством явно представлял за собой весь, с многолетней историей, театр имени А.С. Грибоедова… И все мы, актеры со званиями и молодежь, были уравнены всеми колдобинами на дороге, которые принимала наша старенькая «Кубань» и передавала всем частям наших тел!.. Но мы знали: надо только добраться, а там мы будем за нашим администратором, как за каменной стеной.

Я думаю, что впоследствии, когда Коля Свентицкий стал директором театра Николаем Николаевичем, это ощущение «каменной стены» почувствовал весь коллектив!

В 1988 году, когда я уехал в Москву, наше общение прервалось. Все мы в последующие долгие годы – и люди, и театры – проходили по-разному, но все – не самый легкий путь на обломках нашей бывшей общей Родины.

Николай Николаевич объявился для меня в Москве в начале 2005 года. Вся его неуемная энергия была направлена на предстоящий юбилей Русского театра в Грузии! Он, конечно, собрал почти всех грибоедовцев в Москве, и, готовясь к предстоящему юбилею, мы «репетировали» будущие тосты с замечательным вином, привезенным Николаем Николаевичем.

А осенью состоялось то грандиозное действо – 160-летний юбилей русского театра на земле Грузии. Мне не довелось побывать на последующих юбилеях, но думаю, тот фейерверк имен и личностей, приглашенных и прибывших на этот праздник Театра, повторить и затмить уже было невозможно!

В последующие годы мы с ним были на связи по телефону или виделись во время его наездов в Москву... Я по сей день очень благодарен ему за его трепетную заботу о том, как переслать и как можно скорее мне в Москву, вышедшую в 2020 году в издательстве «Русский клуб» книгу о моем отце, народном артисте Грузии Анатолии Дмитриевиче Смиранине. Спасибо тебе, Коля, и низкий поклон!

Как хотелось увидеться с ним в Тбилиси, все казалось, что есть еще время... Не оказалось... Царствия Небесного тебе, Коля… Светлой и долгой памяти, Николай Николаевич…

Его имя останется навсегда в истории театра среди лучших его представителей!

Анатолий Смиранин,
актер

СПАСАЯ ДРУГИХ – СПАСЕШЬСЯ САМ

Что слышишь ты сейчас,
на миг или на век,
как будто бы уснувший друг?
– Обрывки слов,
тона, полутона,
мерцанье звуков странных.
Хочу открыть глаза
и не могу.
Жонглер-фигляр
кидает в небеса
два медных пятака.
О мой палач – моя Судьба
с загадочной улыбкою Джоконды.
А дальше… дальше – тишина…

Вот уже полгода, как Николая Свентицкого нет с нами. Казалось, он выдержит все испытания, стрессы, даже последнюю напасть – болезнь, сжимающую его в своих цепких лапах. Ведь он был по духу своему настоящим борцом, победителем. Но страж Хирон приотворил предела ворота, и ангел смерти увел Николая с собой, оставив нам, живым, добрую память о нем.

Когда, оглядываясь назад, вспоминаешь прошлое, возникают образы, истории, связанные с тем, о ком думаешь. Они, словно стая птиц, кружат над тобой, унося в мир воспоминаний. И прошлое как бы материализуется.

Ты стоишь на морском берегу и чертишь на песке имя. Набегающая волна размывает буквы, и сколько ни черти их на песке, волна все равно смоет. Наша жизнь как эта волна. Небо отражается в море. Солнце катится за горизонт. Ночь-день, день-ночь. Мы все путники в этом мире. Стоим на берегу океана жизни в ожидании своей волны, своего вечного заплыва.

В далеких 70-х на проспекте Плеханова в Дом железнодорожников, где в ту пору базировался театр Грибоедова, вошел высокий обаятельный молодой человек. Он представлял международный туристический центр «Золотое руно» и по приглашению Сандро Товстоногова, возглавлявшего тогда театр, пришел на встречу с ним, чтобы обсудить очень важную тему – вопрос зрителя. Ведь для туристов, приезжающих на отдых в Тбилиси, посещение театра могло явиться интересной частью культурной программы. Так и произошло. Николай оказался очень деятельным, инициативным организатором. С Тби-

лисского моря, где находилась гостиница «Спутник», автобусами Николай привозил туристов на спектакль. Потом организовывал творческие встречи актеров со зрителями. В общем, деятельность Свентицкого уже тогда была в высшей степени эффективной.

На улице Грибоедова – наш с Инной дом. Из окон квартиры видна церковь на горе Мтацминда, где покоится прах Александра Грибоедова. Мне довелось исполнять роль Чацкого в пьесе Грибоедова. Первое, что видят зрители, входя в фойе театра, – это памятник Грибоедову, который по просьбе Николая был создан замечательным скульптором Зурабом Церетели и преподнесен в дар грибоедовцам.

Для меня главным в жизни всегда был и будет театр, наш с Николаем театр. Конечно же, вместе с тем зрителем, который знает и ценит нас. Вместе с истинными грибоедовцами, которые помнят и чтут поистине пассионарную личность Николая Свентицкого.

Во дворе нашего дома растет древний платан, он многое повидал на своем веку. Мне, полвека прослужившему на Грибоедовской сцене, тоже довелось кое-что испытать – горести и радости, падения и взлеты. И весь этот жизненный калейдоскоп мы прошли рука об руку с Николаем. Он был прекрасным контактером, щедрым и внимательным к людям. На праздники посылал в огромном количестве поздравительные открытки. Ведь тогда еще не было интернета. Как-то я шутя спросил, не устает ли его рука. Он, почти по-детски улыбаясь, ответил: «Когда рука выводит добрые слова, она не может уставать». Мы чокнулись и вновь выпили за праздник, который желательно должен быть с нами всегда.

Утром я выхожу на балкон, платан протягивает мне свою руку-ветвь с еще влажной от росы листвой. Часто мы слышим пронзительный женский голос. «Малина!» – кричит она. «Мацони!» – вторит ей мужской голос. Город просыпается. Звонит телефон. Голос в трубке: «Ты купил малину?» – «Коля, это ты?» – «Да! Я не знаю, как этой женщине удается, но она торгует на всех улицах Тбилиси одновременно. А ее малина действительно сладкая, купи!»

В своем мобильнике я сохранил несколько телефонных номеров. Коли Свентицкого, Саши, моего брата, тоже покинувшего этот мир… Может быть, когда-нибудь мы сможем еще поговорить. Древний платан молчит – лишь шелестит листвой. Чувствую на себе чей-то взгляд. На ветке сидит маленький воробей. Смотрит на меня своими бусинками. «Скажи мне, малыш, как быть? Или не быть?» Воробей что-то прочирикал и улетел. Наверное, пожелал доброго дня.

Добрый день. Теплая атмосфера, уважение и взаимопомощь – вот та, казалось бы, простая формула, которую пытался воплотить в жизнь Коля Свентицкий. Но есть и другая установка: «Против кого дружите?», «Сегодня друг, а завтра – враг», «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать», «Моя хата с краю, я ничего не знаю» и т.д. и т.п. Вот и решай этот ребус. Вертись, как юла. Театр – своеобразная модель мира. Со всеми ее иллюзиями, надеждами и катаклизмами. В комедии «Горе от ума» есть такие строчки: «Злые языки страшнее пистолета». Люди же, понимая это, вопреки здравому смыслу, высунув свои язычки, дразнят друг друга и, не в силах угомониться, выхватывают свои пистолетики, зная, чем все это может закончиться. И вот над городом, над миром встает черная луна, ураган ломает ветви деревьев, срывает у людей крыши. В театре имени Грибоедова памятник Грибоедову покинул свой пьедестал. Теряя головы, люди в панике молят о спасении. Платан молча качает кроной-головой. А на небе по-прежнему сияют вечные звезды.

«Малина!» – прозвенел женский голос, и я проснулся. Спустился на улицу. И наконец-то купил эту малину. Коля прав: она была сладкая. На улице дворники убирали сломанные ветви деревьев. Памятник Грибоедову пока стоял на прежнем месте.

Правы древние: «Сон – это явь, а явь – это сон!».

Спасая других, спасешься сам. В суровые 90-е Николай Свентицкий организовал легендарный гастрольный тур с детским спектаклем «Принц-горбун» в Москве и Питере. Это было что-то невероятное, это было что-то. Из лабиринта гостиницы «Россия», тогда еще существовавшей, мы буквально ворвались со своим «Горбуном» на сцены практически всех театров столицы. Детей больше не водили ни в мавзолей, ни в музеи. Всех, от мала до велика, Коля перенаправил на нашего «Принца» с горбом и хохолком. Это была настоящая культурная экспансия. Мы творческим катком прошлись по сценам МХАТа, Сатиры, ТЮЗа, Маяковки, Моссовета, Таганки 2, Театра кукол, нескольких площадок центральных домов культуры. В день играли по два-три спектакля. Наше влияние было огромно. Выходя из театров, дети сутулились, подражая Принцу с горбом, бельмом и хохлом. У ортопедов Москвы прибавилось клиентуры и выросли заработки. Детям столицы выправляли осанку. Если встретите в Москве грациозного человека, знайте – это бывший зритель «Горбуна».

География гастролей с этим спектаклем была всеобъемлющей: Урал, Сибирь, Волгоград, Одесса, Новороссийск, Кишинев, Севастополь, Магнитогорск. Можно долго перечислять города и веси, по которым НН прошел вместе с нами, как Мамай, опустошая кошельки жертв театрального искусства,

но сея мудрое и прекрасное. А главное – мы привозили заработанные деньги в Тбилиси. Коля был донором, поддерживающим голодающую труппу. Ведь в то время люди вообще не получали зарплату. Было тотально холодно, темно и голодно.

Николай любил устраивать праздники для людей. Он был по-настоящему творческим человеком. Мог сотворить такое, что даже нельзя было понять, где правда, а где вымысел. Все было очень органично. Опираясь на реальный факт, оттолкнувшись от него, Коля пускался в свободное плавание, давая волю своему воображению. Был в этом очень убедителен, и ему хотелось верить. В молодости мы называли Николая Остапом Бендером, и этот титул ему нравился. Когда-то в студенчестве я увидел фильм «Грек Зорба» с Энтони Куинном в заглавной роли. Бывало, в часы депрессии я вспоминал этого героя, и он меня как-то уравновешивал. Николай обладал подобной энергетикой жизненного оптимизма. Я проводил некую параллель между Колей и этим греком. Даже однажды сказал ему, что он для меня иногда будто бы Энтони Куинн. «Квазимодо, что ли?» – театрально ужаснулся Николай. «Да нет, не Квазимодо – утешитель! Правда, иногда бывает и наоборот…» – «Тогда наливай, выпьем за грека Куинна, за тебя, за меня. И станцуем сиртаки». Так и сделали.

Николай всегда заботился о том, чтобы артисты на гастролях жили в лучших гостиницах, хорошо питались. Находил щедрых спонсоров. Он часто раскручивал денежные персоны на благотворительность, оплату билетов на спектакли для детей из детских домов и малообеспеченных семей. Коля был эдаким «Робин Гудом» из Грузии. И все были довольны. Да не оскудеет рука дающего.

Свентицкий обладал невероятным даром внушения. Процесс этот мог осуществляться им как бы исподволь, без особого напряжения. Как-то в городе N Коля вышел на местную знаменитость – цыганского барона. Назначил рандеву и встретился с ним. Через двадцать минут общения с Колей Барон пригласил его вместе со всеми нами, «горбунцами», в самый шикарный ресторан города. Это был незабываемый вечер. Шампанское лилось рекой, столы ломились от деликатесов. Цыганский хор пел «Величальную» в честь Коли. «К нам приехал наш любимый Николай Свентицкий дорогой… Пей до дна, пей до дна!». И мы, конечно же, пили. Под занавес наш босс имел неосторожность выразить свой пиитет женщине Барона, признавшись, что он ослеплен ее красотой и восхищен ее шикарной шубой. Наутро в Колин номер постучали. На пороге стоял сам Барон с подарком в руках – это была великолепная волчья шуба. Когда Свентицкий величаво вышагивал в ней по улицам

города N, народ почтительно расступался. Но однажды из подворотни выскочили две дворняжки. Почуяв волка, они мгновенно исчезли, но тут же вернулись, уже вместе со сворой других собак. Коля пытался их напугать, издав волчий вой, но это псов только раззадорило. По городу мчался НН в волчьей шубе, а за ним, лязгая зубами, рыча и лая, гналась собачья стая. Театр, слава богу, был недалеко. И Коля скрылся за дверями служебного входа. Больше он волчью шубу не надевал.

Много историй приходит на ум, веселых и печальных, всего не упомнишь. Впрочем, вот еще одно, почти невероятное событие. Произошло это во время гастролей театра в городе Архангельске в 1987 году. Как-то после спектакля мы, как всегда, решили «культурно отдохнуть». Отоварились и пошли в «нумера». В коридоре некий человек стрельнул у нас сигаретку. Коля угостил его целой пачкой. Зашли в номер. Вдруг, ощутив прилив неудержимой щедрости, Коля изрек: «Одна нога здесь – другая там. Сейчас вернусь, без меня не начинайте!» Вернулся довольный. «Что случилось?» – спросили мы. «Я тому мужику в коридоре целый блок «Мальборо» отвалил. Его чуть кондратий не хватил. Как будто я ему бриллиант подарил!». Хорошие сигареты и выпивка были тогда в большом дефиците. Через 15 минут к нам в номер постучали. На пороге стоял стрелок сигарет с ящиком чешского пива, которого во всей Архангельской области днем с огнем не сыщешь. И понеслась душа в рай. Часа в три ночи из нашего номера раздавалось дружное многоголосие: «Широка страна моя родная!», «Ти ж мене підманула, Ти ж мене підвела», «Выбери меня, выбери меня!».

Прибежал дежурный с тем, чтобы разогнать нашу шумную компанию. Увидев человека из соседнего номера, тут же ретировался. Наш новый приятель, не помню, как его величать, оказался председателем горисполкома Вельска. По-нынешнему – мэром. Правый глаз Свентицкого замерцал воландовским зеленоватым огоньком, левый мечтательно-ласково стал проникать в черепную коробку нашего гостя, осуществляя акт бесконтактной лоботомии. «Может, не надо?» – прошептал я. «Надо, Федя, надо! Он уже почти наш. Наливай!» Выпили, закусили, обнялись. В творческом экстазе в Коле соединились Остап Бендер и барон Мюнхгаузен. С его слов оказалось, что мы привезли в Архангельск детектив «Ловушка» Р. Тома специально для подводников, которые полгода бороздили глубины как южных, так и северных морей и со дня на день должны были сойти на берег, прийти в себя и непременно посмотреть наш популярный спектакль, в котором я играл центральную роль Корбана. Николай Николаевич удостоил меня своим вниманием, сказав, что

я тут вообще-то по личной просьбе самого адмирала и прилетел на неделю из Парижа, где снимаюсь в многосерийном фильме. А актер Джемал Сихарулидзе, игравший в нашем спектакле роль комиссара полиции, прибыл из Бомбея. У мэра случился приступ эйфории, и мы откачали гостя его же пивом. После чего он робко поинтересовался, не смогли бы мы показать наш удивительный спектакль в его родном Вельске. Николай стал уверять, что это почти невозможно, потому что спектакль очень дорогой, а гонорары актеров просто запредельные. Хозяин Вельска не унимался, утверждая, что пойдет на любые условия. В конце концов ему удалось уговорить Свентицкого, и тот дал добро.

До Вельска было 600 километров. Мэр зафрахтовал для нас кукурузник Ан-24, и через сутки под колокольный звон (в Архангельске проходил фестиваль звонарей) мы поднялись в небо. «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги». Пару часов мы летели над вековым дремучим лесом. Самолет вынырнул из облаков и благополучно приземлился на узкой грунтовой полосе Вельского немеждународного аэропорта. Нас встречали по-царски – с оркестром народных инструментов, с хлебом-солью, преподнесенными «мисс Вельск». С хороводом красавиц в кокошниках и живописных костюмах. Отвезли в гостиницу-терем, а потом – в Дом культуры, где на следующий день должен был состояться спектакль. На крыльце возник старичок в тулупе и валенках, который чем-то напоминал деда Щукаря из «Поднятой целины» Шолохова. «Знаем, знаем! Вы артисты! Дождались наконец! В последний раз театр приезжал к нам, как сейчас помню, еще при батюшке царе. Я с тех пор сторожем здесь состою, у меня не забалуешь!» – «Дедушка, а почему ты в тулупе? Лето ведь». – Дед лукаво прищурился: «Косточки ноют. Да и все равно зима придет. А вам мы шибко рады».

Утром нам накрыли «поляну» на лужайке в лесу. Это было настоящее чудо. Мы плескались в облаках, отражающихся в лесном озере. Нас потчевали ухой, приготовленной тут же на костре, деликатесами из горисполкомовских закромов, чаем из лесных трав, грибами, ягодами, фруктами. Русалки в кокошниках дарили нам свои улыбки и заботу. В общем, мы попали в настоящий рай. А вечером состоялось представление. Театр был битком набит. Перед Домом культуры собрались сотни людей, не сумевших попасть в зал. Они слушали спектакль по радиотрансляции. Успех был фантастический. Люди радовались, смеялись и плакали. Так они не хотели, чтобы мы покидали их. Спасибо мэру, спасибо Вельску, спасибо Коле! А еще я приобрел в местном книжном магазине редкие издания: двухтомник Михаила Чехова и

книгу Карла Густава Юнга «О психоанализе».

…На мраморных ступенях, уходящих ввысь, в белоснежном костюме стоял Николай. Я знал – этот путь предназначен для меня. Отчего же здесь Коля? Ведь он не святой угодник. Но я был ему очень рад. «Чем я могу тебе помочь?» – спросил он. – «Мне хотелось бы прокатиться по озеру на скутере. Это возможно?» – «Почему бы и нет?». Мы мчались по бирюзовой глади воды. Ветер. Солнечные брызги. Движение. Жизнь! Я очнулся и открыл глаза. Белые стены палаты Михайловской больницы отделяли меня от остального мира. Передо мной был Николай. Я рассказал ему свой странный сон. «К чему бы это?» – «Наверное, к деньгам!» – ответил он и улыбнулся. Коля принес деньги на вторую операцию. Врачи боролись за мою жизнь.

«Земля – транзит, мгновенье – птица, под крыльями ее пунктиром дня и ночи жизнь промчится». Сколько ступеней мы успеем пройти по лестнице нашей жизни?..

Валерий Харютченко,
актер, режиссер, поэт

ЭПОХА СВЕНТИЦКОГО

На его лице рядом со следами когда-то бывшей красоты светились мужество, страдания и нежелание покориться судьбе.
«Тайны ста сорока четырех катастроф, или Русский Рокамболь» (Огромнейший роман в сжатом виде). Перевод с французского.
А. Чехов

Надобно все ж таки прийти к некоего рода заключению: Свентицкий умер не от хвори – его погубила Любовь! К Театру и ко всему, что с ним связано, – к завлитам, помрежам, композиторам, артистам, статистам, осветителям, художникам, хореографам… К программкам, кулисам, колосникам, фойе, билетам, прожекторам, гримеркам, афишам, сплетням, зрителям… К премьерам, банкетам, репетициям, гастролям!.. Всего не перечесть! Это было его жизнью – личной, профессиональной, трудовой, творческой, интимной, если хотите… Семейной – нянчил театральных детей и внуков, как своих.

Духовной, интеллектуальной… Ну и физической – был в постоянном движении, без остановки, без антракта! Только в финале погас свет и занавес закрылся!

Роберт Стуруа поздравил его с шестидесятилетием в 2016 году: «Вот человек, который родился менять не очень приятную жизнь в лучшую сторону,

это у него в крови, в генах, и, что самое прекрасное, это у него получается!»

Темур Чхеидзе, в том же году: «Для него не существует невозможного, труднодостижимого. Он всегда добивается своей цели!»

Народный артист Республики Башкортостан Юрий Шевчук: «Тонем в глубинах твоего сердца, так искренне любящего культуру наших народов! Добра и Здоровья».

Достояние Грузии, калбатони Нани Брегвадзе: «Мой любимый Коля, от всего сердца поздравляю с круглой датой и желаю здоровья, счастья и больших успехов в твоей неутомимой деятельности, в неисчерпаемой любви к искусству, театру, людям!»

4 ноября 2026 года Коле 70 лет, но это уже «со дня рождения».

Фатум слеп и безжалостен! Круглая дата рассеивается, как дым, в печали траура. Вместо поздравлений – воспоминания!

Директор-распорядитель Грибоедовского театра Николай Свентицкий был назначен гендиректором в 2005 году. К этому времени он уже побывал руководителем Центра российской культуры в Грузии и стал основателем и президентом Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб».

Уже в октябре под тем же названием благодаря замечательной команде, которую возглавил Александр Сватиков – главный хранитель наследия Смирновых в Грузии, знаток старого Тбилиси, общественный деятель и фотохудожник, – вышел в свет ежемесячный журнал, единственное в своем роде общественно-художественное издание, на знаменах которого, по выражению Коли, следовало бы начертать три слова: «культура, просвещение, миротворчество».

В рубрике «Из первых уст» было опубликовано программное интервью Свентицкого Инне Безирградовой; читая его, невольно задаешься вопросом: сколько же сил, энергии и жара души потребовалось, чтобы впервые в истории юбилей Грибоедовского театра стал событием не только театрального, но и государственного, национального и международного масштаба.

Так начинался и продолжается этот замечательный проект, который, как сам Бог велел вспомнить, удостоен благословения приснопамятного Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II.

На второй странице журнала, сразу после титульного листа, где помещаются выходные данные и оглавление, Николай Свентицкий долгие годы неизменно указывался как руководитель проекта. Двадцать лет.

С этого года он – основатель проекта… и траурная рамка!

Хочу особо отметить высочайший уровень редакционной работы журнала,

стильный дизайн и безупречную верстку. Текст здесь органично сочетается с иллюстративным рядом, без малейших перегибов и излишеств. Содержание журнала – это глубокие, написанные прекрасным языком, актуальные статьи; редкий пример познавательного ежемесячника, который одинаково приятно читать, рассматривать и дарить. И, наконец, нельзя не сказать еще об одном его достоинстве: если заглянуть на сайт «Русского клуба», можно совершить почти буквальное «путешествие во времени». Материалы там бессрочны – они не теряют свою значимость и имеют несомненную историческую ценность.

В январском номере прошлого года опубликовано Колино новогоднее поздравление и обращение к читателю: «Русский клуб» встречает 2025 год с особым волнением и радостью, ведь он для нас юбилейный – журналу исполняется 20 лет. 231 номер, около 12 тысяч страниц, почти 3 тысячи публикаций, около трехсот авторов из разных стран. А сколько у нас благодарных читателей, я даже не берусь сосчитать – все равно собьюсь со счета». Поблагодарил за внимание и поддержку. Но странно и трогательно воспринимается фотография над текстом, под праздничной ленточкой – он очень печальный, почти отрешенный.

У меня есть вопросы, которые я уже не могу задать никому, кроме вас, дорогие Нина Теймуразовна Шадури-Зардалишвили – завлит Грибоедовского театра, главный редактор журнала «Русский клуб», и Инна Анатольевна Безирганова – заведующая музеем театра имени Грибоедова. Вы авторы замечательных книг, обзоров, очерков, интервью, рецензий, статей. Масштаб проделанной вами работы поистине впечатляет, а ее качество – просто изумительное! Как вам все это удается?

В этом году первый номер журнала «Русский клуб» целиком посвящен Николаю и вышел к 40 дням со дня его кончины – а это, право, совсем непросто!

В самом начале помещено пронзительное обращение: «Друзья!.. Мы осиротели. На сердце тоска и боль. Свято место пусто. Мы остались без нашего капитана, без впередсмотрящего. Незаменимого. Единственного. Родного».

Текст этот похож на клятву – если прочесть его целиком. Подпись лаконична и точна: «Ваши русскоклубовцы». Я действительно проникся! Вы новая общность талантливых, решительных и целеустремленных людей, подлинная группировка Свентицкого!

И здесь, если позволите, отрывок из стихотворения Маяковского:

В наших жилах –

кровь, а не водица.

Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Кланяюсь вам, уважаемые Русскоклубовцы! Выражаю соболезнования! Да пребудет душа Николая в Царствии Небесном ближе к Всевышнему!

В этом же номере опубликован материал, подготовленный Ниной Шадури, под заголовком «Впередсмотрящий». Это большая и очень интересная беседа с Николаем, впервые вышедшая в 2013 году – к десятилетию «Русского клуба».

Любопытно уже само переплетение его биографии с городом: Коля родился в Сабуртало, который тогда только начинали осваивать, а жил и учился в Нахаловке – старинном, оживленном районе с богатой историей, где соседствовали люди разных этнических групп, вероисповеданий и традиций. Совсем рядом, на живописном берегу Тбилисского моря, в 1970 году возвели международный молодежный туристический центр «Золотое руно» – для претворения в жизнь масштабных союзных программ ЦК ВЛКСМ по развитию молодежного туризма. Все годы своего существования центр оставался местом притяжения для советской и иностранной молодежи – здесь принимали крупные всесоюзные и международные делегации. После школы Свентицкий начал работать в Бюро международного молодежного туризма «Спутник», в ведении которого находился этот центр. И, несмотря на молодость, именно он возглавил отдел пропаганды и культмассовых мероприятий, включая в программу пребывания многочисленных туристических групп посещение театра имени Грибоедова. А после спектаклей артистов привозили в «Золотое руно» на встречу со зрителями. Помню, это было особенно приятно! Теперь понятно, почему Свентицкий не пошел учиться в один из лучших творческих вузов СССР – Тбилисский театральный институт имени Шота Руставели. Его подлинным «университетом» стала живая, насыщенная творческая работа в международной сфере, а заочное обучение в Куйбышевском институте культуры, необходимое скорее для получения диплома, оказалось просто удобным: не приходилось изнурять себя работой над этюдами, репетициями отрывков из пьес, декламацией монологов и проговариванием скороговорок.

Более десяти лет Николай трудился на ниве международного туризма, и именно этот путь дал ему редкое сочетание опыта, внутренней свободы, менеджерского чутья и подлинного, я бы сказал, глубинного понимания культурного пространства. Он принадлежал к числу тех немногих людей, которым был органически чужд командно-строевой стиль: не понуждал, а увлекал, не подавлял, а вдохновлял, не ждал перемен, а сам их совершал.

Свентицкий был признанным грузинским театральным и общественным деятелем, был тем, благодаря кому театр сумел пережить и преодолеть немало испытаний.

В новейшей истории Грибоедовского театра время Сандро Товстоногова и Гизо Жордания уже стало неотъемлемой частью нашей памяти. Убежден, что два десятилетия 05-25 – годы директорства Николая – будут именоваться эпохой Свентицкого!

Игорь Пилиев,

актер, режиссер, советник ВГТРК «Культура»

И ГДЕ-ТО СОВСЕМ БЛИЗКО...

С Николаем Николаевичем я познакомился, когда мне было десять лет.

Я играл маленького Бачану в спектакле «Закон вечности». В то время я еще не мог знать, что среди множества людей, которых мне предстояло встретить в жизни, именно этот человек останется со мной на долгие годы, точнее – навсегда.

Позже в театре начала работать моя мама – Эмма Гольденберг. Они с Николаем подружились. И очень скоро Коля перестал быть просто маминым коллегой, человеком из театра. Он стал другом нашей семьи.

И эту дружбу мы пронесли через всю жизнь – несмотря на границы, расстояния и перемены: Тбилиси, Москва, Тель-Авив.

Где бы я ни жил, Коля каким-то образом всегда оставался рядом. Иногда физически, иногда – на расстоянии телефонного звонка, а иногда просто в мыслях. Были годы, когда нас разделяли тысячи километров, но никогда не возникало ощущения, что между нами действительно есть расстояние.

– Масик, не спишь? – мог раздаться в телефонной трубке Колин голос в четыре утра.

– Коля, ну конечно, сплю!

– Тогда просыпайся и слушай!

И я слушал его до самого утра. Был горд, что он просит у меня совета, и счастлив, что делится самым сокровенным.

Никогда не забуду дату – 7 октября 2023 года. В этот день моей маме исполнилось восемьдесят пять.

К этому юбилею мы готовились давно. Должен был быть большой праздник: ресторан, длинный стол, много гостей, музыка, поздравления. Коля специально прилетел из Тбилиси – ему было важно в этот день быть рядом с моими родителями.

Но в то утро Израиль проснулся в страшной реальности, в которой не было места празднику.

Мероприятия отменяли одно за другим. Отменили и наш банкет. Страна жила в тревоге и ожидании.

Мамин юбилей прошел дома.

Нас было четверо: мама, папа, я и Коля.

Никакого большого стола. Никаких тостов под музыку. Никаких фотографий большой компании, которые мы потом собирались бы пересматривать.

Просто в доме были четыре человека.

Мы разговаривали, вспоминали что-то, старались все-таки сделать этот день праздником. И, наверное, именно поэтому теперь он кажется мне особенно настоящим.

Коля мог бы не приезжать. Никто не упрекнул бы его за это. Но он приехал.

И в этом была вся натура Коли.

В тот вечер я смотрел на него и думал о том, как удивительно устроена жизнь. Много лет назад он так же летел из Тбилиси в Москву – на мою свадьбу.

Две поездки через годы.

Две страны.

Два совершенно разных праздника.

А между ними – почти вся моя взрослая жизнь.

Свадьбу вел дядя моей будущей супруги – Иосиф Давидович Кобзон.

В какой-то момент он предоставил слово Коле.

Коля поднял бокал.

Он говорил о любви, о семье, о дороге, которую двум людям предстоит пройти вместе.

А я смотрел на него и вдруг вспомнил того мальчика, которым был, когда впервые пришел в театр.

Наверное, именно в тот вечер я впервые увидел нашу дружбу не как череду встреч, телефонных разговоров и бессонных ночей, а как целую историю, прожитую рядом.

А потом произошло то, чего я совершенно не ожидал.

Двери зала открылись, и несколько человек внесли огромную белоснежную бурку. Ее развернули и набросили на плечи нам, молодоженам.

На несколько секунд все вокруг стало каким-то совершенно нереальным.

Белая бурка. Москва. Моя свадьба. Коля, прилетевший из Тбилиси.

И вдруг Иосиф Давидович запел: «Тбилисо…»

Первые слова прозвучали почти неожиданно тихо.

К нему присоединился мой отец – Роберт. А заканчивали песню уже втроем.

Кобзон пел о городе, в котором служил в армии.

Отец пел о городе, который был его родиной, его памятью, частью его самого.

Коля пел о городе, которому он отдал часть своей жизни.

С годами я понял простую вещь: некоторые люди не уходят из нашей жизни даже тогда, когда уходят из нее навсегда.

Они остаются в голосах. В лицах. В интонациях. В воспоминаниях, которые вдруг возвращаются совершенно неожиданно.

Иногда, когда мне бывает особенно тяжело, я закрываю глаза.

Снова становится тихо. А я снова молод. На моих плечах белоснежная бурка. Рядом Коля.

И где-то совсем близко, будто из другого времени, звучит:

Такой лазурный небосвод
Сияет только над тобой,
Тбилиси, мой любимый и родной…

Дмитрий Мрикотенко,
актер

ДЛЯ НЕГО НЕ СУЩЕСТВОВАЛО НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО

Казалось бы, нет ничего необыкновенного в том, что директор театра любит театр и артистов. Но любовь Свентицкого к театру была особенной – он посвятил ему всего себя. Этот, я бы сказал, великий человек умудрялся делать – со всеми своими сюрпризами и инициативами – очень многое для театра, для актеров.

Мы с ним объездили с гастролями если не полмира, то пол-Европы – точно. Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, Молдова, Турция и т.д. Он заботился о каждом актере. Это был действительно большой праздник, когда Николай Николаевич отправлялся с нами на гастроли. А у нас бывали длительные поездки, часто мы долго добирались до места (однажды ехали целые сутки!). И всю дорогу Коля переживал о том, чтобы его артисты не были уставшими, голодными, в плохом настроении.

Надо сказать, что на гастролях Николай Николаевич всегда последним заходил в свой номер в гостинице – только когда убеждался в том, что все актеры комфортно устроились. Потом предлагал немного отдохнуть и встретиться в фойе. И обязательно накрывал шикарный стол, даже если мы выступали в городах, где в гостинице не было ресторана.

Я работал в разных театрах, но никогда не встречал человека, который так бы радел за свое дело, беспокоился о людях. Даже во время ковида он звонил артистам и старался подбодрить. Говорил: «Я же знаю, что актер без работы сидит в четырех стенах, как зверь в клетке». При этом он звонил всем, невзирая на то, как относился к тому или иному человеку. Ведь невозможно всех любить одинаково. Просто он считал, что обязан сделать все для того, чтобы его актеру было хорошо.

Не знаю, появится ли еще когда-нибудь такой директор в театре. Дай Бог, чтобы появился. Имею в виду все театры, а не только Грибоедовский. Его уход – это большая потеря не только для нашего театра, но и для искусства вообще. Потому что Свентицкий очень хорошо знал, чувствовал пульсацию театра. Не могу представить себе другого такого человека. Он всегда находил способ помочь, никогда никого не оставлял без внимания. Мы были очень горды, когда в его отсутствие на гастролях к нам подходили и интересовались: «А Николай Николаевич здесь?»

В Грибоедовском театре работали выдающиеся актеры, режиссеры, художники. И одним из самых великих грибоедовцев был Николай Николаевич Свентицкий. Несмотря на то, что артистом, режиссером, художником, композитором, драматургом он не был. Но он был необходим. Сегодня очень его не хватает. Дай Бог, чтобы такие люди чаще рождались и служили театру.

Во многих театрах мы слышали: «Завидуем вам, что у вас такой директор!» Действительно, очень многие нам завидовали, что у нас был Николай Свентицкий. Помню, как однажды нас во время гастролей закрыли в одном российском городе – не выпускали из-за ковида. Но не тут-то было! Коля сказал: «Я этого так не оставлю!» И вскоре сделал невозможное: привез нам билеты, и мы смогли вырваться из заточения и вернуться в Тбилиси. Это типичный пример того, что для Коли не существовало ничего невозможного.

Аполлон Кублашвили,
актер

ОН ЖИВ В МОЕМ СЕРДЦЕ

Говорить о Николае Николаевиче в прошедшем времени очень тяжело.

Мне посчастливилось быть другом этого необыкновенного человека – русского по рождению и грузина по духу.

Каким он был?

Огромной души человек. Великий друг. Он жил и дружил поверх барьеров, границ и национальностей.

Он был, как Фанфан-Тюльпан, обаятельным, неунывающим, находчивым! Обладал колоссальной энергией. Не лукавил, каждому всегда прямо говорил то, чего человек заслуживает. Не боялся и не стеснялся.

Мы познакомились четверть века назад, когда он привез в Питер спектакль «Рашен блюз». Столько шуму наделал этот спектакль, столько критики вызвал! «Что ты натворил, Коля!» – спрашивал я. Он только разводил руками: «Какая жизнь – такой и спектакль».

С тех пор мы и дружили.

В тяжелые 90-е, когда в Грузии не было ни света, ни газа, ни тепла, ни хлеба, он выстоял вместе со своим театром. По его инициативе, его стараниями Грибоедовский регулярно приезжал в Санкт-Петербург, и для меня было честью встречать Колю вместе с театром, дружить с ним все эти годы и не раз принимать участие в организации и проведении ряда его проектов.

Коля всегда работал не покладая рук. Это был дух России в Грузии и дух Грузии в России.

Надеюсь, что в Грибоедовском все будет хорошо. А тот культурный мост между нашими странами, который строил Николай Свентицкий, я верю, не рухнет, а будет прочно стоять и дальше. И мы все будем этому свидетелями.

Хочу вспомнить, как несколько лет назад я поддержал приезд мурманской Детской театральной школы в Грузию. Предварительно позвонил Коле. Он очень обрадовался: «Это же моя тема! Привози!» Мы привезли 60 человек. Самолеты в Грузию тогда не летали. Прилетели во Владикавказ, оттуда автобусом отправились в Тбилиси. Мы ехали по Военно-Грузинской дороге, и Коля лучше любых экскурсоводов рассказывал, показывал, объяснял, читал Пушкина и Лермонтова… А во Мцхета нас уже ждал роскошный стол. Мурманчане пробыли в Грузии 10 дней. И Коля не только организовывал показы их спектаклей в Грибоедовском, собирал публику, но и объездил с ними всю Кахетию и, конечно, показал весь Тбилиси. Весь этот праздник сделал Коля.

Так получилось, что я стал последним человеком, кто встречал его здесь, в Питере, в его последний Новый год. А потом он улетел домой… И все.

Но Коля жив. Жив в моем сердце и в сердцах всех, кто его любил и кому его сейчас так не хватает.

Бадри Какабадзе,

президент Грузинского землячества «Иверия» в Санкт-Петербурге

ДОБРОТА, ЩЕДРОСТЬ И ВОЛШЕБСТВО

Мое знакомство с Николаем Николаевичем Свентицким случилось 25 лет назад, когда Фестиваль русских театров стран СНГ и Балтии еще только становился на крыло. Он приезжал на фестиваль, мы проводили конференции, работали вместе. Свентицкий не был человеком, который может понравиться с первого взгляда: любил эпатажно одеваться, что не всегда однозначно воспринимается в нашей среде, мог говорить нелицеприятные вещи и начальникам, и коллегам, но обаяние его личности влияло так, что никто просто не мог всерьез на него обижаться. Николай Николаевич был невероятно артистичен.

Он добился очень многого и для Русского театра им. А.С. Грибоедова в Тбилиси, и для Ассоциации деятелей русских театров зарубежья, созданной «Балтийским домом», которую долгие годы возглавлял как председатель. Со стороны складывалось впечатление, что все дается ему легко, хотя на самом деле это стоило ему огромных сил и энергии. Его талант оставаться со всеми в дружеских отношениях касался и его положения в Грузии, где он был мостом между русской и грузинской культурой. На мосты всегда ложится большая нагрузка, и поэтому они часто рушатся, но Коля был таким мостом, который от всех трудностей становился лишь прочнее. Его в равной степени обожали и мастера БДТ – и сам Георгий Александрович Товстоногов, и Кирилл Юрьевич Лавров, и великие грузины: Роберт Стуруа, Резо Габриадзе, Софико Чиаурели… Это и есть секрет обаяния личности, который не дано разгадать никому: Бог либо наделил им человека, либо нет. Свентицкого наделил в полной мере.

У него было и еще одно замечательное качество: он умел просить деньги для своего театра и его проектов так, что давать ему казалось сплошным удовольствием. Даже было ощущение, что дающий испытывает большее наслаждение, чем он сам. При этом он был человеком щедрым, сам любил и умел делать подарки. Я счастлив, что мне довелось бывать с ним рядом и в общих компаниях, на дружеских застольях, и в его кабинете в Русском театре. Везде он был одинаково органичен.

По своему характеру Свентицкий был победителем. Даже свою болезнь –

онкологию – почти победил. Умер не от рака, а от остановки сердца, в одну минуту. И такая легкая смерть без мучений – это тоже милость Бога, который много сделал для Николая Николаевича и, прежде всего, поселил его на своей райской земле, в Грузии.

Когда я вылетал к Свентицкому в Тбилиси, то начинал чувствовать себя в его объятиях уже в петербургском аэропорту. Все работники грузинских авиалиний были и его друзьями, и знали, что я лечу к нему. Помню, как однажды в аэропорт Тбилиси он приехал за мной на «Майбахе» и на мой вопрос: «Откуда?» спокойно ответил, что знакомый олигарх дал ему машину на пару дней, узнав, что он встречает друга. Опять сработало это удивительное качество: когда люди что-то давали ему, то сами при этом чувствовали себя счастливыми.

Его уход из жизни – это невосполнимая потеря и большое горе. В моем кабинете, по левую руку от рабочего стола, стоит огромная кукла грузинского Деда Мороза – внушительного, осанистого, в народной черкеске с нашитыми на ней газырями. Она всегда будет стоять здесь в память о Николае Николаевиче, потому что создает точно такое же ощущение доброты, щедрости и волшебства, которое я всегда чувствовал при встрече со Свентицким.

Сергей Шуб,
художественный руководитель
Театра-фестиваля «Балтийский дом»

ЖРЕЦ ТЕАТРА

Имя Николая Николаевича Свентицкого – «Жреца искусства», посвятившего свою жизнь сбережению великих традиций русского театра за пределами нашей Родины, дорого каждому театралу, а для нас оно стало частью славной истории Театра имени Евгения Вахтангова.

Как председатель правления Ассоциации деятелей русских театров зарубежья, он способствовал взаимодействию с ведущими российскими сценами, среди которых Театр Вахтангова занимал особое место. Во многом благодаря Николаю Николаевичу Свентицкому чуть более 10 лет назад, в октябре 2014 года, в Грузии состоялись гастроли вахтанговцев с чеховским спектаклем «Дядя Ваня», а в ноябре 2015 года – с пушкинским «Евгением Онегиным». Эти спектакли, в постановке Римаса Туминаса, были представлены в рамках Международного фестиваля искусств им. Михаила Туманишвили «Gift» на сцене великолепного Тбилисского русского театра, директором которого он был долгие годы.

Наш добрый друг Николай Свентицкий поддерживал тесные связи с коллективом нашего театра и с большим уважением, участием и теплотой относился к Римасу Туминасу, руководившему в те годы Театром Вахтангова. Их объединяла огромная любовь к великой русской культуре.

Когда мы приезжали в Тбилиси, Николай Николаевич – человек редкой душевной щедрости – принимал наших артистов как родных, широко и радушно, заботился о том, чтобы все чувствовали себя уютно. А когда он бывал в Москве, мы старались встретить его с той же теплотой и любовью.

Основатель Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб», он оставил значительный след в укреплении и развитии культурных связей России и Грузии, в основе которых – многолетняя крепкая дружба и огромный обоюдный искренний интерес к истории, культуре, уникальному творческому наследию наших стран!

«Мы должны сделать все, чтобы на этой земле был мир, было больше улыбок, чтобы традиционно высока была планка культуры», – эти слова Николая Свентицкого навсегда остались в наших сердцах.

Кирилл Крок,
директор Театра имени Евгения Вахтангова

ПЛАНЕТА – НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ!

Для кого-то он Николай Николаевич, для меня навсегда остался Колей.

В 1985 году я, в то время директор Одесского украинского музыкально-драматического театра им. Жовтневой революции (сегодня – им. В. Василько), получил в Москве, в Росконцерте, маршрут на летние гастроли. Это было счастье, о котором мы не догадывались, которого не понимали, а в дальнейшем – которым гордились.

Я вылетел на задел маршрута (профессионалы понимают, что это такое): Батуми – вся Западная Грузия – Тбилиси. Я понимал, что сами мы не проведем успешные гастроли и нам необходим местный «шерп». Все как положено: ЦК партии Грузии, Министерство культуры, театр им. Грибоедова. Там и был определен наш сопровождающий. Нам предложили молодого администратора театра им. Грибоедова – Свентицкого Николая Николаевича. И здесь «Остапа понесло» – было принято решение будущий маршрут пройти «ногами».

Зима. Обледеневшие перевалы. При этом нужно учитывать, что это была не сегодняшняя Грузия.

Временами я себя чувствовал «свадебным генералом»: все делал Ни-

колай. Он договорился с театральными площадками, а я впервые почувствовал себя просто на прогулке.

У нас было 40 гастрольных дней: 10 дней в Батуми, 20 дней в небольших городах (Поти, Зугдиди, Зестафони, Хоби и многих других). И финал – 10 дней в Тбилиси.

За весь период (Николай этим гордился) остаток непроданных билетов – 3 штуки. С уверенностью можно говорить, что это из области фантастики. Было продано 20-25 тысяч билетов и остаток – 3 штуки. Это можно записать в Книгу рекордов Гиннесса.

В дальнейшем, до 2020 года, Николай строил империю театра имени Грибоедова – и он ее построил. И этим определил свое место в этой Империи.

Прошли годы после тех гастролей в Грузии. Когда мы с ним снова встретились, это уже был не Коля-администратор. Он, в отличие от меня, не покидал стен театра. Я ушел – так сложилось – в бизнес. У меня это получалось. И когда появилась необходимость, меня пригласили в Одесский русский театр (тогда он еще не был академическим). И вот с 2002 года мы неоднократно пересекались на конференциях, семинарах, совещаниях. Могу с уверенностью сказать, что мы мыслили и действовали почти одинаково. И когда мы вместе с моим тезкой Александром Марданем создали международный театральный фестиваль «Встречи в Одессе», Коля был постоянным участником этих театральных праздников.

А теперь подходим к причине, почему я назвал эту историю «Планета – Николай Свентицкий!».

Я не знаю, может, такая планета и есть... И она светит всем, не только любителям театра.

Я пишу эти строки, а на утреннем небе летят Персеиды. Но они сгорают, а Колина звезда – вечная.

Это я понял, когда побывал на юбилее театра имени Грибоедова.

Что очень важно и крайне редко для руководителей – это душа. Он умел легко находить тему для разговора как с монтировщиками, осветителями, звукорежиссерами, так и с народными артистами – и Грузии, и СССР. Легко и просто располагал к себе людей.

Приезжая в Одессу, он становился директором Одесского русского театра, потому что его знали все. Да, не без моей помощи.

В Одессе он «купался» в общении с известными людьми. У нас было

много коллективов, мастеров театра – сегодня я уже не могу перечислить всех. Встречи с коллегами зачастую рождали новые планы, и это происходило у меня на глазах.

Настоящим фурором в Одессе стал приезд спектакля Тбилисского театра имени Грибоедова «Холстомер».

Для него всегда был забронирован его любимый номер на Французском бульваре, в ста метрах от пляжа. Но не это главное. Главное – спектакли, люди, артисты, авторы, журналисты. И все это – в Одессе. Об этом я могу писать и говорить много и долго.

Кроме моего любимого города, наши театральные дороги пересекались на всем постсоветском пространстве.

Возвращаясь к юбилею театра имени Грибоедова. Я наблюдал за ним и принимал участие в разговорах с очень знаменитыми актерами, режиссерами и авторами пьес. Уважение – к ним и к нему – это главная черта.

Мощнейшая программа встреч – в узком кругу, в расширенном составе – это дорогого стоит.

Римас Туминас, Олег Басилашвили, Кирилл Кашликов, Станислав Моисеев, Богдан Бенюк и многие другие – настоящий фейерверк гостей. Это запоминается навсегда.

Дальше у нас – свои события, у вас – свои.

И вдруг – как гром среди ясного неба – Николай больше не директор театра.

Как показывает жизнь, ближний круг – это далеко не всегда друзья.

Если кто-либо побывал в «курятнике», к нему обязательно перья прилипают со всех сторон. А они начинают считать себя орлами. Но жизнь быстро доказывает: как был курицей, так курицей и остался.

Но это уже другая история. К сожалению, после нее остаются шрамы на сердце.

Не помню, где именно было сказано, что жизнь – это медленное сползание бирочки с руки на ногу.

У Николая это произошло неожиданно и несвоевременно. Ему бы еще жить и творить...

Раньше меня тянуло в Тбилиси. Я знал, что у меня там живет друг. Сейчас его нет.

Но связь с Грузией и сегодня не прервалась. Там остаются хорошие друзья.

Видимо, Бог все это видел, и мой архангел Гавриил посматривал за

мной, поэтому моя семья расширилась и на Грузию, в частности на Батуми.

А Коля – это прекрасная память. И я счастлив, что он был в моей жизни.

Александр Копайгора,
заслуженный работник культуры Украины,
соавтор идеи, основатель и сопредседатель
Международного театрального фестиваля «Встречи в Одессе»,
театральный продюсер

О, ГОРЕ!

Никто, никогда не измерял страдания, которую наносит внезапный уход Человека, рожденного для добра! Никто не измерит величину мрака, который овладел мною! Ушел Человек, его больше нет! И ты сам как будто ушел!

Как сказал один грузинский поэт: «Смерть?.. Единственно у кого ты умираешь – у себя! Да, у себя, оставляя самого себя без себя!» Он оставил без себя нас!

Прощай, великий человек! Надеюсь, там в счастливой неизвестности, ты будешь в лучшей части вселенской души!

И в нашей, пока мы не покинем Себя!

Роберт Стуруа,
народный артист СССР и Грузии

КАК ОН НУЖЕН СЕГОДНЯ!

Пусто без Коли… Не звонит телефон. Коля раньше звонил часто – слышен был звон бокалов… Он и его друзья звали в Тбилиси… Звучал «Мравалжамиер»… Теперь тихо… Молчит телефон…

Редкий человек Коля! Как он нужен сегодня! Не должна прерываться кровная связь Грузии и России! Он делал все для того, чтобы связь эта была крепкой и надежной. На сцене Грибоедовского театра и сегодня звучит русская речь. А кто, кроме Коли, мог собрать русскоязычные театры всего мира, актеров, у себя, в Грибоедовском?! Почему-то в России никому не пришло это в голову?! Да что там...

Просто он очень хороший человек. Живой. Любящий. С ним всегда было легко и радостно.

А теперь молчит Коля…

И телефон безмолвствует…

Плохо. Очень.

Олег Басилашвили,
народный артист СССР,
почетный гражданин Санкт-Петербурга и Тбилиси

С Борисом Казинцом

С Натальей Бурмистровой
и Элизбаром Кухалеишвили

С Бадри Какабадзе и Кириллом Лавровым

С Бадри Какабадзе и Сергеем Шубом

С Сергеем Шубом

С Кириллом Кроком

С Константином Райкиным и Робертом Стуруа

С Олегом Басилашвили

С Ириной Шимбаревич

С Максимом Сухановым

С Юрием Ряшенцевым

С Дмитрием Трофимовым

С Джумбером Берадзе, Валерием Асатиани, Роином Метревели

С Гуджей Бубутеишвили и Зурабом Абашидзе

С Верой Таривердиевой

С Наталией Соколовской

ОН БЫЛ С НАМИ ВСЕГДА

Николай Николаевич Свентицкий. Мост между Россией и Грузией. Человек немыслимого, сокрушительного обаяния. Человек – праздник. Человек для всех и для каждого. Человек мира. Человек, для которого не было чужой беды и чужой радости. Поражали его заразительность, витальная сила, созидательная и организационная энергия, объединявшие людей искусства и соединявшие театры, города и страны… Как начался мой век в БДТ, так Николай Николаевич был со мной рядом. Он представлял БДТ в Тбилиси. Кажется, он был с нами всегда. Он откликался абсолютно на все наши и радостные, и печальные события. Он был в курсе премьер, творческих замыслов, грядущих юбилеев и памятных дат. И никто не звал его Николаем Николаевичем – он был для нас Колей.

Коля был полон решимости первым отметить 300-летие Санкт-Петербурга и отметил! По его инициативе мы провели на сцене Грибоедовского театра юбилейные вечера Алисы Фрейндлих, Кирилла Лаврова и Олега Басилашвили, сыграли невероятно популярный в те годы спектакль «АРТ», сделали в фойе театра совместную выставку. Счастью Коли не было предела!

Вспоминаю встречи на юбилее Грибоедовского театра. Как было хорошо! Коля, как волшебник, продумал все до мелочей. И мы, все совершенно разные, были объединены, благодаря неуемной энергии Коли, общим чувством братского единства, любовью к Театру и Грузии и чувством того, что мы сообща делаем необходимое дело.

Я позвонила Коле летом 2025 года высказать свою мечту: отметить свой грядущий в октябре юбилей с дочерью, зятем и внуками в Тбилиси. Он закричал в трубку: «Шимбаридзе, а где ты еще можешь отметить свое летие, как не в любимом Тбилиси?! Даже не раздумывай! Только на берег Куры, только сюда! Как ты здорово придумала! Я весь твой, Шимбаридзе!»

Он моментально стал «своим» и моей дочери, и малышам, с которыми шутил, играл и учил правильно есть хинкали. Коля взял с меня обещание, что я непременно прилечу к нему на юбилей 4 ноября 2026 года. Я, конечно, обещала… А он, расставаясь, обнял и прошептал: «Навряд ли доживу»…

А в юбилейный вечер приехал в роскошный ресторан на берегу Куры с цветами и подарками не только для меня, но и для Полины с детьми. Нам с дочкой выбрал подарки в художественном салоне – плотные льняные скатерти с грузинскими мотивами, разной окраски и разного рисунка. И 31 декабря 2025 года, будучи в Санкт-Петербурге, позвонил и строго

спросил: «Ты постелила на стол мою скатерть? Она должна быть всегда с тобой, как я. Береги себя. Люблю тебя!»

Простился…

Ирина Шимбаревич,
заместитель художественного руководителя БДТ

***

Николай Свентицкий – крупная фигура в мире театра. Наше общение с ним всегда было интересным и где-то познавательным для меня, так как он был необычайно эрудированной и знающей личностью как в специфике театрального искусства, так и в области культуры в целом. Что особенно важно, Николай был очень теплым и отзывчивым человеком, и его столь ранний уход стал большой утратой для всех знавших его людей и лично для меня, ведь мы были с ним друзьями.

Михаил Лавровский,
народный артист СССР

В ДУШЕ У НЕГО ВСЕГДА БЫЛ ТЕАТР

Я познакомился с ним сравнительно недавно – в тот год, когда Авто Варсимашвили приехал в Москву, чтобы ставить со мной «Ричарда III» на сцене Вахтанговского театра. Автандил пригласил меня в ресторан, где я и встретился с Николаем Свентицким.

С самых первых минут стало понятно: передо мной человек-праздник. Имею в виду, что именно и как он рассказывал, как легко и естественно вел себя с окружающими, с незнакомыми в том числе. Я таких людей встречал нечасто. Они умеют создавать вокруг себя особенную атмосферу, поддержать, сказать хороший тост. Николай был именно таким человеком. У меня сразу возникло ощущение, словно мы с ним давно знакомы.

Постановка с моим участием не состоялась, и мы долгое время не виделись. Встретились снова, когда я приехал в Тбилиси на гастроли. Я понял, что Коля болеет, но во время нашей встречи ни о болезни, ни о проблемах речь не заходила. Каким я его помнил с момента знакомства, таким он остался и через много лет. Мне показалось, что жаловаться на здоровье, усталость, какие-то сложности он вообще не привык.

В этот приезд Николай повел меня к своим друзьям в грузинский ресторан где-то под Тбилиси. Он чем-то напомнил мне мой клуб «Маяк». В этом заведении собрано много интересных коллекций, на стенах висят старинные экс-

понаты. Мы провели там много времени с песнями, тостами, разговорами до позднего вечера. Люди за столом собрались нетеатральные, но относились ко мне с большим вниманием. Я отметил, с каким почтением они относятся к Коле.

Потом мы с ним еще раз встретились. В Тбилиси у меня живет друг, актер Рамаз Иоселиани, и мы пообщались втроем. Общение с Колей всегда было теплым и гармоничным. Он вырос в Грузии и довольно экспрессивно делал сверхкомплименты, как это вообще свойственно грузинам.

А потом мне позвонил Рамаз и сообщил о кончине Свентицкого. Это было неожиданно, потому что если Коля когда-нибудь и говорил про свои болячки, то всегда сквозь смех, несерьезно. Казалось, что в силу своего духа он должен обязательно выкарабкаться – у него была энергия тридцатилетнего человека.

У Николая тогда были тяжелые времена в театре, непонимание с художественным руководителем Грибоедовского. Не знаю, что у него творилось в душе, но он и об этом говорил легко. Мне показалось, что друзей у него достаточно. Хотя, возможно, Николай был при этом одинок. Очень часто люди-балагуры, люди-праздники оказываются одинокими. Но одиночество иногда – полезная штука. Не знаю, страдал ли он от этого или, наоборот, заряжался, оказываясь наедине с собой...

Николай очень любил театр. Не будучи актером, он был до конца творческим человеком и находил возможность для самовыражения. Николай Николаевич реализовался как директор, но в душе у него всегда был театр. Он все устраивал для того, чтобы актерам, режиссерам, вообще всем, кто занимается сценическим искусством, было комфортно. Очень жаль, что мы не работали вместе…

Светлая память Николаю Свентицкому, он много хорошего сделал для людей театра.

Максим Суханов,
актер

СТРАНИЦА ПАМЯТИ

Произношу вслух: Николай Николаевич Свентицкий… И не могу поверить, что нельзя написать записку, письмо или позвонить и, как всегда, получить быстрый ответ или звонок… Человек, который никогда не был равнодушен или ленив в своих отношениях с теми, кто уже постучался в его жизнь, – и он открыл дверь.

Я знала Николая много лет. Мы встречались в Москве, когда нас призывал Юрий Лужков на встречи соотечественников. Весь мир, говорящий на русском языке или его понимающий, был с нами на связи. Мы часто оказывались рядом на этих московских встречах еще и потому, что мы оба связаны общей темой – Театр. Коля (прошу меня простить, это не фамильярность, мы просто очень много лет знали друг друга) бывал в Ленкоме, знал меня и по прошлым спектаклям. А все, что было связано с организацией тех московских встреч, Коля всегда поворачивал в сторону своего театра, о котором он думал и заботился.

Он любил собирать людей, и у меня каждый раз было ощущение, что он сам невероятно радовался тому, что все наконец-то вместе. Когда на сцене легендарного театра им. А.С. Грибоедова собрались и поэты, и деятели театра, он однажды упомянул меня как пример помощи театрам зарубежья. Озвучил больную тему финансирования русских театров зарубежья. Николай сказал: «Ведь помогать русским театрам не так затратно. Вот, к примеру, Татьяна Дербенева и два чемодана – и уже спектакль!»

А когда мы вместе с мужем приехали в Тбилиси на юбилей театра, грузинское гостеприимство стало для моего мужа-датчанина просто потрясением. Он тогда сказал, что Грузия может очень разбогатеть, давая мастер-классы гостеприимства.

Все люди русского театра, живущие в разных странах, благодарны Николаю Свентицкому за искреннее, я бы даже сказала, смелое участие в организации такой непростой творческой жизни театров за рубежом.

Он был полон идей – потому что сам по природе был творец.

Светлая память талантливейшему и щедрому человеку!

Татьяна Дербенева-Якобсен,
актриса, режиссер, продюсер

КОЛЯ

Листаю свою переписку с Колей.

В последние годы мы переписывались и перезванивались почти каждый день.

В череде наших рутинных бесед о здоровье, вернее, о болезнях, о том, чего ему очень хочется съесть, но надо худеть, о впечатлениях из многочисленных Колиных путешествий и планах на будущие поездки, то и дело возникают его просьбы, касающиеся друзей (посоветовать подарки, купить редкую книгу Дайан Китон, найти недостающий предмет чайного сервиза ЛФЗ), детей друзей (колготки ребенку, главное, – натуральные, без синтетики, размер такой-то, постельное белье в общежитие Суриковского института для девочки-студентки из Тбилиси), артистов и сотрудниц (сувениры на 8 Марта, колбасу, обязательно черный хлеб, такой, с орехами и курагой, сушеные белые грибы – 8 пакетиков).

Я старалась помочь по возможности. Коле всегда хотелось помочь, хотелось хоть чем-то отплатить за всю огромную заботу, которой он окружал нас с Юрой. Такое же чувство, как мне кажется, испытывало огромное количество самых разных людей: те, кто давал деньги на то, чтобы учительницы русского языка из далеких горных сел смогли провести несколько дней на море, кто вместе с Колей работал в «Русском клубе», делал международные поэтические фестивали и театральную школу, конкурс детских рисунков по сказкам Пушкина, издавал журнал или вез холодильник Олегу Басилашвили. «Представляешь, он один сидит на даче со сломанным холодильником!» И Коля в Тбилиси не успокоится, пока новый холодильник (конечно, полный даров Грузии) не доедет до Олега Валериановича.

Это был какой-то праздничный круговорот любви вокруг, в сущности, грустного и одинокого человека, часто бегущего на край света, особенно в дни праздников, которые принято встречать в домах, в кругу семьи. Друзья всегда были ему рады, всегда звали. Но он рвался уехать. Куда-нибудь.

Однажды, случайно оказавшись в одно и то же время в Варшаве, мы с Колей договорились встретиться в ресторанчике при театре «Студия Буффо». Мы сидели с режиссером этого театра Янушем Юзефовичем и его женой, певицей и актрисой Наташей Урбаньской, когда в ресторан (!) явился с ящиком грузинского вина («Киси») Николай Николаевич. Через полчаса обе звезды польского музыкального театра были готовы немедленно лететь в Тбилиси, бесплатно выступать, давать мастер-классы, а также искать в Варшаве магазины польских дизайнеров мужской одежды, ведь двадцать лет назад Коля

купил здесь невероятно элегантный плащ. И прямо тут же Наташа Урбаньска заказывает для спектакля Грибоедовского сколько-то пар кружевных перчаток, так как Коля на «вы» с Интернетом и не умеет заказывать на Алиэкспресс. Когда Николай Николаевич включал обаяние, устоять было невозможно.

Кстати, об элегантности и дизайнерской одежде. Тут Коля был большой знаток и ценитель. От него я с удивлением узнала, что в Непале надо непременно шить на заказ мужской костюм – там какие-то особенные ткани и мастера. К счастью, наша соседка по Переделкину, певица Раиса Саед-Шах, наполовину непалка, помогла со связями, и костюм был сшит за три дня.

Все это – мелкие штрихи к портрету значительной фигуры, портрету человека, взявшего на себя миссию не дать порваться связи двух культур, грузинской и российской, обогащавших друг друга на протяжении столетий, связи, превратившейся из полноводной реки в тонкий ручеек.

Николай Николаевич был гораздо глубже созданного им образа бонвивана и тамады, он прожил невероятно интересную жизнь, наполненную событиями, дружбой выдающихся людей, творчеством. Я очень жалею, что не успела договорить с ним, дослушать, а может, даже записать его рассказы.

Галина Полиди,
либреттист

БУДЕМ ВСПОМИНАТЬ

Коля Свентицкий! Невозможно представить, что его больше нет. Да и что такое это «нет»? Нет этого традиционного грузинского желания прийти на помощь нуждающемуся в вас?

Нет веселых летних выездов актеров Грибоедовского театра вместе с их шумными и обаятельными детишками в благословенный Шекветили? Нет веселых и мудрых застолий с таким замечательным тамадой, каким был Коля? Но все это есть и, надеемся, будет всегда. Да, уже без Коли, но с вечной дорогой памятью о нем.

В свое время я много переводил грузинских поэтов. С распадом Союза этот процесс как будто закончился, и я был готов проститься с ним, если бы не Коля, который вернул нам Грузию, со всем, что таит в себе эта удивительная земля.

Недавно мне на глаза попалась наша с Колей фотография. На ней он весело смеется чему-то, как любил он посмеяться в кругу друзей, рассказывая о своей удивительной жизни русского человека, выросшего в Тбилиси, знающего и любящего язык своей Грузии, как он любил и знал язык России.

И все же! Все это есть и, надеюсь, будет.

Но только мы, его друзья – Дима Трофимов, Олег Басилашвили, Юра Шевчук и несть им числа, – знаем, кого мы потеряли и кого будем с улыбкой благодарности вспоминать, покуда сами живы.

И это стихотворение возникло после моего возвращения в мой любимый Тбилиси, к солнечной встрече с милой мне грузинской культурой. А разве могло быть это возвращение без Коли Свентицкого?

ГРУЗИНСКИЙ ТАНЕЦ

Николаю Свентицкому

Красивей пары не сыскать на свете.
И где искать, не скажет вам никто:
аджарка Джулия из Кобулети
с метехским небожителем Дато.
Как траурная бабочка, вся в черном,
она летит чуть впереди него.
В нем, из живого камня иссеченном,
нет ничего от быта, ничего.
И дикие, неприбранные звуки –
не то в них радость, а не то – печаль.
Нет, что-то знают о любви дудуки,
чего не знают скрипка и рояль.

Такой любви, какая перед нами,
Верона уступает без борьбы.
Кисть Джулии колышется – не знамя,
а белый флаг приятия судьбы.
Но кажется, партнер дошел до точки.
И Джулия становится бледней.
Судьба над нею встала на носочки,
чтоб на колени рухнуть перед ней.
О, Господи, у них такие лица,
так статен он, и так она хрупка!..
Свершится то, что и должно свершиться,
иначе мир не стоит и плевка.

Чем мы пред этой парой провинились,
что, как со шкурой содранной, стоим?..
Танцующие молча поклонились.
Уходят: он к своим, она к своим.
Случайно, вдруг возникшие партнеры,
впитавшие горячий дух земли,
в смешки, в подначки, в сплетни, в разговоры
без самой малой паузы ушли.
Питомцы неразгаданного юга,
они болтают, непонятны нам.
И нам неясно: а они друг друга
хотя бы знают хоть по именам?

Хотелось бы, чтоб дивным танцем этим
они пошли родам наперекор.
Но так и есть. Свободным этим детям
так близок жгучий свет долин и гор!
Свой путь у этих, я сказал бы – милых,
но слово жалко, как и все слова.
А шаг любви остановить не в силах
ни кровь, ни род… Покуда страсть жива.
Какой же правды я ищу в ответе?
Ведь весь мой поиск просто не вопрос
для Капулетти, что из Кобулети,
и для Монтекки, что в Метехи рос.

Юрий Ряшенцев,
поэт, переводчик, сценарист, мастер мюзикла

ЕМУ ПРОСТО НЕ БЫЛО РАВНЫХ

Сначала издалека возникает его знаменитая улыбка: легкая, готовая в мгновение ока превратиться то в лукавую усмешку, то во взрыв заразительного смеха… Затем вы слышите этот неповторимый бархатный баритон с тембром a la Анатолий Кторов из шеридановской «Школы злословия»… А вслед за этим чувствуете себя едва ли не сметенным обволакивающей вас энергией снежной лавины! Лучшее, что вы можете сделать, оказавшись с ним рядом, – это принимать его неограниченными дозами – как солнечный свет, запах моря, горный ветер или аромат грузинского вина… Едва попро-

бовав, вы без него уже не сможете… Тот самый случай, когда умеренность вредна, да и попросту невозможна!

Бесполезно пытаться втиснуть его в рамки каких-то однозначных определений. Он слишком многообразен, многозначен, непредсказуем, а главное – виртуозно, я бы сказал, фонтанирующе креативен, созидателен и талантлив!

Не спрашивайте меня, романтик он или практик! Признаюсь, доселе я никогда не видел такого практичного романтика… Он точно знает, что почем, как и в какой последовательности. Он одновременно генерирует идею, ее смету и интервью по итогам… По количеству рождаемых им идей он типичный платоник, возможно, даже гегельянец. А по скорости и эффективности их незамедлительного воплощения он – Генри Форд и Ли Якокка в одном флаконе. В умении же убедить, зажечь и увлечь ему просто нет равных.

А поговорить? Это – рассказчик, собеседник и тамада от Бога… Вы хотите знать, кого из грузинских исполнительниц носил на руках Козловский, что связывало Пастернака и Табидзе, как сложились судьбы детей приютивших отца Немировича-Данченко князей Думбадзе, как русский наместник пожертвовал свое годовое жалование на создание грузинского драматического театра в Кутаиси, что сказала Верико Анджапаридзе после прочтения 102-го, нет, 29-го сонета Шекспира, – тогда вам к нему…

«Любите ли вы театр...? Можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины?» У его театра – Театра имени Грибоедова – были отцы-основатели, гениальные режиссеры, выдающиеся актеры… 180 лет долгой, счастливой жизни… И тем не менее, зная то, что знают многие, я задаюсь вопросом: а дожил ли бы этот старейший в Грузии профессиональный театр до сегодняшнего дня без своего многолетнего ангела-хранителя?

Николай Николаевич не просто любил свой Театр; он в нем, им и ради него жил! Знал все его проблемы, недостатки, изъяны, с видимым театральным удовольствием играя роль Карабаса-Барабаса, чтобы тут же, случись что, с самоотверженной страстностью матери-наседки бросаться на защиту своих актеров, осветителей, костюмеров…

Россия и Грузия… Бесконечный список родных с детства имен и образов, этот навсегда амальгамный сплав истории, мировоззрения, поэзии, прозы, религии, семейных и дружеских союзов на фоне вошедшего в наше общее сознание и подсознание единого культурного кода… И вдруг порожденная политикой трагическая трещина… И все эти последние годы, когда казалось, что «распалась связь времен», он взял на себя еще одну нелегкую миссию – врачевателя и хранителя, нить за нитью бережно восстанавливая и сохраняя

те узы любви и братства, которые веками определяли смысл и суть русско-грузинской дружбы… Там, где были сожжены многие мосты, он сам – где возможно – работал и продолжает работать таким человеком-мостом… В условиях же разорванных с 2008 года дипломатических отношений именно он был и во многом остается послом России в Грузии и Грузии в России.

Сколько реализовано планов, проектов, сколько проведено фестивалей, гастролей, концертов – российских в Грузии и грузинских в России, сколько издано книг, журналов, сборников; один только уникальный двухтомник грузинской поэзии в русских переводах чего стоит! Нет чтобы остановиться, смакуя содеянное и повторяя, подобно Александру Сергеевичу: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»… Нет, ему это неинтересно: он давно уже убежал далеко вперед, окруженный послушно следующими за ним новыми проектами и идеями…

«Боящийся несовершенен в любви»… Ошибался ли он? Случалось. Конечно. И в людях, и, наверно, в чем-то ином… Не ошибаются лишь бездельники и безразличные. А он никогда не был ни бездельником, ни безразличным. Многое делая с оглядкой (ведь от него зависят столь многие – и из его театра, и из созданного им легендарного «Русского клуба»), он, тем не менее, не привык бояться и не привык беречься…

В нем есть что-то от большого ребенка, подчас истово ждущего признания и похвалы, подчас такого ранимого и одновременно искрящегося некоей только что овладевшей им мыслью или фантазией…

Но главное – это был человек, обремененный крыльями и талантом, неравнодушием и непокоем! Настоящий и масштабный человек! А еще – заботливый и трепетный друг!

Вечная память!

Дмитрий Трофимов,
дипломат

ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОГО ДОСТОИНСТВА

Неожиданным и глубоко болезненным для меня стал уход из жизни, слишком ранний уход, выдающегося служителя культуры и искусства Николая Николаевича Свентицкого.

Он с достоинством прошел свой жизненный путь и сделал много полезного и доброго. Это был широко образованный человек, обладавший высоким интеллектом. Свою жизнь и творческую деятельность он связал с искусством и добился значительных успехов. Чего стоит только тот факт, что Николай Ни-

колаевич успешно руководил театром имени А.С. Грибоедова. Под его руководством было осуществлено немало театральных постановок.

Непосредственной и большой заслугой Николая Николаевича было основание союза «Русский клуб» и издание одноименного популярного журнала, который отличается интересной информационной подачей, национальным характером, оформлением и, что самое главное, содержанием.

Николай Николаевич отличался активной общественной деятельностью, и «Русский клуб» под его руководством и при его непосредственном участии осуществил много значимых проектов. Для меня незабываемым остается проведенное по его инициативе очень важное мероприятие – Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге.

Н.Н. Свентицкий запустил книжную серию «Русские в Грузии», в рамках которой издано около шестидесяти книг.

Он активно взаимодействовал с иностранными деятелями культуры, что способствовало укреплению дружественных связей Грузии и зарубежья.

К сожалению, не стало человека, которого любили и уважали. Но его всегда будут помнить коллеги, интеллигенция и народ.

Роин Метревели,
академик, Президент Национальной академии наук Грузии

***

Николай Николаевич Свентицкий многие годы руководил Тбилисским государственным русским драматическим театром имени А. Грибоедова. Благодаря его энергии и организационному таланту театр не только выстоял в непростые времена, но и продолжал активно гастролировать, ставить спектакли и принимать зрителей в Тбилиси. Он поддерживал культурные связи, укреплял творческие контакты и всегда оставался внимательным к коллегам. Его работа и человеческое участие оставили заметный след в культурной жизни Грузии, а память о нем продолжает жить в сердцах коллег, друзей и в его делах.

Зураб Абашидзе,
дипломат, общественный деятель

«ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ! ЭТО НЕ ДЛЯ МЕНЯ!»

За последние годы мы если и не привыкли к беде, то научились сдержаннее на нее реагировать. Когда, проснувшись, открываешь новостную ленту, то уже примерно знаешь, чего ждать от мироздания, и готов ко многому,

если не сказать – ко всему…

Но не в то утро 4-го января, когда еще теплящуюся надежду на новогодние чудеса убили всего два слова на черном фоне: «Николай Свентицкий». Тут поневоле ахнешь. Как-то очень плохо монтируются смерть и его неуемная жажда деятельности, жажда жизни на полную катушку, жажда создавать что-то новое, доброе, нужное людям, вот этот самый праздник, который всегда с тобой…

Он не умел чувствовать наполовину, он был переполнен эмоциями; иногда хотелось сказать ему: «Коля, дорогой, ну не переживай ты уж так…» Но это было бы самое дурацкое пожелание, потому что «не переживать уж так» он не мог, не хотел, не научился.

В последние годы его две основные миссии – миссия директора Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова и миссия президента Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» – наполнились новой значимостью, новым светом и трагизмом. Все эти сильные переживания – и светлые, и горестные – истончают сердечную ткань…

Он очень любил Петербург и приезжал сюда часто. Тут жили его друзья, жили легенды театра, связывающие Петербург и Тбилиси; тут, на Петроградской стороне, находился театр-фестиваль «Балтийский дом», где он был своим и куда многие годы привозил на театральные международные фестивали свой театр.

Летом 2024 года он написал из Тбилиси, что ему обязательно нужны все автобиографические книги Александра Ширвиндта, которые в Тбилиси не достать, а они ему необходимы до зарезу. Посмотрев на Озоне на эти увесистые тома, я поинтересовалась, откуда у него такая страсть к мемуарам и как он все это потащит в Тбилиси. «Ты не понимаешь! – воскликнул Коля. – Это не для меня! Это для… – и он назвал имя известной актрисы. – Она обожает Ширвиндта!» И в голосе его звучала настоящая радость от предвкушения той радости, которую он доставит другому человеку. Желание радовать и самому радоваться этой радости – вот был мотив многих его поступков.

Вскоре он позвонил уже из Питера. «Слушай, мы можем встретиться где угодно, но ты должна приехать в квартиру, где я остановился! Ты себе не представляешь, что находится прямо за моим окном! Это просто счастье!» И он назвал адрес…

Я шла от метро вдоль канала Грибоедова и скоро увидела изящный балкончик, висевший низко, прямо над подворотней старого питерского дома. А на этом балкончике я увидела сидящего в плетеном кресле за плетеным сто-

ликом Колю. Я помахала ему, но он не увидел, потому что вечернее июньское солнце светило ему прямо в глаза, и на лице его было написано блаженство.

Он встретил меня на лестнице и тут же потащил на балкон. Окна его второго этажа выходили прямо на полукружье знаменитой колоннады и на восточный фасад Казанского собора, на котором сиял отраженными золотыми лучами вечернего солнца золотой оклад иконы Казанской Божией Матери… Он, как ребенок, радовался этому виду на собор и на канал Грибоедова, который уходил в перспективу, замкнутую другим храмом – Спасом на крови.

Мы сидели на этом чудесном балкончике, пили вино и кофе, вспоминали прошлое, говорили, но больше молчали о настоящем и не знали своего будущего…

Коля, игнорируя мои неодобрительные взгляды, курил одну сигарету за другой, а внизу шли люди, рядом шумел Невский проспект, по каналу проплывали кораблики с туристами и отраженные окнами домов солнечные блики играли на воде, хотя шел одиннадцатый час вечера…

Пусть так все и остается…

Для него теперь уже навсегда…

Наталия Соколовская,
литератор

ФЕЕРИЧЕСКИЙ ПОДВИЖНИК

Сочетание кажется парадоксальным. Подвижник представляется изнуренным непосильным трудом, а феерия – сказочное действие. В Николае Николаевиче Свентицком эти несочетаемые понятия слились органически. Он умел упорно работать, организовать своих сотрудников, всех участников событий, обдумывая мельчайшие детали. А в результате был феерический праздник. Трудно доныне представить, что он ушел из жизни, столько в нем было творческой энергии. И столько сделано в лучшие и далеко не лучшие времена русско-грузинских культурных контактов.

Живы в памяти многие встречи и эпизоды – праздничные и связанные с важными делами.

Наше общение началось в 2004 году. Николай Николаевич, потом мы перешли на «ты», пришел к нам в Тбилисский государственный университет, тогда еще на кафедру истории русской литературы, обсудить возможное сотрудничество. Я сказала, что мы готовим сборник «Наш Петербург», в который войдут труды, воспоминания и архивные материалы ученых ТГУ им. Ив. Джавахишвили, Академии наук Грузии, Тбилисской государственной консерватории, а также научных центров Санкт-Петербурга, посвященные многовековым

научным, культурным и общественным петербургско-грузинским связям.

Свентицкий сказал, что «Русский клуб» не финансирует подобных изданий, но все же пригласил меня к себе. Когда я показала рисунки своего отца, профессора Анатолия Филина, – его тбилисские и петербургские пейзажи, выполненные тушью, – Николай Николаевич спросил: «Сколько нужно? И когда выйдет книга?» Деньги были перечислены в типографию, и сборник, издание которого сегодня непредставимо, вышел в свет. Эту скромную, но элегантную книгу, в которой собраны тексты 16 авторов самых разных специальностей, у меня просят до сих пор.

Вспоминается ситуация из 2008 года. 19 августа скончалась выдающаяся актриса Наталья Бурмистрова. Прошло несколько дней после окончания августовской войны, все еще пребывали в шоке. Наталью Михайловну хоронили из ее родного Грибоедовского театра. Людей было немного, стояли группками на площадке перед Малым залом в полной растерянности, из властей города фактически не пришел никто, хотя Н. Бурмистрова была депутатом Верховного совета Грузинской ССР, театральной легендой, любимой актрисой…

Война, казалось, все перечеркнула.

Николая Николаевича как раз не оказалось в Грузии, он уехал в отпуск еще до начала августовской трагедии. Все думали, а кто-то и спрашивал: «А как бы действовал Коля?» Николай Николаевич вскоре вернулся, издал сборник стихов с антивоенным протестом, провел вечер поэзии, и постепенно все вернулось на свои места, исчезло чувство сиротства, возникшее в те дни.

Тогда это еще было возможно, сейчас – увы! – целая армия поэтов не способна повлиять на общественное настроение, хотя оно, к счастью, касается не всех…

Самым ярким событием, в котором мне довелось участвовать, были организованные «Русским клубом» совместно с Санкт-Петербургским университетом Дни Ильи Чавчавадзе в 2012 году. Николай Николаевич собрал солидную делегацию ученых и деятелей культуры. В научной конференции, посвященной творчеству и деятельности И. Чавчавадзе, участвовали ведущие специалисты из Петербурга, Москвы и Тбилиси.

Открытие было поистине торжественным и теплым, не раз звучали слова руководителей и профессоров о том, что Санкт-Петербургский университет гордится: в его стенах учился будущий святой. Университетской церкви подарили икону с ликом Ильи Чавчавадзе, написанную в Грузии специально для этого случая.

Это был праздник духа: мы почувствовали, что многовековые контакты

живы, живы и контакты конкретных ученых, и все изголодались по встречам, которые были столь насыщенными в еще недавние времена.

Николай Николаевич организовал общий форум так, что перед нами были открыты все двери – состоялись встречи в Союзе писателей, Союзе художников, Союзе театральных деятелей, и прием был необычайно теплым. Была подключена грузинская диаспора Санкт-Петербурга, мне выпала честь провести урок о творчестве грузинского гения в лицее, в котором учились дети представителей грузинской диаспоры. Друзья Свентицкого организовали роскошный банкет в одном из лучших ресторанов Петербурга, музыкальная часть была блестящей, приехали певцы из Грузии. Мы были и в Эрмитаже, и на спектакле в Товстоноговском; в эти дни состоялся концерт грузинской музыки, и специально прилетела из Тбилиси Нани Брегвадзе, зал был переполнен, люди стояли на улице. Можно с уверенностью сказать, что в те дни не просто удалось поддержать грузино-российские культурные контакты, удалось внести в них значительный вклад.

Заключительный эпизод был также необычным. В последний день осени Петербург занесло снегом. На дороге в аэропорт образовалась мертвая пробка, это был высший балл (я тогда узнала, что заносы и пробки исчисляются баллами). Люди выходили из машин вдали от аэропорта и, увязая в снегу, тащили чемоданы в надежде успеть на рейс. Мы сидели в автобусе без всякой надежды. Николай Николаевич в шубе и шапке с лисьим хвостом, похожий на боярина, позвонил кому-то по телефону, описал ситуацию, и наш рейс задержали на полтора часа.

Создавать не просто праздник, а деяние, важное для будущего, – особый дар. Можно сказать, что Николай Николаевич был им наделен по высшему баллу. Фестивали русскоязычных поэтов со всего мира с сотнями участников, фестивали для детей, многочисленные издания, конкурсы и выставки, гастроли театра, юбилеи, концерты с участием самых выдающихся исполнителей Грузии и гостей из России, концерты под открытым небом во Мцхета, посвященные Лермонтову, – всего не перечислишь, об этом, надеюсь, расскажут участники тех событий. Представлялось, что так и должно быть, и все давалось как бы с легкостью и широтой, но ясно, что за этим стоял не только огромный труд, но талант, масштаб и посвящение.

Однако настали времена, когда все это стало действительно невозможным. Свентицкий казался непобедимым. Но новая ситуация с сопутствующими проблемами и рычагами, по-видимому, подкосила Николая Николаевича, чувствовалось, что в его жизни присутствует настоящая драма. Казалось, что

Николай Николаевич доставал целый каскад идей из волшебного мешка Санта-Клауса и, главное, воплощал почти невозможное. Он не был однозначным человеком, порой с ним было непросто, но это естественно – с лидерами не может быть просто.

Горько, что он ушел рано, унеся с собой свою фантазию, невоплощенные идеи, свою неповторимость. Без пафоса, принятого в воспоминаниях, я уверена, что Николай Николаевич Свентицкий, безусловно, войдет в историю культурных взаимосвязей двух народов, и время его деятельности еще будут изучать…

Мария Филина,
доктор филологических наук,
профессор

ГРУЗИН В ЛУЧШЕМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА

Николай Николаевич Свентицкий. Многолетний директор и душа русского драматического театра имени Грибоедова. Мы с ним дружили и общались много лет. И много лет он помогал мне представлять музыку Микаэла Леоновича в его родном городе. Вот что я когда-то написала ему по случаю его юбилея. Повторяю сегодня эти слова! Дорогой Николай Николаевич! Вы роскошный. Ваша главная роскошь – вы Человек. В самом значительном, распрямленном смысле. Я знаю вас не один год, наверное, с первых моментов, когда я оказалась в Тбилиси и полюбила этот город как свой родной. Хотя не я в нем родилась, а мой муж, Микаэл Таривердиев. Но мне всегда казалось, что и я там родилась. И вы были одним из тех, кто олицетворял для меня этот удивительный мир – полифонический мир Тбилиси.

У моего мужа было одно выражение: «Грузин в лучшем смысле этого слова». Вы грузин, вы тбилисец – в самом лучшем смысле этого слова. Но и не только. Вы великий русский, вы итальянец, вы, в конце концов, древний грек тоже. И тоже в самом лучшем смысле этого слова.

Я вас благодарю за все, что вы делаете для культуры. Русской, грузинской, армянской. И культуры вообще. Потому что в вас нет границ.

Я вас благодарю за пронзительные моменты, которые я пережила, когда смотрела вечера, посвященные Микаэлу Таривердиеву, которые вы организовали в Театре драмы имени Грибоедова. Я не могла и не могу смотреть их без слез.

Я не могу без слез вспоминать наш концерт в Театре оперы и балета имени Палиашвили, когда мы отмечали 85-летний юбилей Микаэла Леоновича. И вы сказали, что билеты продаваться не будут. Будут только приглашенные.

Я была в ужасе! Как можно понаприглашать на целый оперный театр? Накануне концерта мне звонили люди и хвастались, что достали приглашение! И в театр было не попасть!

А когда мемориальная доска таинственно пропала со стены нашего дома на улице Ингороква? Кто ее вернул? Не министры и не члены правительства! Николай Николаевич Свентицкий!

Я вас люблю! Вы роскошный! Всегда и во всем.

Светлая вам память!

Вера Таривердиева,
музыковед, президент Благотворительного фонда М. Таривердиева

ПОЭЗИЯ, Я БУДУ КЛЯСТЬСЯ ТОБОЙ...

Когда я впервые приехала по приглашению Коли Свентицкого на поэтический фестиваль в Батуми, то обратила внимание на то, что всех людей, условно говоря, золотого осеннего возраста селят в отдельных номерах, а юные таланты живут в комнатах на двоих. Была прекрасная погода, мы все были обласканы вниманием, бесконечно читали стихи и прозу, рядом простиралось теплое море; по дороге к нему в небольшом кафе готовили кофе, двигая крошечные джезвы по горячему песку, и мне показалось: где же, как не здесь, в этом благословенном краю, заводить романы юным существам, приехавшим из разных стран?! Я в разговоре с Колей пошутила на этот счет. Он ответил:

– Ты совершенно права, но юные души найдут места для соединения и вне гостиницы, а зрелость требует комфорта и уединения.

То есть он и в шутку, и всерьез умел подумать обо всех мелочах, которые должны сопровождать счастье, – а поэтические фестивали были именно счастьем!

Он умел разглядеть, почувствовать, понять талант по одной строчке, по взгляду человека. И никогда не ошибался. Сколько изумительных поэтов побывали у него в Батуми, Тбилиси, Шекветили! Именно там я встретилась с Людмилой и Борисом Херсонскими, возобновила юношескую дружбу с Лидой Григорьевой, обнялась со старинным другом и замечательным питерским поэтом Мишей Ясновым, увиделась с Бахытом Кенжеевым, Алексеем Цветковым, Юрой Кобриным. А сколько прекрасных грузинских поэтов одаривали нас своими стихами!

Однажды был организован фестиваль для совсем юных поэтов – до 16-ти

лет. Мы, как бы маститые, вели семинары. На своем я начала так:

– Как вы помните, дети, у Пушкина сказано:

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

А вы можете мне внятно объяснить эту разницу?

В большой группе поднялась рука. За спинами других довольно высоких детей я не разглядела человека, но решила, что это участник моего семинара.

– Иди сюда, расскажи нам, – пригласила я «поднятую руку».

Вышел Михаил Яснов и на радость детям интересно и весело ответил на мой вопрос; его совершенно не смутило, что он, знаменитый детский поэт, тогда еще живой классик, поставлен в положение начинающего сочинителя… И эта детскость, помню, бесконечно обрадовала Колю, готового всегда сыграть в творческую игру.

Я счастлива, что однажды мне довелось принимать Колю Свентицкого у себя в Таллине. Коля оглядел мою квартиру, состоящую из небольшого количества мебели и огромного количества картин (кстати, у меня на стене висит и пастель Резо Габриадзе) и книг, и сказал, удовлетворенно улыбаясь:

– Квартира роскошная: украсть нечего! Так и надо жить поэту!

Всякий раз, когда в Таллин на гастроли приезжал театр имени Грибоедова, Коля передавал мне подарки с кем-нибудь из артистов. В память о нем я часто накрываю стол последним его подарком – скатертью с традиционным грузинским рисунком.

Незадолго до смерти он позвонил мне:

– Как ты считаешь, опасно сейчас лететь в Израиль?

Было, конечно, опасно.

– Знаешь, – сказал Коля, – меня зовет в гости Андрей Макаревич; неужели из трусости я предам дружбу?!

И полетел. И прислал мне фотографию, где стоит он, радостный и молодой, на балконе гостиницы в Иерусалиме.

Он жил искусством и стремился окружить его создателей красотой, сравнимой с их строками. Думая о нем, я часто вспоминаю пастернаковские (а уж как он обожал Грузию!):

Поэзия, я буду клясться
Тобой и кончу, прохрипев:

Ты не осанка сладкогласца,
Ты – лето с местом в третьем классе,
Ты – пригород, а не припев.

Елена Скульская,
литератор

ОЧЕНЬ ЕГО НЕ ХВАТАЕТ

Коля отличался невероятным (даже для Грузии) гостеприимством. Причем иногда это сочеталось с изумительным детским враньем.

Приходил рано утром ко мне в номер гостиницы (при том, что расстались мы часа четыре назад и я еще не продрал глаза). Садился на край кровати, сурово и непреклонно вопрошал: «Что хочешь?» Отбиваться было бессмысленно. Через 15 минут я слабым голосом предлагал ему перейти дорогу и поесть хинкали в симпатичном заведении напротив. «Нет! – кричал Коля. – Мы сейчас поедем в уникальное место, где в V веке изобрели хинкали!» Я знал, что спорить бесполезно. И садился, полуживой, в машину, и мы час тряслись по горной дороге, и я никак не мог понять, за что мне это мучение, когда вот они, хинкали, в двадцати метрах, но тут мы останавливались у маленького замка, и далеко внизу бежала Арагви, а над нами вились орлы, и на балконе уже был накрыт стол, и в кувшинах томилось вино, и несли хинкали на огромном блюде, и, конечно, они были совсем не такие, как напротив гостиницы – как я вообще мог подумать? Их же именно здесь изобрели в V веке!

Сижу со своим московским другом в чудесной кофейне в старом городе. Взяли пхали, сулугуни, вина. Звонок. Коля: «Вы где?» Я: «Там-то и там-то, закусываем». Коля (изменившимся голосом): «Вы уже заказали?» Я: «Ну да». Коля: «Не вздумайте ничего там есть! Я буду через пять минут!»

Врывается в кафе, выхватывает нас из-за стола и тащит в другое заведение (по-моему, точно такое же) – лучшее в городе!

Очень его не хватает.

Андрей Макаревич,
рок-музыкант, поэт, композитор

СВЕЧА ЛЮБВИ И ДРУЖБЫ

Время летит неумолимо. Казалось бы, только вчера мы собирались в маленьком уютном грузинском ресторанчике в центре Питера отпраздновать день рождения Николая Николаевича. Помню, я увидел его издалека. Он стоял на холодном ветру у входа и нервно курил в ожидании дорогих его

сердцу друзей. Компания собралась уютная, умная и веселая. Были артисты балета, актеры, профессура, искусствоведы... Все, с кем он делил свою жизнь и кем он восхищался. А восхищаться людьми он умел: каждому, по его труду и вкладу в культурные пространства, давал меткие характеристики, наполненные любовью и пониманием. Николай Николаевич парил над столом, обнимая нас своей душевной щедростью и тонким, острым юмором. Настоящий грузинский тамада! Вообще, его тепло и внимание к близким были неисчерпаемы, но мало кто знал тогда, что он был уже серьезно болен... Николай Свентицкий в буквальном смысле этого слова открыл для меня Грузию. Двери распахнулись феерично! С его помощью я полюбил эту замечательную страну, накрывающую дружественные столы истории – с прекрасными песнями, философскими тостами и неискоренимым свободолюбием! Помню, после первого нашего концерта в его театре мы решали, как будем выбираться, минуя разгоряченных и уже неуправляемых восторженных фанов, бегающих по крыше театра и кричащих на улице: «Шевчук, выходи!!!» В отличие от меня, сконфуженного и одуревшего от происходящего, Николай Николаевич, вдохновляясь этим пиршеством энергий, светился от счастья и, смеясь, повторял: «Я же тебе говорил, что тебя здесь любят!»

Как радовался Николай Николаевич любым событиям в культуре или в политике, разрушающим недоверие и наступающий ледниковый период между нашими странами! Как он желал справедливого мира! Как разрушали его сердце античеловечная пропаганда и агрессивная «движуха» разных циничных политических деятелей! И как много он сделал для того, чтобы свеча любви и дружбы на этой земле не погасла.

Мне понравилась история, когда он выбивал холодильник в Питере для Олега Басилашвили – великого артиста, у которого тот сломался и никто не хотел помочь. Впрочем, Олег Валерианович никого особо и не просил из скромности своей, но вскоре агрегат у него появился, не меньше кухни. Такие дела, большие и малые (около 500 культурных проектов), и украшают нашу память о замечательном человеке – Николае Николаевиче Свентицком.

Наша память не убита,
Наша вера – не игра,
Наша правда не забыта,
Греет руки у костра...

Юрий Шевчук,
рок-музыкант, поэт, композитор

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ СВЕНТИЦКОГО

Этот текст – «Мне Тифлис горбатый снится...» – один из любимых моих текстов, посвященный нескольким, едва ли не лучшим, дням моей жизни, – был написан осенью 2006 года.

Сегодня я посвящаю фрагмент из этого текста памяти Николая Николаевича Свентицкого – человека, который любил придумывать для людей праздники и знал, как это сделать.

Он – в отвратительные дни российско-грузинского затмения (которые, как оказалось, предшествовали трагическим дням лета 2008 года) – и придумал ту солнечную историю, о которой пойдет речь.

Историю, совершено незабываемую для меня.

«…Из нового здания аэропорта «Звартноц», через Ереван, гудящий свадебными машинами по случаю субботы; мимо ветреного озера Севан; через город Дилижан (тот самый, где «кран откроешь, вода течет – второе место в мире занимает»); через Семеновский перевал, уже гаснущий в сумерках; через армяно-грузинскую границу в Садахло, где сначала долго ждешь в темноте у таможни, дальше ползешь короткими отрезками между шлагбаумами, а потом, вместо последнего шлагбаума, обнаруживаешь стульчик, который пограничник просто убирает в сторону, чтобы твоя машина могла въехать наконец на родину Шота Руставели и Котэ Махарадзе; мимо притихших сел, через вечерние окраины города въезжаешь в оживший после обмороков войны центр Тбилиси – и попадаешь за стол в ресторане «Пиросмани».

Сразу! Как говорится, с вещами…

Потому что там тебя ждут, и есть повод – гуляют в честь пятидесятилетия Николая Свентицкого, тезки Пиросмани и директора театра им. Грибоедова.

Свентицкий и пригласил меня приехать сюда и дать концерт в его театре. И я с радостью согласился не дожидаться, пока придет в сознание после приступа дегенеративной ненависти Российская Федерация и подведомственный ей «Аэрофлот» (отменивший рейсы), а приехать сразу. Я хотел сделать это и без всякого концерта, просто так, но уж раз гора пошла навстречу Магомету…

Можно было, конечно, добраться до Тифлиса и самолетом – с пересадкой в Киеве или (только не смейтесь) в Стамбуле, но мы выбрали автомобильный путь: нет худа без добра – не упускать же возможности увидеть все это?

«Мы» – это я, моя жена и моя дочь (когда еще знакомить девушку с настоящей Грузией, как не в эти дни ненависти?).

В общем, все замечательно совпало.

Начиная с десяти часов вечера субботы, едва войдя в «Пиросмани», мы

начали переходить из рук в руки, из-за стола за стол, от одной легенды к другой, в сплошной любви и благорасположении. Это продолжалось до утра вторника, с небольшими перерывами на сон в гостеприимном доме Наташи и Рамаза Чхиквадзе («Древо желания», помните героя первой новеллы? – это он).

Я умирал от счастья.

Вы бы тоже умерли от счастья, если бы к вам, размягченному после четырнадцатичасовой дороги порцией хачапури, пхали и стаканом «спиртосодержащей жидкости из Грузии», как сказал бы российский санитарный врач Онищенко, не к ночи будь помянут, подошла бы милая незнакомая женщина и сказала: «Я – Ирма Сохадзе». И спела бы для вас «Оранжевое небо» (слова Арканова, музыка Певзнера).

Спела голосом, не изменившимся за время обрушения империи.

Назавтра мы с женой и дочерью обедали в Мцхете («там, где сливаясь, шумят…» – да-да, сливаются и шумят, обнявшись, будто две сестры, мамой клянусь!).

А еще назавтра завтракали у прекрасно-лукавого Резо Габриадзе («я самый трусливый человек на свете, Виктор, но под кроватью больше нет места»…).

И после сеанса в серных банях, описанных в «Путешествии в Арзрум» («побудешь немного Пушкиным»), из рук терщика Сосо, транзитом через подвал пекарни, где нам зацепили лаваш из печки и отдали, не взяв ни лари, перешли за стол к Вахтангу Кикабидзе, чтобы (я в сотый раз, а мои девушки впервые) услышать историю про то, как однажды Отар Иоселиани пришел на поминки и не знал, что это поминки…

Отар Давидович, как выясняется, Бубе приходится родственником – в Тбилиси, кажется, все родственники, или крестные, или крестники... Маленький город, маленький народ – без любви и благодарности к которому русское сердце после Пушкина вполне русским считаться не может. «Я так думаю!»

Да, я был счастлив в эти дни, и, кажется, приносил немного счастья сам.

Потому что тбилисцы тяжело оскорблены нами, которых считали и считают братьями – и как дети рады теперь любому человеческому лицу, открытому сердцу, доброму слову. Любому подтверждению того, что Россия – это не только Сергей Иванов или Владимир Путин, а еще и что-то другое...

Я был этим подтверждением. Я, собственно, затем и ехал...»

Виктор Шендерович,

писатель

ТОТ САМЫЙ СВЕНТИЦКИЙ

Боже мой! Николай Николаевич Свентицкий! Тот самый Николай Николаевич Свентицкий, к которому в 1986-87 гг. я, рядовой Советской армии, ездил из Вазиани в Тбилиси, чтобы заказать билеты в Русский драматический театр им. Грибоедова для солдат и офицеров нашей части. Он всегда оставлял нам второй ряд. Многие солдаты, рекрутированные из глубинки, оказались тогда в театре впервые в жизни. Сколько лет прошло – и он по-прежнему на своем посту. Браво, Николай Николаевич!

Из воспоминаний об армии:

Уже в первом увольнении в Тбилиси я нашел театр, находившийся от нас в сорока километрах. Знаменитый Русский драматический театр имени Грибоедова на проспекте Руставели. Зашел в гулкий холл. Справа была дверь администратора. За ней, в небольшой комнате, сидел благородного вида человек. Николай Николаевич Свентицкий. Знакомство с ним сделало нашу часть театральной. Наутро после развода я подошел к Генсицкому: «Товарищ полковник! В Тбилиси хороший русский театр. Мы можем организовать поездки на выходных?» – «Организуйте. Автобус дам. Всех солдат согласуйте с командирами. И спросите у офицеров, может, тоже поедут». В нашем ПАЗике было чуть больше 20 мест. Ни с кем у меня не возникло проблем, кроме как с командиром ОГМ (отдела главного механика) майором Оглы. «Товарищ майор! Подпишите, пожалуйста, список ваших солдат на поездку в театр». – «В театр? А чем они его заслужили?» – «Товарищ майор, они никогда не были в театре». – «Ну и что? Вы должны провести полосу препятствий, …, стрельбы, …, кросс по пересеченной местности … и строевую подготовку… И после этого из ста человек у вас останутся пять, ..., советских солдат, ..., достойных нашего советского, ..., театра». – «Товарищ майор, театр заслужили все». Был вечер, майор только что провел вечерний развод и распустил солдат на отбой. Мы стояли с майором Оглы на плацу перед штабом и говорили об искусстве и культуре. С темного грузинского неба на нас смотрели большие, как человеческие глаза, звезды. Мы говорили долго. Наверно, час. Наконец майор Оглы посмотрел на меня каким-то странным, затуманенным взглядом. «Солдат, – негромко и медленно сказал майор Оглы, – с тобой нельзя спорить. Тебя надо убивать». Никогда ни до, ни после, за всю свою жизнь, я не получал более достойного комплимента. «Да забирай хоть всех!» – и майор Оглы, не глядя, подписал лист. Через два месяца в списках офицеров части, ехавших в театр, появилась фамилия... майора

Оглы. В тот вечер в театре давали великого испанца Гарсиа Лорку. О любви, конечно. Николай Николаевич Свентицкий заблаговременно отложил для нас билеты на «фирменный» второй ряд. Майор Оглы был в парадной форме и знаменитых на всю часть лакированных зауженных сапогах ручного пошива. Я посмотрел на него с улыбкой. Майор заметил. «Солдат! Звание майора в Советской армии за … собачий не дают. Поехали в театр!»

Искусство – великая сила.

Лев Шлосберг,
общественный и политический деятель,
правозащитник, журналист

КРАСИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

В прежние времена мы не были даже знакомы, но находили потом общих приятелей по жизни. А в ранние годы жили параллельно. И, честно говоря, не могу даже сказать, что знал его действительно хорошо: значительная часть его многообразной жизни оставалась за пределами моего внимания. Но и того, что знал, а еще больше чувствовал, было достаточно, чтобы его полюбить.

Познакомились мы с Николаем Николаевичем на одном из фестивалей «Встречи в России», а ближе сошлись, работая вместе над созданием Ассоциации русских театров зарубежья, первым председателем которой он стал и много чего хорошего за период своего председательства сделал: тут мне все русскоговорящие театры мира соврать не дадут. Я-то считаю, что великое дело сделано и плоды свои еще принесет. Но все-таки настоящее приятельство сложилось, уже когда я, в силу летучести своего характера, занялся другими проектами, и общение продолжилось «не по службе, а по дружбе».

Я всю жизнь не люблю серееньких людей: как мировой опыт подсказывает, именно они могут представлять настоящую опасность. Яркость Николая Николаевича вызывала полное доверие. Бывают же люди, которые вызывают почти эстетическое восхищение. Я и сам приодеться люблю, но его экстравагантные и очень смелые образы всегда вызывали у меня восторг. Потому что всякому другому это было бы категорически запрещено, а ему – нет: содержание оправдывало любую форму. Но до забавного. Встречаемся на одном юбилее: я в немыслимой расцветки рубашке, он в примерно такой же яркости жилете. Оглядел зал, потом нас и довольно и очень искренне произнес: «Мы здесь самые красивые!» И он был действительно красивым человеком. Красивым в своей человеческой щедрости. Мы, конечно, обсуждали какие-то театральные дела в своих беседах, но вполне эпизодически – больше о

жизни говорили, о прошлом и будущем, об актуальном, много о личном, не таясь. Во время приездов в Петербург он бывал у меня дома, а уж когда я оказался в Тбилиси, устроил просто царский прием (еще раз повторюсь: не по службе, а по дружбе). Все звал приехать погостевать в его квартире на набережной Батуми… А при каждой встрече говорил мне, сияющему от радости: «Саша! Я тебя люблю, потому что ты не похож ни на кого другого». И сам был таким.

Один из последних (увы!) дней рождения он отмечал здесь, в Питере, в уютном грузинском ресторане возле Дома кино. И так приятно было видеть знакомые лица Юрия Шевчука, Валеры Михайловского, Иры Шимбаревич, Марины Дмитревской… И общую любовь к нему. Которая останется с нами навсегда.

Александр Платунов,
историк театра, театральный критик

АБСОЛЮТНО НЕЗАМЕНИМЫЙ

Мизансцена всегда была одна и та же – он уже сидел за огромным столом и ждал меня. Даже если я приходил на десять минут раньше назначенного – он уже был там, в каком-нибудь тбилисском ресторане, каждый раз – в другом, новом, но, разумеется, многократно им проверенном. И сразу на столе появлялось какое-то немыслимое количество еды. Несколько раз я даже приглашал с собой друзей, по случаю оказавшихся в Тбилиси, – ну хотя бы для того, чтобы просто поели, чтобы не пропадать добру. Ну и еще, конечно, чтобы «поделиться» с ними им, Николаем Николаевичем Свентицким. Мне кажется, не узнать его было бы какой-то несправедливостью для хороших людей. И все, кого я, не спрашивая разрешения, «одаривал» им, вскрикивали и не могли прийти в себя, узнав от меня ужасную новость, – как будто и они потеряли хорошего друга.

Свентицкий умел каждого почувствовать, к каждому найти подход, для каждого найти правильные слова, никогда не подлаживаясь и не угождая собеседнику, сохраняя деликатность, но и не сдерживая темперамента. Был он при этом себе на уме, как говорится, мнений своих не навязывал, но и не отступал, если в чем-то был уверен.

Он часто бывал в Москве и Петербурге, но так уж вышло, что мы всегда встречались только в Тбилиси. Не будучи грузином по крови, знал и любил свой город и страну как никто другой, знал и прелести их, и «подводные камни» – куда же без них. У меня немало друзей и знакомых в Тбилиси, но он оказался особенным, ни на кого не похожим, знавшим какие-то укромные

уголки и тайные переулки, – я говорю, конечно, не о географии и не о достопримечательностях.

Конечно, мне всегда было понятно, что, сколько бы мне ни было уделено времени и внимания, – я не один такой. Нас сотни и сотни – им накормленных, встреченных, обилеченных, приглашенных, обогретых, выслушанных, утешенных, развлеченных, вдохновленных, а то и вовлеченных в его проекты и заботы. «Здесь вот, на твоем месте, сидела Лия Ахеджакова (Алиса Фрейндлих, Римас Туминас, Юрий Шевчук… – можно продолжать бесконечно)», – обязательно напоминал он, и тут же следовало какое-то воспоминание. Ничего общего с тщеславным «неймдроппингом» в этом не было. А было что-то действительно важное и благородное – включение в большой круг людей, которым можно верить, своего рода гарантия того, что ничего важнее доверительного человеческого общения нет на белом свете.

Он страшно переживал все раздоры, все, что по воле злых и бессовестных политиков обеих стран отдалило Грузию от России. Но мы ни разу, даже в последние ужасные годы, не говорили о войнах, о чьих-то подлостях и предательствах – какой смысл? Все и так ясно. Нужно созидать, придумывать, соединять и расправлять буквально самим собой то, что кто-то рвет или топчет. Это он умел как никто. Вот человек, у которого была миссия. Он все знал: что молодым нужно дать шанс состояться, что состоявшимся нужно не давать спуску, что спускающимся нужно говорить добрые слова и прощать капризы, что ушедших нужно навещать…

Сидим как-то раз вот так в Тбилиси, обо всех новостях вроде бы уже поговорили. Смотрит на меня: «Устал?» Да нет, вроде ничего. «Когда улетаешь?» – как будто знал, что я взял билет на несколько дней позже и пока не придумал, на что их потратить. Куда-то сразу позвонил, с кем-то поговорил. «Завтра едешь в Цхалтубо. На вокзале в Кутаиси тебя встретят. В санаторий отвезут, через три дня будешь как новенький». И встретили меня, и омолодили, и ни лари не взяли почему-то… На растерянное «спасибо» Николай Николаевич каждый раз только отмахивался, улыбался и как-то загадочно щурился. Отстань, мол, с благодарностями, дел по горло.

Дорогой мой, еще столько дел. Никто, кроме Вас, с ними не справится. Вы абсолютно незаменимый… Вернитесь, пожалуйста.

Роман Должанский,
театральный критик

УЙМА ДОБРЫХ ДЕЛ

Николай Николаевич Свентицкий. Многолетний директор Грибоедовского, председатель всех возможных ассоциаций русскоязычных театров, прочный мост между Россией и Грузией во все времена.

Всегда – предложение поддержки, помощи, всегда – тыща планов, всегда…

Последние годы он жил трудно. Его точно не радовал уровень театра, он хотел для Грибоедовского другого, другое было невозможно… Нервничал. Я бы сказала – страдал. Да и вообще, думаю, в его «двойном амбассадорстве» травмирующих подводных камней и всякого прочего было больше, чем можно себе вообразить.

Мы никогда не дружили близко. Долго были знакомы едва-едва. Даже тогда, когда в 2006-м, заняв должность директора театра, он позвал моего сына, только что защитившего диплом, поставить что-то в Грибоедовском. Так возник первый, самый первый на свете и, по-моему, до сих пор самый лучший спектакль по рассказам Эдуарда Кочергина «Ангелова кукла» с Ириной Мегвинетухуцеси.

Звонок Коли был первым, когда жизнь переменилась и переломилась: немедленно приезжай в Грузию, а главное – присылай сына, все как-то устроим. И еще не раз звонил, спрашивал – чем помочь… Потом рассказывал, как устраивал в Тбилиси актерских детей, детей друзей, как что-то им снимал, кормил…

Все пишут: он был верным другом. Это так. Вот любил Римаса Туминаса – и в предпоследнее его лето организовал им с женой Ингой отдых в Шекветили и привез туда на день Роберта Стуруа, чтобы великие протагонисты нашего «театра народов СССР» могли встретиться… в очевидно последний раз. Коля был одним из немногих, кого Римас возил на свой хутор. И как он ездил на все премьеры, так прошел все похоронные этапы прощания с Туминасом…

Конечно, он (по моим наблюдениям, человек достаточно одинокий) любил широкие жесты, «зазнал» многих звезд. Я точно не из их числа. Но два с половиной года назад, когда я помогала Инне Безиргановой делать книгу о Темуре Чхеидзе (а по инициативе Свентицкого была затеяна серия книжек о Марджанишвили, Стуруа, Чхеидзе – он считал своим долгом оставить память о связях русской и грузинской культур), в одном из разговоров я мимоходом спросила, есть ли смысл поехать в Батуми в августе или жарко. И через два дня мне были присланы билеты, назначены встречающие-провожающие и обеспечены две недели отдыха в Шекветили: «Ты очень устала, тебе нужен отдых, там ты точно не отравишься в столовой и отогреешься на черном песке».

Такой был подарок… Именно подарок! Нашел какого-то спонсора, оплатил…

По дороге назад он с вокзала повез меня на Мтацминду: «Ты не была на могиле Резо». – «Коля, заедем хотя бы купить цветок?» – «Я уже купил».

Уйма добрых дел!!!

У Габриадзе есть рассказ о «прекрасном кутаисском парне с настоящим кутаисским акцентом», Леве Пестове. «Он был русский?» – уточняла я в нашем разговоре. «Русский, русский, но грузин», – отвечал Резо. Вот и Коля Свентицкий был «русский, русский, но грузин».

Светлая память…

Марина Дмитревская,
кандидат искусствоведения, театральный критик,
главный редактор «Петербургского театрального журнала»

ДВИЖУЩАЯ СИЛА

Наше с Николаем Свентицким знакомство началось лет примерно 10 назад. Тогда по моей просьбе директор театра им. Вахтангова Кирилл Крок, направлявшийся в Тбилиси на гастроли, передал НикНику письмо за подписью директора ЦАТРА Ивана Чурсина с ходатайством поделиться имеющимися в театре им. Грибоедова материалами, связанными с работой у «грибоедовцев» артиста Виталия Стремовского.

Не успел Кирилл Игоревич отдать письмо, как все материалы (фото, приказы, программки) «упали» на почту зав. музеем Театра Армии. Виталий Лазаревич, кстати, был потрясен появившимися раритетами.

Спустя несколько месяцев «грибоедовцы» привезли в Москву «Вишневый сад». У Гуранды Габуния был творческий вечер в Доме актера. Движущей силой этой истории был НикНик.

Еще не остыли наши майские объятия, как уже в августе случились первые посиделки в Шекветили. Надо ли говорить, что меня там роскошно приняли (даже грузинский кузен, кажется, был впечатлен).

Следом, уже в сентябре, я мчусь в Калугу, куда «грибоедовцы» привезли на фестиваль «Холстомера». Счастье новой теплой встречи. Спустя год. Москва. Вахтанговский театр. Здесь Авто Варсимашвили поставил «Ричарда III», и вот уже звон бокалов!

Еще пара-тройка дней перемещаемся в любимый им Петербург (свой последний НГ он встретил в обожаемом городе, простился с ним и улетел умирать домой), здесь интервью по поводу привезенного спектакля «А.Л.Ж.И.Р.».

Всегда он был в центре внимания, всегда кем-то окружен, всегда неуто-

С Вероникой Долиной

С Андреем Макаревичем

С Юрием Шевчуком

С Мабудом Магеррамовым и Людмилой Духовной

С Нани Брегвадзе

С Наной Джорджадзе и Андреем Звягинцевым

С Зурабом Кипшидзе

С Гурандой Габуния и Отаром Мегвинетухуцеси

С Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II

С Чулпан Хаматовой

С Лией Ахеджаковой

С Юрием Ростом

С Дмитрием Крымовым

мим. Надо помочь – легко. Особливо, если для родной Грузии. В Госфильмофонде России сохранился старый фильм грузинского режиссера о первых годах жизни Владимира Маяковского в Грузии. В самой Грузии копии фильма не осталось. НикНик дал денег (а еще связал с руководством «Грузия-фильм») на копию фильма и передал ее в музей в Багдати.

Что еще сказать? Мне вот надо было выйти на Теймураза Мурванидзе для интервью. Нет проблем, держи телефон.

Сколько таких историй было! Были еще встречи, переписки, разговоры. Очень он переживал уход из Вахтанговского театра, а потом и из жизни вообще Римаса Туминаса. Очень переживал любые распри между нашими странами, тупость чиновников. Он был, конечно, огромным подвижником в деле налаживания культурного общения, тратил на это массу своей энергии, но не все это ценили, увы.

Последний раз мы виделись 9 мая 2024 года, когда я была проездом в Тбилиси. Кстати, из Тбилиси в Батуми и обратно тогда я путешествовала тоже благодаря его помощи, поскольку оплатить из Москвы российской картой билеты на автобус было невозможно. В тот день в Грибоедовском проходил вечер к 100-летию со дня рождения Булата Окуджава. Он был за кулисами, контролировал происходящее. Только и успели, что поздороваться и обняться.

Казалось, этот двигатель вечен. Но оставил старания Маэстро, убрал ладони со лба... Светлая память!

Александра Авдеева,
журналист, фотограф

В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ – ЧЕЛОВЕК

Николай Николаевич Свентицкий, Коленька…

Мне посчастливилось знать этого потрясающего человека. Мы знали друг друга 30 лет.

Я работала в Русском культурно-просветительском обществе под руководством профессора Игоря Богомолова, возглавляла молодежный отдел организации. А в 1996 году встал вопрос о создании Центра российской культуры при театре имени Грибоедова. Лучшей кандидатуры на пост руководителя Центра, чем молодой, энергичный Свентицкий, и быть не могло.

Он поразил меня при первой же встрече и не переставал поражать всю жизнь. Ему всегда не хватало времени, он вечно куда-то торопился, что-то придумывал, создавал. А ведь то время было тяжелым. Не было света, театры не отапливались. Зачастую театрам даже не выделяли законного бюджета. Но у Коли всегда было много идей. Фактически при нем Грибоедовский и

стал оживать.

Чем я всегда особенно восхищалась – он придумает что-то и никогда не отступит, обязательно осуществит. Это была его главная черта – несмотря ни на какие препятствия, всегда добиваться своего. А идеи его были суперидеями – зачастую впервые реализуемые не только в Грузии, но и среди всех русскоязычных театров мира.

Его отношение к людям было уникальным. И ко мне в том числе. У меня в жизни бывали тяжелые периоды. Конечно, я не жаловалась и ни о чем не просила. Но он каким-то образом обо всем узнавал, появлялся в нужную минуту – самую трудную минуту! – и помогал. До сих пор не могу понять, как он умудрялся это делать?

Если мне нужен был совет, я обращалась именно к нему. Он находил ответ на все вопросы, предлагал оптимальный выход из любой трудной ситуации.

Он был знаком с бесконечным количеством людей! И для всех находил время, уделял внимание, проявлял заботу. Как неотложка, приходил на помощь.

Для обыкновенного человека – это неподъемная задача. А у него это получалось. На вид – легко. Но на самом деле ему было нелегко. Ему никто не оставлял наследства, не поддерживал. Это простой парень, который жил с мамой, сестрой и бабушкой. Жил очень небогато, очень скромно. Всего добивался сам. И добился. Этого великого стоит. Я горжусь им. Пережив трудности и лишения, он был уверен, что должен помогать другим.

Он оставил очень значительный след и в Грибоедовском театре, и в жизни соотечественников за рубежом, показав пример, как можно поддержать русскую культуру, русский язык в зарубежной стране.

Фестивали, встречи, концерты, конкурсы под его руководством всегда проходили на высочайшем уровне – и «на сцене», и «за кулисами». У него было предусмотрено все, каждая деталь. И это были не сухие мероприятия в жестких рамках программы. Участникам проектов он непременно должен был показать свою любимую Грузию – его экскурсии по знаменитым местам страны, в том числе и тем, которые тесно связаны с русской культурой, были незабываемы.

Его надо было понять. Возможно, кто-то удивлялся его некоторой эксцентричности или безудержной энергии. Но он не мог иначе. Он жил целиком русским театром. И целиком – соотечественниками, русскими в Грузии, которые остаются неотъемлемой частью нашей многонациональной родины и при этом хранят русскую культуру, русский язык в Грузии. И это было очень значимо, особенно в последние годы. Нелегкие годы.

Очень трудно говорить о нем в прошедшем времени. До сих пор не могу поверить, что его нет в живых, что я не могу прийти в театр, зайти в его кабинет и увидеть его – выходящим из-за стола ко мне навстречу. Это очень трудно, поверьте. Мы потеряли очень значимого человека.

Можно без конца говорить о его достижениях, проектах, задумках. Но я вижу в нем в первую очередь – человека. Высокой нравственности, культуры, необъятной трудоспособности. И с поразительной способностью достигать недостижимого.

Многое из задуманного им осталось неосуществленным. Но он любил делиться мыслями, идеями, планами, любил советоваться. Не был скрытным человеком. И я надеюсь, что его друзья, соратники, которые стояли рядом с ним, реализуют те задумки, которые Коля не успел реализовать.

Мне посчастливилось знать этого потрясающего человека. Николай Николаевич Свентицкий, Коленька…

Я пишу эти слова и плачу. Будь спокоен, Коля. Дело твое не пропадет. Не пропадет.

Алла Беженцева,
председатель Союза русских женщин Грузии «Ярославна»

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫЕ…

С Колей Свентицким, моим ближайшим другом, нас связывает 40-летняя дружба – еще со времен студенчества. На протяжении многих лет, когда я жила в Тбилиси, он чуть ли не каждый день приглашал меня на обед в ресторан гостиницы «Иверия». Мы обедали, выпивали вина и, разумеется, танцевали и пели. Помню, приобнимет меня и начинает: «Когда мы были молодые». Говорил: «Вот состаримся, будем петь эту песню». А потом мы выходили из ресторана, пели в голос и смеялись...

Потом, когда он приезжал со спектаклями Грибоедовского в Москву, то, разумеется, давал мне пригласительные. А после показа мы говорили о спектакле. И он так радовался, когда спектакль мне нравился! Меня радовали его приезды – мы гуляли, потом часами беседовали в гостинице. Он просыпался рано утром и тут же мне звонил: «Приходи немедленно». И я шла. А он еще раз сто позвонит, пока дойду.

Как-то в Тбилиси приехал театр Полунина. Они выступали в филармонии. Билетов было не достать. И он повел на представление мою дочку. Он всегда старался порадовать своих друзей.

Очень не хватает нашего Коли.

Светлана Нодия,
педагог

***

Памяти Николая Николаевича Свентицкого,
превосходного друга, добрейшего человека,
всегда готового протянуть
руку помощи, и это в нашу эпоху остервенения.
Дорогая душа, не забудем тебя...

И хоть я теперь пишу
Непростительно мало –
Несколько слов я все же скажу,
Пока буря не все изломала.

Да какая буря, скажете вы.
Вы там жили в стране иллюзий.
А не там, где кажется – в центре Москвы,
Вдалеке от прекрасных Грузий.

От ее зеленых долин и холмов.
От ее театрального мира.
От ее живописных старинных домов,
Где чуть ли не любая квартира

Отдавалась тебе – на, дружок, владей.
И живи, тебе есть где укрыться.
Если ищешь убежища от людей
И не ждет дорогая столица.

Укрывались. Бежали. Там был один
Человек, что владел ключами
Или лампой, что ли, как Аладдин.
Лампой, ее и включали.

Этот старый светильник из тех годов,
Где мы не жалели масла.
И на каждом окошке внутри городов
Та лампада долго не гасла.

Человек на огонь смотрел, не дышал
И держал свой огонь руками.
И тогда старый друг к нему приезжал
Меж двумя веками.

Говорили невидимые слова
И роняли слезы, не плача.
Но и лампа светилась, была жива.
Фитилек, удача.

А сегодня – всю жизнь свою переустрой
Часа за четыре…
Жил да был человек, называл сестрой
Он меня в этом мире.

Вечер черен-грозен-непроходим.
Аладдин над лампою плачет.
Человек человеку необходим.
Вот что все это значит.

Вероника Долина,
поэт, бард

АВТОБУС

Знаете, я не понимаю, как можно
проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его?..
Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его!
Ф. Достоевский. «Идиот»

Попросили вспомнить какой-нибудь яркий случай, связанный с Н.Н. Свентицким.

Так вышло, что с Николаем, с Колей, мы сразу начали дружить втроем: он и две Ленки, как он нас всегда называл, Иванова-Верховская и Исаева, поэтому и воспоминания у нас – общие.

На троих, теперь вот на двоих.

Начали писать и озадачились, призадумались и даже растерялись, а потом поняли: а ведь не было какого-то одного яркого случая, потому что Николай Николаевич Свентицкий сам по себе и был один сплошной яркий случай.

Во всем – во внешности, в походке, в общении. Невозможно вспомнить его сутулящимся, отстраненным, растерянным, нет – всегда полный разворот плеч и победная сенаторская осанка. Походка – как минимум венецианского дожа. Никакой блеклой, неприметной одежды, всегда что-то необычное, искрящееся, изысканное, такое, что невозможно пройти, не взглянув хоть краем глаза, не запомнив.

Кажется, ему шло все!

А как шло ему слово – Театр, понятие – Театр, определение – Театр, его Театр! Последнее время Коля иногда называл себя русским грузином. Русский театр им. Грибоедова, родившийся в Тбилиси, живущий свою жизнь в Грузии, – это и есть Николай Свентицкий. В другой среде его представить невозможно. Но как среда создает человека, так и человек волшебным образом преобразует среду. Любое пространство вокруг Коли всегда становилось немного сценой, немного кружило голову, притягивало, создавая ощущение праздника. Но это и есть, на самом деле, настоящее счастье: когда не нужно превозмогать себя, преодолевать сопротивление среды, когда душа и предназначение совпадают. Счастливый человек по своей природе добр и щедр, а Коля был человеком сокрушительной, опережающей щедрости, за которой мы никогда не успевали. Даже приезжая в Москву, наш родной город, не мы, а он делился местами, где останавливался и бывал, людьми, с которыми знакомился и дружил. Самый безрадостный и темный месяц московской осени, ноябрь, и тот начинался праздником – Колиным днем рождения.

В прекрасном грузинском ресторанчике возле Арбата, с как всегда обильно накрытым столом, запахами южных трав и винограда, неизменно исполняемым «Арго», гостями, друзьями и Колиной улыбкой. И послевкусие этого дня и радости оставалось так надолго, что вот уже подкатывал и следующий праздник – Новый год! А после него и день прибавлялся…

Вот считай – и зиму скрасили, и пережили.

И уже маячит на горизонте новое лето – время Его Величества Международного русско-грузинского фестиваля поэзии. И все мы, с первого дня и потом, навсегда становились его подданными. Самого лучшего фестиваля в мире! Не преувеличиваем нисколько! На самом деле, среди приглашенных всегда были лучшие поэты своего времени, и не только своего – общий уровень поэзии был по-настоящему высок. Оказаться среди них всех было чудом! Не звучало никогда ничего проходного. Ни одной строчки. Свентицкий и здесь имел особый дар – видеть и чувствовать талант. Читая фамилии приглашенных, еще не всех зная лично, он уже всех любил и всеми восхищался.

И это задавало тон отношений, тон общения, защищало создаваемую тут же, на грузинской земле, атмосферу дружбы и творчества. И, конечно, сногсшибательный масштаб происходящего действа: от Тифлиса до Батуми – не один город, вся Грузия на неделю становилась для нас фестивалем. Принимал и организовывал это все созданный Николаем Свентицким Культурно-просветительский Союз «Русский клуб» с очаровательными юными дамами и безупречными молодыми людьми, легкими, дружелюбными и веселыми. Вообще, «Русский клуб» со всеми фестивалями, одноименным ежемесячным журналом, книжной серией «Русские в Грузии», книжной образовательной серией «Детская книга» – это отдельное глобальное явление международной и внутренней жизни страны, людей, наций, культур.

То, что сделал, то, чему дал жизнь Николай Свентицкий, – это выше дипломатии и уж, конечно, выше политики.

Это – мудрость, сила и уважение людей друг к другу, и к той земле, на которой они родились, и к той культуре, которая их воспитала. Это отдельный подвиг, который, надеюсь, еще будет оценен и еще долго будет с нами, соединяя, а не разделяя. То, что так гениально удалось одному человеку, стоит работы нескольких думских комитетов и пары парламентов уж точно.

Но все же эпицентром происходящего для нас был фестиваль поэзии.

Никогда никто не перестанет немного блаженно улыбаться, вспоминая первый приезд в Тбилиси, встречи, полные залы всюду, где только можно было читать стихи и слушать, экскурсии с потрясающими экскурсоводами из «Русского клуба», рассказы, общение и друг с другом, и с разными знакомыми и незнакомыми людьми – общение, не отличавшееся по свободе и артистизму от выступлений. И дальше, после трехдневного головокружительного Тифлиса, через Мцхета и Светицховели, (как же не поклониться!) – самое великое путешествие всей компании к морю. Что-то цирковое, карнавальное было в этой дороге, в этом Автобусе, наполненном поющими поэтами, счастливыми, как дети, без времени и возраста. Кочевали от выступления к выступлению, от места к месту, от застолья к застолью. Пели или дремали, но больше пели, как ни удивительно, в основном старые советские песни, причем со всеми словами, дружно и с удовольствием, независимо от того, кто из какой части мира приехал на фестиваль. И никогда никакой вражды, все было в радость! Нам и сейчас, все больше и больше, кажется, что этот автобус так до сих пор и катится где-то по горной дороге с нами со всеми, и того гляди мелькнут на повороте его габаритные огни. Не мог он просто так исчезнуть, его наполняла такая высокая энергия, для которой не существует

ни времени, ни расстояния, просто не всегда и не всем он виден. И все еще живы, смеются и машут в окно: «Догоняй...», и что мы все еще встретимся в нем, обязательно встретимся. Обнимемся и допоем…

Елена Иванова-Верховская,
поэт, переводчик
Елена Исаева,
поэт, переводчик

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ДЛЯ СВОИХ ДРУЗЕЙ

Коля отличался поразительной чуткостью и душевной широтой. Нашей дружбе больше полувека. Мы были не просто приятелями, а по-настоящему близкими людьми, почти семьей. Он обращался ко мне «Милка» или «подруга», а в разговорах с другими называл меня сестрой. Коля часто отправлял мне подарки, прилетал на мои юбилеи, звал погостить в Тбилиси и Батуми, и мы всегда прекрасно проводили время. Но особенно запомнилось, как он заботился о своих артистах – я никогда не видела, чтобы кто-то еще так относился к своей труппе. Однажды, лет тридцать назад, театр Грибоедова летел со спектаклем на гастроли, и у них была пересадка в Баку. Несколько часов. Аэропорт тогда был старый. Времена были сложные. Никаких кафе в аэропорту не было. Коля позвонил мне и говорит: «Милка, мы будем сидеть в бакинском аэропорту несколько часов, я переживаю за моих актрис, вдруг они проголодаются. Можешь что-нибудь приготовить и привезти в аэропорт?» Я была поражена. Никогда не думала, что администрация театра может так заботиться о своих людях. Думаю, Коля был единственным в своем роде. Я тогда испекла его любимые пирожки, которыми обычно угощала его, когда он прилетал ко мне в гости, и отправилась в аэропорт. Как он был рад! Как он носился с этими пирожками и буквально с рук кормил всю труппу. Коля был самым настоящим ангелом-хранителем для всех своих друзей, родных и сослуживцев. Я не знаю ни одного человека, который бы его не любил. А уж сколько сердец он согрел своей добротой и любовью – не сосчитать. Я верю, что он точно в лучшем из миров! Светлая, добрая память!

Людмила Духовная,
народная артистка Азербайджана

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ

Впервые я встретился с Николаем Николаевичем Свентицким в далеком 1981 году, когда наш театр приехал на гастроли в Тбилиси. Играли мы в театре имени А.С. Грибоедова. Коля тогда работал в Международном молодежном лагере. Он пригласил нас на встречу с молодежью, где я выступал с эстрадными номерами... Так мы и познакомились...

Меня всегда восхищали его человеческие и профессиональные качества как руководителя театра, его грандиозные продюсерские способности. Ведь он жил театром! Во время наших встреч он с гордостью и радостью рассказывал о гастролях, успехах и планах своего любимого театра. Главной целью его жизни была забота о родном коллективе. Для меня Коля – это Любовь, Добро, Надежность и, конечно же, безустанное Гостеприимство. Когда кто-либо оказывался в поле его зрения, на него тут же обрушивались килограммы, центнеры, тонны забот и внимания. В период общения с ним выяснялось, что в данный момент главный человек в его жизни – это вы. Он удивлял, поражал, очаровывал и восхищал! И становилось понятно, что до встречи с ним ваша жизнь была серой и скучной. Удивительная смесь закавказских менталитетов создала «Бакинского Грузина» или «Тбилисского Бакинца». Поэтому регулярные застолья с его участием в роли тамады оставляли неизгладимый след в сердце каждого присутствующего на этом празднике жизни.

С Николаем Николаевичем у меня связано много интересных, веселых историй. Иногда после застолья Коля любил попеть. И вот однажды, во время нашей очередной встречи в Тбилиси, он предложил мне и актрисе нашего театра Миле Духовной поехать в старый город, попеть в караоке. Там он «оторвался» по полной. Пел и грузинские, и другие песни. Но его самой любимой была «Мои года – мое богатство». Я ему подпевал. Короче, мы отлично спелись. И вот, когда пришло время расплачиваться, выяснилось, что за нас уже заплатили. Коля был возмущен: «Как! Зачем! Кто посмел!» Выяснилось, что за соседним столом сидели сотрудники азербайджанской нефтяной компании «SOCAR» в Грузии, которые узнали меня и так решили выразить нам свое уважение. Тем не менее Коля был очень недоволен. Отчитал официанта за то, что позволил за нас заплатить. Потом, успокоившись, подошел к их столу и, показав на меня, сказал: «Я вас прощаю только ради него!» В заключение все за это выпили. Последний тост оплатило заведение…

Вот такой он был замечательный человек, который навсегда остался в моем сердце!

Мабуд Магеррамов,
народный артист Азербайджана

МОЙ КОЛЯ

Есть люди, которые не уходят из этого мира бесследно. Они оставляют незаменимый отпечаток своего тепла, любви, добрых дел…

Да, именно таким и был мой друг Коля… Как он сам говорил, я была его подружкой с 19 века…

Наша дружба началась в 1995 году, на новогоднем мероприятии в Грибоедовском театре. После того мы шли по жизни вместе. Он всегда был рядом, помогал одолевать проблемы. Он обладал поразительным даром поддержки, искренне радовался моим успехам, дарил мне новые идеи продвижения к новым вершинам и даже прокладывал к ним путь… Он всем сердцем любил мою семью, особенно дочек, которые выросли на его глазах.

Он любил Шекветили, любил наш отель «Мираж». Радовался, что он строится и развивается. Всегда стоял рядом со мной. Он потрясающе популяризировал мою небольшую гостиницу. Однажды сказал: «Знаешь, Лия, Шекветили и «Мираж» станут местом встреч молодых актеров, где возьмет начало их творческий путь». Так в Шекветили зародилась Международная летняя театральная школа. Поначалу – с участием 4-5 стран. А в последующие годы на Школу приезжали молодые актеры из 14-15 стран. Это были незабываемые дни, интересные люди. С молодежью работали необыкновенные профессионалы, и Коля наблюдал за каждым занятием, каждой репетицией и сам все контролировал.

Он гордился. Да, гордился.

Но случались и накладки. В такие минуты раздавался его отчаянный крик: «Зура! Лия!» И мы знали – если все не уладим, то горе нам. «Наш Коленька оттаскает нас за волосы» (все помнят его фразу «თმებით გითრევ, გოგო» – оттаскаю тебя за волосы, девочка).

В Шекветили Колю очень полюбила одна беспризорная собака, все время ходила за ним. Поначалу он сердился, а потом привык и даже дал ей имя – назвал нашу Чорну Ламзирой. Где был Коля, там и Ламзира, у его ног. Ламзира умудрилась сделать так, что Коля ее полюбил. Он специально ходил в магазин, покупал ей разные вкусности. Когда наступало время уезжать, он звал меня и объяснял: «Лия, вот мешок еды для Ламзиры – три кило сосисок и два кило творога. Она стареет, ей надо укреплять кости, кормите ее как следует». И до следующего сезона он еще как минимум трижды присылал еду для Ламзиры. Каждый раз после отъезда Коли Ламзира в течение нескольких дней сидела у ворот, печально вглядываясь в следы своего друга…

Вот такое сердце было у нашего Коли. Он потрясающе умел дружить и

любить. Он был человеколюбивым и бескорыстным сеятелем добра, а сам легко обижался даже по пустякам. Впрочем, об этом в другой раз.

Вспомню еще и о том, как он скорбел по своим безвременно ушедшим близким и друзьям – выдающимся деятелям как в Грузии, так и за ее пределами. Члены «Русского клуба» знают лучше меня, что никто бы не опередил Колю в том, чтобы навестить могилы друзей и возложить венки. А потом он звонил и говорил: «Знаешь, Лиичка…» И начинал восхвалять того или другого ушедшего…

Мы помним, что он сделал и в память о Резо Габриадзе, и для реконструкции дома-музея Владимира Маяковского в Багдати, и для восстановления заброшенной могилы Мелитона Кантария… И много-много других добрых дел.

Воспоминания уведут меня очень далеко, да и смогу ли я сказать что-то новое о том, что Николай Николаевич был достойным сыном Грузии, настоящим тбилисцем, который оставил яркий след своего тепла, своей любви, своих благих дел.

Могу сказать во всеуслышание: такие люди не уходят бесследно. Они просто переходят в бессмертие.

Лия Самадашвили,
педагог

ОН СЛУЖИЛ ДЕЛУ МИРА

В сентябре 2024 года мы всей семьей путешествовали по Грузии. За год до этого мы с женой Анастасией взошли на Казбек. В ту поездку мы были поражены красотами Грузии и гостеприимством людей. Тогда у нас и возникло желание более глубоко познакомиться с этой прекрасной страной. Я поделился своей идеей со своим другом и коллегой Зурабом Шалвовичем Маргиани. Он сказал, что нас встретят и познакомят с удивительным человеком, руководителем Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова Николаем Николаевичем Свентицким.

Мы начали наше путешествие с гордого края Сванетия, пересекли Мингрелию и Имеретию. Познакомились с множеством исторических мест. Были уже переполнены национальной кухней и колоритом. Но самое важное и интересное в поездке, оказалось, нас ждало впереди. 27 сентября 2024 года в ресторане «Старый рояль» в городе Мцхета нас встретили друзья Зураба Шалвовича. Известный актер провел экскурсию по экспонатам этого музея, посвященного СССР.

Уже за гостеприимным столом слово взял Николай Николаевич. Мы были поражены его литературным слогом, глубиной понимания человеческого

естества и бесконечной любовью к народам Грузии и России. Он читал стихи, рассказывал к месту интересные истории о знаменитых людях, своих друзьях. Было интересно увидеть взгляд на проблемы отношений наших стран со стороны русского грузина, для которого Грузия являлась Родиной, а Россия – матерью. Было очевидно, что если бы власть держащие прислушивались к таким людям, как Николай Николаевич, то мир и благополучие были бы в наших домах. Николай Николаевич сохранил остров русской культуры во все последние критические моменты в истории наших стран. Он предоставлял свой театр как приют для тех неравнодушных, кто потерял на время связь с Родиной. Считал, что служит делу мира, сохранению вековых традиций дружбы и культурных связей между Грузией и Россией.

В дальнейшем мы встречались с Николаем Николаевичем в Москве. Он для меня был неиссякаемым источником дружбы и любви к жизни. Через него я лучше рассмотрел культуру близкого народа и еще острее почувствовал желание дружить и идти вместе рука об руку, как предначертали наши предки.

Андрей Рябов,
профессор,
заместитель генерального директора по хирургии
«НМИЦ радиологии»

ДВА БУКЕТА

С того самого дня, как я познакомился с Николаем Николаевичем Свентицким, он стал для моей семьи самым близким и самым дорогим человеком. В нем необыкновенно сочетались достоинство, благородство, преданность и особая любовь к людям. Я редко встречал в своей жизни такого друга. Для него дружба никогда не была просто словом – это было правило жизни, которому он преданно служил до конца.

Кто бы ни приезжал в Тбилиси – в гости, на гастроли или с творческим визитом, – Николай Николаевич принимал всех. Особо он привечал артистическую молодежь. Деятелей искусства, приезжавших из Азербайджана, России, Казахстана и множества других стран, он всегда встречал в своем доме с огромной теплотой и искренней любовью. Благодаря ему и я не раз становился участником этих встреч и проводов. Именно Николай Николаевич познакомил меня со многими прославленными людьми, и это стало для меня важным жизненным опытом.

Однако более всего его человечность и преданность выражались в одном особом качестве. Он никогда не забывал своих друзей – ни при жизни, ни

после их смерти. Если кто-то из его друзей умирал, Николай Николаевич непременно приходил на похороны, независимо от того, в какой стране мира он находился. Для него это было последним долгом перед другом.

Особенно мне памятно, с каким благоговением он отмечал дни рождения известных грузинских общественных деятелей. Накануне вечером он звонил и говорил: «Заезжай за мной завтра в семь утра». В семь часов я стоял перед его домом. Мы вместе отправлялись на Дезертирский базар, где он выбирал самый красивый букет. Затем – в Пантеон или на кладбище. На рассвете, в тишине, он возлагал цветы на могилу, присаживался на несколько минут и в полном молчании отдавал дань уважения усопшему другу. Эти минуты остались для меня одним из самых глубоких уроков жизни – как нужно хранить дружбу и благодарность даже после смерти.

Я не раз порывался заплатить за букет, но он всегда категорически отказывался: «Нет, я должен купить цветы на свои деньги». И тогда я покупал второй букет. И так мы стояли с двумя букетами – один его, другой мой, и вместе отдавали дань уважения тем, кого больше нет с нами.

Сегодня с нами нет и Николая Николаевича. Но после его ухода каждый раз, когда я иду на могилы его друзей, я снова покупаю два букета. Один – от имени Николая Николаевича, второй – от своего. С каждым таким посещением я все больше и больше убеждаюсь в том, что он оставил мне эту традицию. Как будто без слов обязал меня продолжить после него тот путь, по которому он следовал всю свою жизнь, – с любовью и верностью.

Сегодня, стоя у этих могил, я часто думаю, что Николай Николаевич все так же рядом со мной. Опять та же утренняя тишина, те же цветы, то же молчаливое уважение, которое уже не нуждается в словах. Именно тогда я сильнее всего ощущаю, каким великим человеком он был и какой великий след оставил в сердцах всех, кому выпало счастье его знать.

Вечная светлая память вам, дорогой Николай Николаевич!

Обещаю: пока я жив, в ваш день рождения ни ваша могила не останется без двух букетов, ни могилы тех людей, памяти которых вы так преданно служили всю жизнь. Один букет будет от вашего имени, другой – от моего. Так продолжится ваша традиция, ведь истинная дружба сильнее и времени, и даже смерти. А ваше имя и ваша доброта навсегда останутся живыми в моем сердце.

Вахтанг Бегиашвили,
бизнесмен

КАК ПАЛАТА СТАЛА СЦЕНОЙ

Я был его лечащим врачом. Николай Николаевич, мой старший товарищ, директор Грибоедовского театра, лежал в обычной палате: четыре койки, хлорка, капельница, компот. Но при нем палата стала сценой.

Соседей он распределил так: Гриша – первый план, Володя – второй, Семен Петрович – галерка. Медсестре сказал: «Вы у нас – сестра милосердия. Выход с левой кулисы. Не спешите».

Она улыбнулась, но укол делала мягче.

Прихожу на обход. Он смотрит на меня, как директор театра на артиста: «Вахуша, у тебя хороший текст. Но после «будем лечить» нужна пауза. Зал должен поверить».

Я рассмеялся. И с тех пор на обходе делал паузу.

Капельницу он называл «партнершей», таблетки – «выходом на поклон», утренний обход – «премьерой». Вечером говорил: «Занавес». Утром: «Антракт окончен, второй акт».

Я лечил его, а он, кажется, лечил палату от уныния. И, честно говоря, как врач я был у него не главным, а приглашенным артистом. Но это была лучшая роль в моей практике.

А еще – он, конечно, курил в палате.

Вахтанг Бегиашвили-мл.,
врач

ЧЕЛОВЕК-ПРАЗДНИК

За годы дружбы у нас с Николаем Николаевичем, моим дорогим старшим другом, сложилась традиция – если 31 декабря он находился в Грузии (а такое случалось, как все знают, очень редко), то Новый год мы непременно встречали вместе, в одной компании. Так должно было быть и в тот раз, о котором я хочу вспомнить.

Коля никуда не уехал, и мы договорились отметить праздник в Гудаури, в кругу наших друзей и добрых знакомых. И вот наступило 31 декабря. Часы бегут, а Коли не видно. Дело к вечеру, уже накрыты праздничные столы, гости начинают собираться. Коли нет. Звоню ему – не отвечает. Я даже не знал, что мне делать – обижаться, сердиться или волноваться…

До Нового года оставался час. Все в сборе. Коли нет.

Атмосфера в тот вечер и правда была изумительной. Смех, тосты, музыка, звон бокалов не смолкали. Елка сверкала. По залу расхаживали колоритный Дед Мороз и красавица Снегурочка (приглашенные кем-то из друзей), под-

ходили к столам, поздравляли всех с наступающим Новым годом. Все веселились. А Коля так и не приехал. Не скрою, я все-таки обиделся и решил на следующий день прямо высказать ему все, что я о нем думаю.

И вот – 12 часов! Возгласы, поздравления, объятия, брызги шампанского! И тут, перекрывая всеобщий гомон, раздался неповторимый зычный баритон: «С Нооооо-вым гоооо-дом! А мне шампанского нальет кто-нибудь?» Дед Мороз сорвал с себя бороду, и я оторопел. Это был Коля! А Снегурочкой оказалась очаровательная актриса Грибоедовского театра. Честное слово, я его не узнал! Мое ошеломленное лицо привело в восторг всех присутствующих. Шуткам и смеху не было конца. Я грозил Коле кулаком, смеялся и обнимал моего дорогого друга.

Наверное, каждый второй из авторов воспоминаний о Николае Свентицком напишет, что он был человек-праздник. А моя история – прямое этому подтверждение.

Мириан Катамадзе,
бизнесмен

ДАРУЮЩИЙ РАДОСТЬ

Николай Николаевич обожал радовать людей. Неожиданные подарки, приятные сюрпризы – это была его стихия!

Я видел такое очень много раз, а иногда и сам принимал участие в процессе, которым руководил Николай Николаевич. Вспомню один такой случай.

«Послушай меня внимательно, – сказал он мне однажды. – Пятого ноября я никак, ну просто никак не смогу быть в Москве. Но именно пятого ноября – юбилей у Нелли Килосанидзе». И тут он разразился монологом, объясняя, что она – великая актриса и педагог, народная артистка Грузии, в свое время – любимица тбилисской публики и так далее, и так далее. «И наконец, – завершил он, – это моя подруга». А потом добавил: «А сколько ей исполняется лет, не имеет значения. Все равно она выглядит, как девочка» (забегая вперед, скажу, что Коля не преувеличил). Смысл всего этого монолога заключался в том, чтобы я был мотивирован и выполнил Колино поручение с особым воодушевлением. Поручение было такое: 5 ноября поехать в цветочный магазин (он сказал, какой именно), купить корзину цветов (описал, какую именно), поехать по такому-то адресу и сказать имениннице такие-то слова (тут последовал еще один монолог, полный слов восхищения и самых восторженных эпитетов). Желание порадовать дорогую подругу настолько переполняло Николая Николаевича, что я просто не мог не заразиться этим

страстным и светлым чувством!

В день рождения Нелли – Елены Александровны Килосанидзе – я выполнил поручение в точности. И то радостное изумление, которое я увидел в глазах актрисы, когда вручал ей корзину и от души поздравлял ее самыми теплыми словами, ее сияющая улыбка стали для меня такой упоительной наградой, что домой я летел как на крыльях. Я знал, что в ту минуту сделал самое лучшее, что только может сделать один человек для другого, – подарил радость. И эта радость в ответ вернулась ко мне. Я был счастлив. И сделал это Коля.

Дающему возвращается – таков один из главных жизненных уроков, который преподал мне Николай Николаевич. Я никогда этого не забуду.

Джими Куправа,
бизнесмен

С НИМ БЫЛО РАДОСТНО

Мы всегда были рады Николаю Николаевичу. Приезжая в Москву, он нередко обращался к нам за помощью в тех или иных мероприятиях, и мы, конечно, с готовностью ему помогали. И были счастливы проводить с ним время, находиться рядом.

А историю я вспомнил такую. Приехал Николай Николаевич, заселился в гостиницу и попросил меня следующим утром отвезти его на очень важную встречу, которая была назначена на 9 часов. «Конечно, с удовольствием!» – ответил я. Но он смотрел на меня с некоторым сомнением. Вечером, перед тем как мы простились до утра, он меня, наверное, раз 15 спросил: «Ты точно приедешь вовремя? Точно? Мы не опоздаем? Ты не подведешь меня?» Что тут скажешь – он как чувствовал.

Кстати, я был уверен на 100 процентов, что у него есть и запасной план – план Б. У него всегда был план Б. Планом А в данном случае был я. И этот план провалился. Потому что я проспал. Если честно – встретился с друзьями, вернулся домой под утро. Решил – не буду спать. И уснул. Проснулся в полдень. Еще и телефон разрядился… Когда я подключил телефон, то увидел 20 входящих звонков и 20 гневных сообщений. Я конкретно лажанулся. Мне стало так стыдно… Кинулся звонить – но он не отвечал на звонки. Ему очень не понравился такой поступок.

А план Б состоял в том, что Николай Николаевич, предчувствуя неладное, попросил о помощи нашего дорогого брата Вахтанга – если, мол, этот черт не явится, то ты меня отвези. «Черт» не явился, Вахтанг приехал вовремя. А

Николай Николаевич, встретив нашего младшего брата Алеко, высказал все, что думает обо мне. Не стесняясь в выражениях. «Что он о себе возомнил! Ни уважения, ни дисциплины!»

Потом мы встретились в ресторане, и я, конечно, искренне попросил у него прощения. Но он посмотрел на меня, как на… Как бы помягче сказать… Как на ничтожество, скажем так. А в итоге мы все-таки обнялись, и все встало на свои места.

Честно вам скажу – каждый его приезд для нас с ребятами был как один большой-большой праздник. С ним было радостно. А еще – мы делились с ним нашими историями, и он нас многому учил. Николай Николаевич был для нас и наставник, и старший друг, и очень-очень-очень хороший человек – прекрасный душой. Просто замечательный!

Руад Низамов,
бизнесмен

ЖЕСТ

Мне иногда казалось, что Коля знает все и обо всем. Мы могли оказаться в совершенно незнакомом городе, просто выйти утром погулять, и обычная прогулка очень быстро превращалась в маленькое путешествие во времени. Он рассказывал истории – смешные, странные, иногда совершенно неожиданные. Показывал здания, улицы, какие-то неприметные места и говорил о них так, будто сам когда-то был свидетелем того, что здесь происходило много лет назад.

С ним никогда не было скучно.

В тот день у нас был свободный день на гастролях. Мы долго гуляли по городу, много разговаривали, смеялись и, конечно, успели нагулять такой аппетит, что решили зайти в небольшой ресторанчик. Выбрали столик, заказали все, что захотели, и уже собирались спокойно пообедать, когда я заметила людей за соседним столом. Их было немного. Как потом выяснилось, это были бабушка, мама, тетя и старшая сестра маленькой девочки, ради которой они собрались и очень скромно отмечали ее день рождения. И в этот же день был юбилей у бабушки. Мы познакомились, поздравили их, немного поговорили. И тут Коля посмотрел на них своим особенным взглядом. О, я знала этот взгляд! Сейчас он что-нибудь придумает.

У Коли была любимая фраза: «Надо сделать жест». И он всегда уточнял, что настоящий жест – когда делаешь что-то от души.

И вот Коля исчез минут на пять. А через некоторое время к соседнему

столику принесли роскошные букеты. Для маленькой девочки и для ее бабушки. Торт в ресторане найти не удалось, и Коля заказал огромное количество пирожных и всяких вкусностей, чтобы у маленькой девочки и ее бабушки был настоящий праздник. Я помню бабушку. Она плакала. Благодарила Колю, пыталась что-то сказать, снова плакала… Потом Коля попросил включить караоке. И мы все вместе пели детские песни. Совершенно незнакомые люди, которые еще недавно просто сидели за соседними столиками. Смеялись, пели, танцевали, поздравляли именинниц. А Коля был, наверное, самым счастливым человеком в этом ресторане. Потому что он сделал то, что любил больше всего: устроил людям праздник.

Теперь, когда я вспоминаю тот день, я несколько иначе понимаю слова Коли – «сделать жест». Это было не про деньги. Не про красивые букеты. Не про пирожные и даже не про праздник. Это про способность замечать другого человека. Про желание сказать ему без слов: «Я тебя вижу. Твой сегодняшний день важен. Твоя радость мне тоже важна». И ведь Коля делал такие вещи совершенно естественно. Без громких слов. Без ожидания благодарности. Ему просто нравилось дарить людям радость.

Та девочка, конечно, уже давно выросла. Но я надеюсь, что она не забыла свой необычный день рождения – большие букеты, гору пирожных, караоке, незнакомых людей, которые стали друзьями на один вечер. И человека, который однажды просто посмотрел на их скромный праздник и решил: «Нет. Надо сделать жест». И сделал. От души. Как умел только он.

Таким я и буду помнить Колю – счастливым от того, что счастлив кто-то другой.

Нино Кикачеишвили,
актриса

НАСТАВНИК

Он создал нас, он воспитал наш пламень.
Поставлен им краеугольный камень.
Александр Пушкин

ШКОЛА ЖИЗНИ

9 месяцев прошло с тех пор, как нет Коли.

Нет Коли. Звучит странно, почти как оксюморон.

Мне было 21, когда Коля стал моим шефом.

Мне было 31, когда я ушла из Грибоедовского.

Хотя это, конечно, правда, что уходят от людей, а не с работы.

10 лет рядом с Николаем Николаевичем Свентицким были прекрасными и чудовищными одновременно. С ним всегда было сложно. Но всегда – интересно и ново. Это был ежедневный челлендж, иногда доходящий до абсурда. И всегда – большой урок, проверка себя, новые навыки и возможности. А скольких людей он мне подарил, сколько впечатлений, воспоминаний и радости. И роста. А расти всегда больно.

Сейчас, когда у меня уже давно собственный бизнес и большие проекты, я каждый раз мысленно говорю ему спасибо. За науку. За умение справляться, придумывать, рисковать, договариваться, находить, отстаивать, работать на результат. И бесконечно любить свое дело.

Я всегда называла его про себя молниеносным. То, как он принимал решения и распутывал, казалось, нерешаемые задачи, меня восхищало. Как умел находить слова, как умел всем и каждому найти дело по способностям, как умел свести в одной точке противоположное, да так, что все были счастливы. Это был удивительный, меткий, цепкий ум, видящий далеко и чувствующий момент здесь и сейчас.

Я бесконечно рада, что застала золотой век Грибоедовского театра и была его частью. Такого больше не будет никогда.

Мы с НН не общались 8 лет, с тех пор как я ушла из театра. Не потому, что поссорились. Хотя с первого дня нашего знакомства нас многое различало – политические взгляды, возраст, люди, цели и способы их достижения. Но это никогда не мешало ни мне, ни ему быть командой и понимать друг друга с полувзгляда. С Колей вообще не нужно было слов. Делом и действием все решалось и мерилось.

Николай Свентицкий – это школа. Школа жизни. Для любого, с кем его сводила жизнь. Мне очень повезло быть рядом.

У каждого из нас – свой Коля. Разный, но любимый. Про него говорили, что к таким людям, как он, невозможно относиться равнодушно. И это действительно так.

Он ушел так же молниеносно, как жил и дышал. Не успев попрощаться и сказать важное. Но самое главное он знал наверняка. Чем больше лет пройдет, тем больше будут благодарность и память.

Потому что ничего не остается, кроме любви.

Нино Цитланадзе,
доктор арт-менеджмента,
директор Платформы креативных индустрий,
педагог

РЕЖИССЕР-ВОЛШЕБНИК

Он режиссировал встречи.

Режиссировал дружбу.

Иногда – судьбы.

Есть люди, которые входят в жизнь тихо. А есть такие, с появлением которых меняется весь мир вокруг. Николай Николаевич был именно таким.

У него был редчайший талант – он умел делиться друзьями: чем ближе становились друг другу дорогие ему люди, тем счастливее был он сам.

Режиссируя будущие истории совершенно с мальчишеским удовольствием, наблюдал за итогом.

Здесь – актеры. Там – художники. Рядом – дипломаты, режиссеры, музыканты и поэты. Кто-то только что прилетел из Москвы, кто-то приехал из Петербурга, кто-то живет в Тбилиси всю жизнь. Еще вчера эти люди не знали друг друга. А сегодня уже смеются вместе.

Он мастерски умел делиться своим огромным миром. Своим Тбилиси. Своими любимыми местами. Своим театром. Своими идеями. Своими невероятными историями. Своим столом. Своими друзьями.

В этом была его особенная человеческая щедрость.

Мир Николая Николаевича – это мир открытых дверей!

У Николая Николаевича было особенное отношение к жизни. Он сам был режиссером этого праздника. Ему не требовались ни особый повод, ни декорации.

И там, где был он, всегда возникало ощущение праздника – праздника жизни, дружбы, человеческих отношений и его безграничной любви к Грузии.

Николай Николаевич был человеком театра, выдающимся организатором, создателем множества культурных проектов. Все это останется в его красочной биографии.

Для одних – Николай Николаевич.

Для других – Свентицкий.

Для самых близких – просто Коля.

Но для меня Николай Николаевич был и навсегда останется прежде всего старшим другом (20 лет дружбы!) и наставником, благодаря которому я многому научилась и многое приобрела.

Неожиданный звонок. Его интонация. Смех. Простое: «Пойдём выпьем кофе?» Или предложение вечером куда-нибудь выбраться. Без долгих планов, без особого повода. И обычный день мгновенно становился событием.

А дальше нередко случалось настоящее волшебство.

С его легкой руки осуществлялись проекты, а многое из того, о чем я с ним делилась,

постепенно становилось реальностью.

Со временем все больше ценю, насколько редким был этот дар.

И, оглядываясь назад, я все яснее понимаю, как часто Николай Николаевич был режиссером и моей судьбы – именно он становился причиной встреч, решений и поворотов, которые потом определяли очень многое.

Он и сейчас с нами – в дружбе, во встречах, в историях, которые когда-то начались благодаря ему… И за всем этим по-прежнему незримо присутствует его легкая, почти незаметная режиссура.

Благодарю Вас за все, Николай Николаевич!

Теа Григолашвили,
продюсер

МАЯК

Когда я думаю о Николае Николаевиче Свентицком, первое, что приходит на память, – его улыбка. Казалось, что он вообще не умел жить иначе: только с улыбкой, с интересом к людям, с каким-то невероятным внутренним светом и постоянной готовностью помочь.

У Николая была удивительная особенность – его мысли почти всегда были заняты другими. Он переживал за близких, думал, кому нужна его помощь, кому – поддержка, кому – добрый совет. Он постоянно думал о Театре имени Грибоедова – о его репертуаре, о будущем театра, об актерах, об их судьбах. И все это было для него не просто работой. Он действительно жил тем, что происходило с людьми вокруг него.

Я часто вспоминаю, как Николай прилетал в Москву. Казалось бы, приезжал по делам – весьма серьезным и важным. А в итоге обязательно отправлялся по магазинам и набирал целый чемодан подарков для друзей. И самое примечательное – он выбирал их не просто по принципу «это может пригодиться». Он представлял, как конкретная вещь будет смотреться на конкретном человеке. Мог купить что-то и сказать: «Вот это тебе обязательно нужно, я прямо вижу, как ты в этом будешь выглядеть». В этом был весь Николай – покупая подарок,

он продолжал думать о другом человеке.

Для меня он был именно таким большим другом. Ему всегда было интересно, как дела у моей семьи, что происходит в моей жизни, какие у меня успехи. Он мог дать совет, иногда очень простой, но такой, который запоминался надолго. Он всегда говорил, что нужно окружать себя достойными людьми и никогда не лениться. И сам своим примером показывал, что забота о других, дружба, работа и внимание к людям – самые важные составляющие человеческой жизни, и они требуют постоянного движения.

Николай был настолько жизнерадостным (именно так – он очень любил жизнь), улыбчивым и щедрым на добро человеком, что рядом с ним даже обычные события становились ярче. Он умел заряжать своим настроением людей и пространство вокруг себя.

Поэтому его уход так трудно принять. Вместе с Николаем мы потеряли не просто большого друга и замечательного человека. Мы потеряли человека-маяка – того, кто своим светом помогал другим не сбиться с пути.

И, наверное, самое правильное, что сегодня можно сказать о Коле: «Его больше нет рядом, но добро, которое он отдавал людям, продолжает жить в каждом из нас».

Лаша Чургулия,
продюсер

ТАКИХ МАЛО

Наша дружба с Николаем Николаевичем началась еще в прошлом веке – когда я, студентка художественного училища имени Николадзе, благодаря моим друзьям Никуше Гомелаури, Гаге Гошадзе и Торнике Глонти, попала в закулисье театра Грибоедова. Это было незабываемое время. Мое детство прошло в стенах Грузинской киностудии и театра Туманишвили, а Грибоедовский, благодаря Коле, стал очень большой частью моей жизни.

Мы дружили и в театре, и вне стен театра. Сложно говорить в прошедшем времени… Все еще не верится… И если честно – я по-прежнему жду, что зазвонит телефон, и я услышу его бодрый голос: «Цуца, куда пропала? Приходи».

Коля был другом с большой буквы. Таких мало. Если в твоей жизни есть хоть один такой человек, который круглосуточно, 24 на 7, неизменно остается другом, это удача. Коля был со мной и в радости, и в горе. Когда я столкнулась с серьезными жизненными трудностями, о которых мало кому было известно, и в разговоре с Колей вскользь упомянула, что дела у меня идут не так, как хотелось бы, то очень скоро раздался звонок – он предложил мне

принять участие в проекте 170-летия театра Грибоедова. И это предложение оказалось вовремя. У Коли был необыкновенный дар – оказываться в ту минуту и в том месте, где он больше всего нужен.

Так я и пришла в театр – сначала на один проект, а потом и сотрудником. И с того момента начался абсолютно новый этап в моей жизни – мой театральный путь. У меня и раньше были попытки работать в театрах, но это было, как любил говорить Коля, «ни о чем». В 2016 году Коля рискнул и заставил меня взять на себя оформление спектакля «Я – Николай Гумилев» в постановке Левона Узуняна. Это стало первой главой моего «театрального романа». Несмотря на разные сложности, спектакль удался, объездил множество фестивалей и везде имел огромный успех. Конечно, в этом заслуга и мастерства режиссера, и актерской игры Иванэ Курасбедиани. Но, я думаю, что и сценография тоже сыграла свою роль.

Потом было много проектов – концерты, вечера… Но все хорошее заканчивается, и в один прекрасный день я приняла решение уйти из Грибоедовского.

Время показало, что Коля все равно остался моим другом.

У меня огромное количество воспоминаний, об этом можно написать целую книгу. Не хочу утомлять читателя, скажу лишь, что ни один спектакль, над которыми мне доводилось работать в разных городах и театрах, не оставался незамеченным Колей – он звонил после каждой премьеры, поздравлял, хвалил. Ни одна моя работа не осталась без его похвалы.

Несколько лет тому назад меня пригласили работать в ансамбль «Сухишвили» в качестве ассистента Нино Сухишвили по костюмам и художественной части. Первым делом я рассказала об этом Коле. Он был в восторге и, по-моему, радовался больше, чем я! Не прошло и полгода, как я стала главным художником Кутаисского театра имени Ладо Месхишвили – после спектакля «Ночь Гельвера» с моей сценографией. И опять-таки я позвонила Коле. Он сказал очень дорогие для меня слова: «Ну все, теперь я спокоен,

ты на правильном пути». Наверное, это самое большое благословение, которое может дать друг и наставник.

Я могу сказать без всякого преувеличения, что старт в моем пути мне дал Николай Николаевич. Вообще, в жизни очень важно, чтобы кто-то сказал тебе правильные слова и сказал их вовремя. Чтобы ты чувствовал и знал, что кто-то в тебя верит. Конечно, жизнь должна дать шанс, но ощущение, что человек верит в тебя, всегда стоит за твоей спиной и у тебя есть тыл – это очень, очень важно. Мне повезло, в моей жизни был такой человек. Коля просто взял и в меня поверил.

Коля помогал не только друзьям, коллегам, знакомым, но даже тем людям, которых толком не знал. А как трепетно он помнил об ушедших, сколько всего делал во имя их памяти! И никогда не придавал этому особого значения. Не повышал свой статус за счет своих благодеяний. Не ждал ни похвалы, ни благодарности. А ведь добро тем ценнее, чем оно тише. Список Колиных добрых дел бесконечен. И каждое из них было сделано молча. Прямо скажем, Коля не относился к числу богачей. Он просто поступал так, как считал правильным.

А как он любил свой город, свою страну! Ему до всего было дело, за все у него болела душа. Может быть, я позволю себе сказать, он даже был больше грузином, чем иные грузины. И об этом тоже можно написать не один том…

Вера Кипиани,
театральный художник

НЕПОВТОРИМЫЙ

Вспоминать Николая Николаевича мне очень больно и очень тяжело. Когда ты проработал бок о бок с человеком 20 лет…

Все знают, каким он был ярким, шумным, каким трудоголиком, как любил свою работу, как был предан театру. И вот – пустота. С его уходом изменилось все. Конечно, постепенно мы постараемся свыкнуться… Но как жаль, что он ушел так неожиданно для всех. Никто не ожидал. И это разбило нам сердце. Его очень не хватает всем нам.

Наверное, он был рожден именно для театра. Он знал все, абсолютно все, что касалось театра. Каждую деталь. Он жил театром.

Семьи как таковой у него не было – он был полностью переключен на сцену. Поэтому он запросто мог звонить по делу и рано утром, и поздно вечером, и в выходной день. Поначалу я удивлялся – как это так, беспокоит сотрудника в законный выходной, звонит, что-то спрашивает, дает какие-то зада-

Рамаз Чхиквадзе, Георгий Иналишвили, Николай Свентицкий

ния. Я человек семейный, и у меня, разумеется, всегда есть планы на выходные, связанные с моей семьей. Но у него-то выходных не было! Он жил театром каждый день. И думал, что остальные точно так же, как он, не имеют никаких других дел, забот и обязанностей и день и ночь думают только о театре. Как это делал он.

Он ушел, болея за свой театр. Увы, так и не увидев тех перемен, которых ждал, на которые надеялся. Думаю, всем понятно, что я имею в виду. Наверное, он и на том свете вошел в театральное сообщество. И видит, что изменилось в Грибоедовском. Но как жаль, что он не застал этого при жизни.

Незаменимых людей нет. Но есть неповторимые. Он – неповторимый. Не могу сказать, что будет с театром дальше, но Николая Свентицкого ему очень не хватает.

А как я вообще оказался в театре? Благодаря Коле. Мы познакомились в общей компании. Это было вскоре после Революции роз. Я тогда ушел из МВД и на тот момент был свободен. А Коля в то время делал проект «Русский романс в Грузии», и ему нужен был администратор. Зашел разговор, слово за слово, и вдруг Коля предложил мне поработать на этом проекте. Он меня совсем не знал. Но, видно, что-то почувствовал… Интуиция у него была отменная. Я подумал – почему бы нет? Попробую. А когда проект завершился, Коля сказал – такие люди, как ты, нужны в театре. Позиции администратора на тот момент в Грибоедовском вообще не было, была только должность главного администратора. И он специально под меня пробил такую вакансию, и я начал работать в Грибоедовском. Не думал, что задержусь надолго. Относился к этой работе как к чему-то временному. С тех пор прошло 20 лет. Сегодня я занимаю должность руководителя ведущей службы театра.

Этот путь я прошел, можно сказать, вместе с Колей. Скрывать нечего – поначалу я знал театр только как зритель. А что происходит во внутренней кухне – понятия не имел. И в том, как я сегодня разбираюсь в деталях этой кухни, огромная заслуга Коли. Он подсказывал, объяснял, вводил в курс дела…

Как-то раз, почти в самом начале, я сказал ему: «Николаевич, я уйду. Не

могу, здесь очень трудно». – «Пойми, это другой мир. Это театр. Не жди, что тебя все полюбят, будут с тобой искренни. Театральные люди – очень непростые. Но постепенно ты все поймешь, со всем разберешься. Потерпи, не уходи. Ты нужен театру».

И я остался. Конечно, у меня были конфликты. Но я вырос, окреп. Понял, что не в состоянии изменить людей – их надо принимать такими, какие они есть. Коля был прав – я во всем разобрался. Я перестал обольщаться, и мне стало легче.

Кстати, тут есть одна интересная параллель. Когда у меня случались конфликты, Коля всегда советовал помириться, старался сгладить ситуацию, успокоить. Вообще, он был дипломатом. Иной раз я слушал его интервью или какие-то выступления и всякий раз удивлялся – какие слова он подбирал, как выстраивал мысль. Не придерешься! И меня призывал быть если не дипломатом, то дипломатичным.

Но когда у него случилась кризисная ситуация, он не был дипломатичен и пошел на эскалацию. Так же и я – в критический момент тоже форсировал конфликт. Получается, я поступил так же, как Коля, – даже не задумываясь об этом.

Вообще, я очень многому у него научился. И в театре, и во время фестивалей, которые устраивал «Русский клуб». Прежде всего – тому, что мелочей не бывает. Он учил вниманию к деталям – от А до Я. Это мне и в жизни очень пригодилось.

Кстати, я многому научился и на застольях, которые он устраивал у себя дома, когда жил в Сололаки. Помню, там бывали Ариадна Шенгелая, Валя Воинова, Люся Артемова… Какое было роскошное общение, какие истории там звучали! Я запомнил одну историю, которую рассказывал Коля. Он мальчиком шел со своей мамой Клавой по проспекту Руставели. Там стоял попрошайка с протянутой рукой. Коля равнодушно прошел мимо. А мама ему сказала: «Как тебе не стыдно? Почему ты даже не взглянул на нищего?» – «А чего мне смотреть? У меня денег нет». – «Ты не прав. Ты должен был показать ему, что тебе неловко, что у тебя нет денег – вывернуть карманы и извиниться, что не можешь помочь».

Скольким он помогал! Не перечислить! Не мог не откликнуться на просьбу о помощи, близко к сердцу принимал все проблемы. В театре, наверное, не найдется ни одного человека, которому он бы не помог. Из своего кармана, своими личными деньгами.

Вспомню свою историю. В 2010 году у меня родился сын. И роды, и пре-

бывание в роддоме обходились в большую сумму. Я пришел в роддом, чтобы забрать жену с ребенком. Выходим. Я направляюсь на ресепшн, чтобы расплатиться. А мне говорят – все оплачено. Как это, спрашиваю, тут какая-то ошибка. Нет, не ошибка, все оплачено. Коля все оплатил. Или такой эпизод. Мы как-то вышли на Руставели – я его провожал до такси. И он заметил в витрине магазина прекрасный детский комплект одежды. «Постой», – он тут же зашел в магазин, купил этот комплект и вручил мне.

При этом он меня никогда не хвалил – как бы я хорошо ни работал на самых трудных проектах. Но зато, как оказалось, расхваливал меня за глаза. Мне не раз об этом рассказывали…

Я никогда его не забуду. Спасибо за все, что он сделал. За все, чему научил. Если я сегодня что-то знаю и умею в театре – это благодаря Коле. У него были громадные планы в отношении Грибоедовского. Дай бог, чтобы у нового поколения все получилось. Я тоже постараюсь – чем могу, помогу. Во многом – во имя Николая Свентицкого, ради его памяти.

Георгий Иналишвили,
руководитель службы по взаимодействию с аудиторией
и управлению качеством театра им. А. Грибоедова

СПАСИБО ЗА ВСЕ

Николай Николаевич – человек, который во многом определил мою судьбу.

Человек, который помогал огромному количеству людей, порой совершенно ему не знакомых.

Однажды мой знакомый попал в больницу с аппендицитом. Ему сделали срочную операцию, после которой выяснилось, что у него нет средств, чтобы ее оплатить, и его не выпускали из больницы.

Узнав об этом, я позвонил Николаю Николаевичу – спросить, не знает ли он какой-нибудь фонд или кого-то, кто мог бы помочь.

Ровно через десять минут необходимая сумма уже была на счету моего знакомого. Человека, с которым Николай Николаевич ни до, ни после этого случая никогда не встречался и даже не имел представления, кто он такой.

Но для него это было неважно. Важно только одно: человек оказался в беде – значит, нужно спасать.

И одному Богу известно, сколько подобных историй было в его жизни.

Для меня Николай Николаевич стал не просто наставником, который определил мой профессиональный путь. Он стал для меня частью моей семьи и примером во многом.

Говорят, незаменимых нет.

Но каждый, кто знал Николая Николаевича, знает и то, что он был именно таким – незаменимым.

Любовь, мудрость, эмоции, которыми он со мной делился, останутся со мной до конца моей жизни.

Спасибо за все, Николай Николаевич. Покойтесь с миром.

Бека Медзмариашвили,

актер

С Михаилом Гавашели и Бекой Медзмариашвили

СКОЛЬКО ВСЕГО ОН ОСТАВИЛ ПОСЛЕ СЕБЯ…

Терять людей всегда больно. Терять близких еще больнее. А потерять человека, который вложил в тебя свое время, силы, старания и душу, особенно тяжело.

До сих пор чувствую огромную пустоту внутри, когда вспоминаю наши беседы, рассуждения и споры. Они становились для меня настоящими уроками жизни. Николай Николаевич мог что-то подсказать, с кем-то познакомить, подтолкнуть к мысли или направить к принятию решения, которое потом многое меняло. Уверен, я не единственный, для кого это было так.

Мне очень не хватает наших разговоров. Иногда не хватает возможности просто задать вопрос и услышать его мнение, даже если заранее знаешь, что дальше будет спор.

Не стало человека, который был связующим звеном для многих. Человека, который умел собирать, сплачивать людей вокруг себя и часто становился зачинателем многих хороших дел и проектов.

Только сейчас, спустя время, начинаешь еще острее осознавать, сколь-

ко всего он оставил после себя. Не только воспоминания, идеи, привычки – остались люди, которых он когда-то объединил, и дела, которые начались благодаря ему.

Спасибо, Николай Николаевич. Очень не хватает вас. Светлая память.

Михаил Гавашели,
актер

ОРИЕНТИР

Вся жизнь Николая Николаевича была посвящена театру – он жил театром, дышал театром и своей любовью к нему вдохновлял окружающих.

Для молодых людей он был настоящим наставником и проводником в профессию – умел разглядеть в человеке талант и помочь ему найти свой путь. Не любил затягивать: если нужно было принять решение, принимал его сразу и всегда брал ответственность на себя.

Хорошо помню день, когда он убедил меня продолжить обучение в ГИТИСе. Без малейших сомнений сказал: «Ты едешь учиться в ГИТИС». И все. Сразу же решил какие-то бюрократические вопросы и, можно сказать, буквально за несколько минут определил новый этап моей жизни.

Перед моим отъездом в Москву на учебу Николай Николаевич дал мне совет, который я не забыл и следую ему до сих пор. Он сказал: «Своим воспитанием, своей порядочностью, своим достоинством и человечностью ты займешь достойное место в обществе и многого добьешься. Главное – никогда не теряй свою грузинскую идентичность и помни, что ты вырос в настоящей тбилисской семье».

Для него честь, семья и Тбилиси всегда были на первом месте. По национальности он был русским, но по духу – настоящим тбилисцем. Он страстно любил свой город, его культуру, традиции и людей.

Я благодарен Богу за то, что в моей жизни был такой человек. Для меня большая честь, что мне довелось общаться с Николаем Николаевичем, учиться у него и слушать его мудрые наставления. Такие люди оставляют после себя не только память, но и жизненные ориентиры, которые сопровождают нас всю жизнь.

Арчил Гургенидзе,
продюсер

ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ

И вот тогда – из слез, из темноты,
из бедного невежества былого
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.
Белла Ахмадулина

Из интервью Николая Свентицкого

Мои друзья… Если я начну перечислять имена, с кем я дружил, с кем общался и у кого учился, у вас сложится двоякое впечатление. Первое – сколько же ему лет, как это возможно? Второе – заливает. Но это правда – судьба мне подарила счастье общения с ними. И несмотря на диплом о высшем образовании, своими настоящими университетами я считаю общение и совместную работу с великими людьми на театре. Не говорю о том, что знал всех администраторов и директоров театров, а со многими дружил. Это само собой. Но как много мне дало общение, например, с народной артисткой Варварой Обуховой, к которой я, бывая в Москве, обязательно заходил в гости, а на огонек, кстати, по-соседски часто заглядывал Иван Козловский. С благодарностью вспоминаю Лялю, Елену Георгиевну Чикваидзе, знаменитую балерину, маму Михаила Лавровского, у которой я жил в Москве месяцами. Я очень любил Кирилла Лаврова, мы дружили много лет. Много общался

с Медико Дзидзигури, Рамазом Чхиквадзе, Гигой Лордкипанидзе, Сергеем Юрским, Римасом Туминасом, Резо Габриадзе, Темуром Чхеидзе… Дорожу дружбой с Робертом Стуруа, Олегом Басилашвили… Всех не перечислить, правда. Я до утра могу рассказывать, только тогда нам надо будет сделать стосерийную передачу, потому что каждое такое знакомство – это отдельная новелла, если не роман. Все они – мои учителя.

КАК ДАЛЬШЕ БЕЗ ТЕБЯ, БУБА?

У Вахтанга Кикабидзе много званий и наград. Народный артист Грузии, заслуженный артист Украины, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии Грузии, кавалер ордена Чести, ордена Вахтанга Горгасали, ордена князя Ярослава Мудрого... Но самое главное его звание – достояние нации.

К Кикабидзе можно относиться как угодно, но то, что он навсегда останется одним из главных символов Грузии – это точно. Понимаете, есть солнце, воздух, горы, вино. И есть наш Буба. Вахтанг Константинович Кикабидзе.

Для меня Буба прежде всего был близким человеком. Другом. Я знал его с детства. Юность вместе прошла. А в чем выражается дружба? В поступках. Помню, в январе 2013 года Буба не мог принять участие в нашем концерте к 75-летию Владимира Высоцкого, отказался – тяжело болел гриппом. И вдруг, к моему изумлению, все-таки пришел! И вышел на сцену Грибоедовского, и спел «Песню о друге». С высокой температурой. Потому что обещал. Спустя пять лет мы отмечали 80-летие Высоцкого большим вечером. И Буба приехал в театр сразу после мучительной процедуры – диализа. И выступил. Разве можно такое забыть?

Он работал почти до последнего дня. У нас в театре, напротив моего кабинета, есть репетиционный зал. Буба приходил постоянно, готовил новые песни, репетировал. Да, он болел, но, несмотря ни на что, любил жизнь, умел радоваться и делиться радостью! Совсем недавно мы с ним обсуждали, как будем праздновать его 85-летие 19 июля…

А ведь сколько ударов судьбы он перенес в последние годы – жену потерял, близких друзей, Россия от него отдалилась. Сколько лжи выливали на его седую голову, как подставляли… Ведь его конфликт с Россией высосан из пальца. Ни чужого, ни дармового хлеба Кикабидзе никогда не ел. Мог спеть бесплатно. Очень любил русских, и не было концерта, где бы он не пел на русском. Помню, пять лет назад в Батуми на своем юбилейном концерте он со сцены так и сказал: «Поскольку в зале много русских людей, я буду говорить по-русски». И говорил. И пел на грузинском и на русском. Он ведь настоящий тбилисец, а тбилисцы никакой народ не ругают и не делят людей ни по национальности, ни по достатку, ни по статусу.

Как дальше без него, не понимаю…

Пройдут годы, много чего исчезнет без следа, а «Не горюй!», «Мимино», «Будь здоров, дорогой!», «Мелодии Верийского квартала», «Мои года – мое богатство», «Вот и все, что было», «Чито-гврито» – останутся. Останутся! Потому что легенды не бывают временными.

Если уж легенда – то навсегда.

Буба Кикабидзе – из этого великого числа.

2023

КАМЕРТОН

Ушел великий Резо Габриадзе, и поневоле кажется, что рушится несущая стена страны, падает опорный столб – настолько огромен его талант, настолько необъятна духовная потребность в его ежедневном живом присутствии в культуре, в жизни, в судьбе человеческой.

Понимаете, Резо Габриадзе был камертоном нравственности, мерилом душевности, образцом благородства. А его творчество – неиссякаемым «серебряным родником» радости и счастья. Как нам теперь жить без него? Не знаю…

Он внес громадный вклад в мировую культуру. На спектакли Театра марионеток всегда было очень трудно, порой невозможно достать билет – в любой стране, в любом городе.

И он же не уставал популяризировать и прославлять свою родину, ведь все его творения созданы с грузинской интонацией, грузинским акцентом, грузинским обаянием. И теперь Грузию любят еще и за то, что она подарила миру Резо Габриадзе.

Я – очень счастливый человек. Не только потому, что был современником батони Резо, но и потому, что судьба даровала мне огромное счастье быть его

другом и собеседником. Я знаю цену этому счастью. Точнее, понимаю, что оно бесценно.

Кто бы из великих ни приезжал в Тбилиси, все, конечно, просились к Резо. И я с радостью и гордостью приводил в кафе у Театра марионеток Галину Волчек и Валентина Гафта, Олега Басилашвили и Сергея Гармаша, Андрея Макаревича и Юрия Шевчука…

И эти незабываемые беседы текли, как Кура, пьянили, как вино, и не знали конца, как наша любовь…

Так сложилось, что в течение долгих лет батони Резо звонил мне почти каждую неделю – поговорить на житейские темы, обсудить свежий номер журнала «Русский клуб», поблагодарить и передать самые теплые слова авторам особо понравившихся статей, выразить восхищение новой книжкой из серии «Русские в Грузии», предложить своих героев для публикации (в их число могли входить метростроевец и художник, садовод и авиатор, коллекционер и солдат…).

Батони Резо был, пожалуй, самым благодарным из наших читателей. Но у него, увы, осталось одно неосуществленное желание – он мечтал и не уставал мне советовать, что «Русские в Грузии» должны издаваться непременно в твердой обложке. Увы, я не успел исполнить это желание и порадовать Резо при жизни. Но, уверяю вас, я не теряю надежды это сделать.

2021

ГУРАНДА

Гуранда – всегда в нашем сердце.

С кем ее сравнить? Да не с кем. Она всегда была похожа только на саму себя. И нам очень, очень не хватает ее фееричности, страстности, непредсказуемости, темперамента. И вообще – неповторимости.

Вспомните – в Тбилиси никто никогда не говорил «Гуранда Габуния». Ее называли только по имени – Гуранда. И было ясно, о ком речь. А это – удел очень больших и очень любимых народом людей.

Было у нее и еще одно звание – супруга Отара Мегвинетухуцеси. Они про-

жили вместе больше полувека. Как справедливо заметил в свое время Олег Табаков: «Гуранда – это редкий пример абсолютной погруженности в любимого человека».

Когда Отара не стало, на Гуранду было страшно смотреть – она вмиг постарела и таяла прямо на глазах. Даже самые близкие не знали, как утешить, как успокоить, чем порадовать…

Выход нашел младший друг Отара, который всегда гордился своей дружбой с великим актером, – Бидзина Иванишвили. Он попросил меня как можно скорее сделать специально для Гуранды Габуния театральный проект. И мы придумали не просто проект, а своего рода театральную сенсацию. Режиссер Андро Енукидзе написал и поставил собственную сценическую версию «Вишневого сада». И на сцену русского театра в роли Раневской вышла актриса истинно грузинского темперамента и экспрессии.

Подобный опыт в истории Грибоедовского уже был. Когда-то на этой сцене блистали Верико Анджапаридзе и Отар Коберидзе. Гуранда продолжила экспериментальную линию соединения двух театральных школ. И она сделала это по-своему. Ведь она, как очень немногие актеры, умела сочетать трагизм и иронию, пафос и простоту. И во всей силе проявила эту способность в роли Раневской.

У нашего «Вишневого сада» сложилась счастливая судьба. Он собирал неизменные аншлаги, триумфально гастролировал по городам Грузии и за рубежом. На Международном театральном фестивале «Мельпомена Таврии» в Херсоне Гуранда Габуния была награждена призом «За преданное служение театру», а после показа в Москве, в Театральном центре «На Страстном», зрители аплодировали ей – честное слово! – 18 минут! Кстати, в те же дни, в московском Доме актера прошел творческий вечер Гуранды. Невозможно забыть, с какой любовью, с какой нежностью ее приветствовали друзья и коллеги! Не знаю, как насчет «дружбы народов», а дружба людей – поверх всяких границ и барьеров – здесь была налицо!

Многое еще можно вспомнить…

Как специальным показом «Вишневого сада» в Грибоедовском мы отметили 60-летие сценической деятельности любимой актрисы. Как праздновали ее 80-летие. Как ярко Гуранда выступила в концерте памяти Эльдара Рязанова. Как в пушкинские дни – 6 июня и 10 февраля – всегда приходила вместе с нами в Пушкинский сквер в центре Тбилиси…

Мы всегда, всегда будем ей благодарны.

За дружбу, за верность, за преданность.

За энергию любви и добра, которой она не уставала подпитывать своих друзей.

За то, что она – выдающаяся грузинская актриса – вписала прекрасную страницу в историю Русского театра имени Грибоедова.

И просто за то, что она – любимая и неповторимая – была в нашей жизни.

2019

ЛУЧШИЙ ЧЕЛОВЕК

Это был лучший человек, которого мне довелось знать, с кем выпало счастье дружить.

Кирилл Юрьевич Лавров был велик во всем. Господь одарил его одного таким количеством талантов, что их с лихвой хватило бы нескольким десяткам для того, чтобы остаться в памяти живущих. Талант быть артистом, каких единицы, быть верным другом, преданным соратником, мудрым наставником, благодарным учеником, благородным оппонентом… И далее, и далее – наверное, до бесконечности.

Никогда в жизни не забуду его внимания к Грибоедовскому театру, ежеминутной готовности помочь, откликнуться на просьбу, ответить на любой вопрос. А ведь это был один из самых занятых людей в стране, который занимался настоящими, живыми делами.

До конца дней своих буду помнить его доброту и тепло по отношению ко мне лично. И это отношение я с гордостью считаю орденом чести, знаком отличия, которым наградила меня судьба.

Последний раз он приезжал в Тбилиси ровно десять лет назад, чтобы поздравить грибоедовцев с 160-летием театра.

Покидая Грузию, Кирилл Юрьевич сказал слова, которые сегодня звучат для нас как великий завет. Мы их не забудем. Вот эти слова: «Эта поездка оставила самые добрые, самые теплые воспоминания. Покидаю Грузию с очень хорошим чувством. Надеюсь на новые встречи. Очень приятно, что юбилей состоялся, несмотря на известные осложнения в государственной

политике между Россией и Грузией. Что ж, политика есть политика, и в ней происходят вещи, о которых мы даже не ведаем. Но мне очень понравилось, что отношения на межличностном уровне абсолютно не изменились. Наоборот, мне кажется, что не только друзья, но и люди, которых я никогда раньше не встречал, проявляли ко мне теплоту и доброту, которые невозможно забыть. За прошедшие столетия мы стали настолько едины в своих устремлениях и отношениях, что разрушить это нельзя. Я это здесь осознал очень ясно. И это главное, что я увожу в своем сердце».

2015

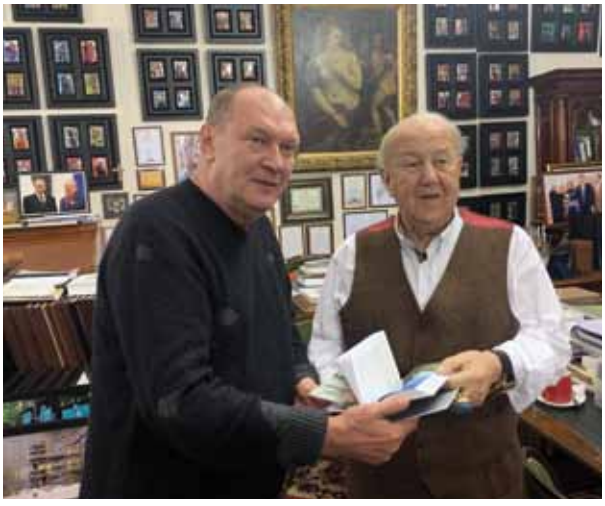
В ПАМЯТЬ О МАСТЕРЕ

Наверное, мы с вами пока еще не осознаем в полной мере масштаб и невосполнимость потери.

Ушел человек, которого не с кем сравнить. Не с кем! Он один такой.

Его вклад в культуру Грузии не просто велик – огромен. И совершенно бескорыстен. Свои творения Церетели передавал родной стране в дар. Безвозмездно!

Достаточно назвать «Хроники Грузии» – самую знаменитую на сегодня достопримечательность страны, которая поражает самое смелое воображение. Исполинский размах! А сколько любви к родине вложено в эту работу, сколько страсти, какое изумительное знание истории!

«Хроники Грузии», как и многие скульптуры, монументы, панно Зураба Церетели, украшающие нашу страну, – это бесценное наследие. Мы

обязаны его сохранить.

Убежден: государству необходимо взять на себя ответственность за великие дары великого мастера и самым срочным образом присвоить им статус недвижимых памятников культурного наследия.

Это наш долг. И самое малое, что мы обязаны сделать в память о Мастере.

2025

ДЕЛО НАШЕЙ ЧЕСТИ

Великий поэт, переводчик, прозаик, лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак оставил огромный след в культуре Грузии – стране, которую он называл своей «второй родиной».

Значение его деятельности невозможно переоценить – поэт создал стихотворения о Грузии, которые вошли в сокровищницу мировой поэзии, блистательно перевел на русский язык произведения почти всех классиков грузинской поэзии, начиная от Николоза Бараташвили и заканчивая поэтами-современниками, и эти переводы по сегодняшний день так и остаются непревзойденными.

В годы сталинского террора, рискуя собственной свободой и жизнью, Б. Пастернак переводил стихи своих друзей – Тициана Табидзе, Паоло Яшвили и других грузинских поэтов, попавших в опалу, а также бесстрашно популяризировал их творчество в России. В одном из его писем мы читаем: «Параллельно с нарастающим моим убежденьем в общем превосходстве Паоло и Тициана я встречаюсь с фактом их насильственного исключения из списков авторов, рекомендованных к распространенью и обеспеченных официальной поддержкой. Я бы тут преуспел, если бы от них отказался. Тем живее будет моя верность им».

Переписка Бориса Пастернака с поэтами Грузии и, прежде всего, с Тицианом Табидзе – это уникальный образец эпистолярного жанра XX века. В письмах Пастернака Тициану, а затем, после его трагической гибели в 1937 году, в его переписке с Ниной и Нитой Табидзе, в полной мере отражается поразительный, не имеющий подобия в мировой культуре феномен искренней и преданной дружбы двух поэтов, дружбы, продлившейся даже после смерти Тициана: Пастернак сохранил верность его памяти на всю жизнь, а семья Табидзе стала его семьей.

Великий русский поэт неразрывно, кровно связал себя с Грузией своим поэтическим словом, своей жизнью, своей любовью к грузинским собратьям. Нет в истории другого примера такого братства, такого единства судеб!

В июле 1932 года Борис Леонидович написал Паоло Яшвили поразительное письмо, в котором объяснял, чем стали для него Тбилиси, Грузия: «Мне теперь ясно – этот город будет для меня тем же, чем были Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке, – одной из глав «Охранной грамоты»… Я говорю «будет», потому что я писатель, и все это надо превратить в дело и всему найти выражение; я говорю «будет», потому что всем этим он уже для меня стал… Уже этот круг воспоминаний владеет мной: уже он пишет меня, как сказал бы Тициан… Что бы я ни задумал теперь, мне Грузию не обойти».

Можно сказать, что и Грузии не обойти Пастернака – его след в нашей истории очень велик.

Но в Грузии до сих пор нет ни памятника, ни улицы, ни тупичка, ни сквера имени Пастернака. В то время как наш великий скульптор Зураб Церетели уже давно выразил готовность передать Грузии созданный им памятник великому поэту.

И сейчас, в год его 135-летия, я снова повторю: не пора ли уже, говоря словами Шекспира, наконец-то ответить «любовью на любовь», отблагодарить Бориса Пастернака за все, что он сделал для Грузии, и увековечить его память?

Я уверен – это дело нашей чести, нашей совести, нашего достоинства. Перефразируя самого поэта, можно сказать: «Тем живее будет наша верность ему».

2025

ВЕЛИК ВО ВСЕМ

Отар Тактакишвили был великим композитором. И не менее великим министром культуры Грузии.

В подтверждение расскажу вам одну историю.

Это было в сентябре 1981 года. Малый театр гастролировал в Грузии. Спектакли давали на сцене Театра Грибоедова. Спектакль «Мамуре», конечно, производил потрясающее впечатление. Играл блестящий, по-настоящему «звездный» состав – Елена Гоголева, Варвара Обухова, Евгений Весник, Виталий Соломин, Елена Цыплакова! Незабываемо!

С Еленой Гоголевой, Отаром Тактакишвили, Варварой Обуховой и актерами Малого театра

После спектакля режиссер-постановщик Борис Львов-Анохин знакомит меня с Еленой Николаевной Гоголевой. И она просит на следующий день прийти к ней в гостиницу. Народные артисты жили тогда в «Иверии», а остальная труппа – в «Сакартвело».

Разумеется, в назначенное время я прихожу. Гоголева дает мне весьма крупную сумму с тем, чтобы я на все эти деньги купил цветы. И объясняет, зачем: «Я прошу вас подняться со мной в Пантеон на Мтацминда – мне надо поклониться моим товарищам. Я буду им кланяться, а вы – возлагать цветы». Как потом объяснил мне Львов-Анохин, у Елены Николаевны была очень редкая и обидная для актрисы болезнь – аллергия на цветы.

Каким-то образом о просьбе Гоголевой узнал Отар Тактакишвили. Мы с ним столкнулись у гостиницы «Иверия», и он (министр культуры, народный артист СССР, легендарный композитор!) почтительно обратился ко мне, юнцу (а мне тогда не было и 25-ти лет): «Я знаю, что вы с Еленой Николаевной собираетесь посетить Пантеон. У меня к вам большая просьба – позвольте, я тоже пойду с вами. Я буду рассказывать ей о тех великих, кто покоится на Мтацминда, а если я ошибусь – вы меня поправите».

Конечно, в Пантеон мы отправились вместе, Отар Васильевич провел ве-

ликолепную экскурсию, а я и рта не раскрыл...

Воистину, он был велик не только в музыке. Во всем.

Кстати, после этих гастролей у меня сложились дружеские, продлившиеся долгие годы, отношения с Борисом Львовым-Анохиным, выдающимся режиссером, театроведом, балетоведом, и Варварой Обуховой, народной артисткой России, сестрой певицы Надежды Обуховой...

Но это, как говорят в таких случаях, уже совсем другие истории.

2024

ПАМЯТИ ЭЛЬДАРА ШЕНГЕЛАЯ

Ушел Эльдар Шенгелая.

Наверное, можно попытаться утешить себя тем, что Эльдару Николаевичу было уже 92, что он познал громадный успех и удостоен всевозможных наград, премий и званий… Но нет, нет – напрасное это дело. Я просто раздавлен горем. Утешиться невозможно. Потеря слишком велика. Ряды великих тбилисцев редеют, и наш многострадальный город, теряя своих лучших сынов, необратимо пустеет.

Эльдар Шенгелая был одним из самых ярких символов Тбилиси, Грузии, нашим нравственным ориентиром, золотым стандартом отношения к профессии, к друзьям, к культуре…

Эльдар Николаевич, дорогой, на кого вы нас покинули?

Мы познакомились сто лет назад и подружились сразу и навсегда.

Он был очень надежным и очень внимательным другом. На любую просьбу откликался молниеносно.

А сколько раз он выходил на сцену Грибоедовского, с радостью и готовностью принимая участие в концерте, посвященном Эльдару Рязанову, вечере памяти Марлена Хуциева и Георгия Данелия, и во множестве других наших проектов.

С Нани Брегвадзе и Эльдаром Шенгелая

Между прочим, в каком-то смысле Эльдар Николаевич был зятем Грибоедовского театра, поскольку в свое время был женат на нашей приме – эпохальной актрисе кино и театра Ариадне

Шенгелая. И этот блистательный союз создал два шедевра – двух прекрасных дочерей, Наталью и Екатерину, которых я считал и по сей день считаю своими сестрами…

Сейчас я нахожусь очень далеко от Тбилиси, чуть ли не за тридевять земель. Я не смогу попрощаться с Эльдаром Шенгелая. Не смогу обнять Нелли – его верного ангела-хранителя…

Но память о великом режиссере и человеке сохранится в моем сердце навсегда. Эльдар Шенгелая – из числа незабываемых.

2025

МИР УЦЕЛЕЛ, ПОТОМУ ЧТО СМЕЯЛСЯ

Народный артист Грузии, профессор Гайоз Вуколович Жордания – один из лучших представителей грузинской режиссуры и театральной педагогики, ученик таких титанов, как Лили Иоселиани и Василий Кушиташвили.

До самых последних дней Гайоз Вуколович – Гизо, как его многие с любовью называли – служил театру, был включен в активный творческий процесс. У него, как иногда говорят, «горели глаза»: Жордания был молод душой, открыт всему новому и интересному, не боялся браться за смелые эксперименты. Позитивный, наделенный восхитительным чувством юмора, иронией и самоиронией, он был до самого конца полон энергии и замыслов.

Гизо Жордания был из породы настоящих тбилисцев, интеллигентов: доброжелательным, благородным (про таких говорят – человек чести!). А еще – компанейским, общительным.

Помню, каким замечательным тамадой он был на моем 50-летнем юбилее!

Он умел искренне радоваться жизни, хоть она порой приносила ему серьезные испытания и разочарования.

Однажды Гизо сказал: «Иногда меня спрашивают, удовлетворен ли я тем, как сложилась моя судьба. Допустим, я скажу, что не удовлетворен, что это изменит? Когда я вспоминаю свою жизнь, то понимаю, что она была очень непростой. Но мне было смешно от многих вещей, и это спасало. Да, многое в жизни страшно... Но и смешно!»

В этом Гайоз Вуколович Жордания был на стороне Марка Твена, утверждавшего: «Мир уцелел, потому что смеялся».

Гизо искренне любили. Это было светлое чувство! Жордания обладал уникальной способностью создавать вокруг себя атмосферу свободы и творчества. И это давало плоды – интересные спектакли, благодарные ученики, преданные друзья.

2024

РАДУЙТЕСЬ КАЖДОМУ ДНЮ!

Георгий Георгиевич, Гоги Кавтарадзе. Народный артист Грузии, лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии имени Котэ Марджанишвили. Актер, режиссер, сценарист, педагог, театральный и политический деятель… Человек талантливый, энергичный, креативный. Он пришел в Грибоедовский театр в 1990-е – тяжелейший для страны и ее культуры период. И сразу заявил о себе оригинальной и современной интерпретацией чеховского «Вишневого сада», неожиданно приблизив его героев ко дню сегодняшнему. Георгий Георгиевич считал его любимым детищем. Ведь он родился в те годы, когда не летали самолеты, не было денег. Но театру тогда удалось организовать военный самолет, мы погрузили в него декорации и отправились на I Международный театральный фестиваль «На родине А.П. Чехова», проходивший в Таганроге. Это было в 1993 году. Наш «Вишневый сад» назвали одним из интереснейших спектаклей, отмеченных высокой постановочной культурой и нетрадиционным прочтением Чехова, и наградили Гран-при. Незабываемые дни!

Потом были разные моменты. Пришлось пережить сложные времена!

Наша жизнь – череда событий, встреч, разлук, радостей и горестей. Мы что-то забываем, что-то помним. День сменяет ночь, наступает утро, и мы вновь спешим успеть сделать то, что не успели сделать вчера. Сегодня, когда весь мир погружен в безумную суету и одержим стремлением к максимальной выгоде, хочется вспоминать таких людей, как Гоги Кавтарадзе. Чистых, позитивных, открытых, природных – настоящих. Вспоминать его героев – того же крестьянина Самсона Гурули из телефильма «Возвращение Будулая» с его глубокой жизненной философией. «Небо это помните, солнце это помните, лозу эту помните, землю эту помните, каждому дню, каждому человеку радуйтесь! Вот тогда ваша жизнь будет счастливой, ребята!» – говорил Самсон.

Жизнь Гоги Кавтарадзе трудно назвать безоблачной, были в ней свои трудности и испытания. Но он всегда дарил нам радость своим творчеством и обаянием. Потому что сам умел радоваться каждому дню, каждому человеку.

2025

ГРУЗИНСКАЯ «ПЕРЕЗАГРУЗКА» РИМАСА ТУМИНАСА

Так счастливо сложилось, что последние десять дней стали для меня не только великой радостью, но и великой школой.

Не скрою, сейчас меня переполняют самые светлые, самые прекрасные чувства, и я не могу ими не поделиться. Иначе просто взорвусь!

Давно и правильно сказано: «Все движется любовью». Воистину.

И жизнь человеческая, и творчество, и хорошие спектакли, и дружеское общение – все движется любовью...

С Римасом Туминасом мы знакомы давно. Я очень его люблю. Это грандиозный режиссер и необыкновенный человек. Мне очень, очень хотелось, чтобы Римас приехал в Грузию – передохнуть, перевести дыхание, никуда не спешить, насладиться отдыхом. Чтобы произошла своего рода «перезагрузка». И я ему позвонил и предложил приехать. Разумеется, на фоне то и дело отменяющихся рейсов и перекрытых небесных пространств, с ходу согласиться на неожиданное предложение было затруднительно. Римас ответил: «Подумаю...» Но судьба к нам благоволила, и в сетке авиаперелетов внезапно «выскочил» прямой рейс по маршруту Вильнюс-Кутаиси. И Римас прилетел. И провел десять дней на берегу Черного моря, в Шекветили. Кто там бывал, тот знает – лучшее место для отдыха придумать трудно. Чудесный лес, бескрайний пляж с целебным магнитным песком... «В этом есть что-то феллиниевское», – сказал Римас, обозревая пустынный берег. И правда, казалось, что сейчас зазвучит румба и появится Сарагина, или мальчишки из монастырского училища пулей пронесутся мимо нас, или вот-вот соберутся жители Римини, чтобы сесть в свои лодки и поплыть любоваться лайнером... Римас внимательно и спокойно смотрел на волны, а я никак не мог понять, кто кем любуется – Римас морем или море Римасом?

Он приехал с супругой Ингой. Скажу прямо: Инга заслуживает отдельного рассказа или даже повести. То, что она – прекрасная актриса, знают все. Но какая же это невероятно обаятельная, умная, магнетически очаровательная женщина! Настоящая соратница, верный друг, преданная помощница. Такая жена, я вам скажу, как выигрыш в лотерею. Римас сорвал этот джекпот...

А потом были поездки в Озургети, Поти, Батуми... И встречи с грузинскими коллегами, и застолья, и самые теплые тосты, какие мне только доводилось слышать в жизни... И без конца звонили вахтанговцы, радовались, что любимый маэстро отдыхает в Грузии... Ах, с какой нежностью Римас говорил о своих артистах, о директоре Кирилле Кроке... «Все движется любовью»...

Но вот, в один прекрасный день, мой телефон требовательно звякнул –

пришло сообщение от Роберта Стуруа. Оно было коротким и исчерпывающим: «А почему это вы пьете без нас?» «Приезжайте», – тут же ответил я.

И сейчас я хочу написать о том, ради чего и затеял весь этот рассказ.

Стуруа приехал. Он ехал пять часов из Тбилиси и затем пять часов обратно, чтобы провести с Римасом один час сорок минут. Он не мог задержаться дольше – в театре ждали важные и совершенно неотложные дела. Но какие это были один час сорок минут – боже мой! Как эти два великих человека общались, как слушали друг друга, как советовались, как шутили! Справедливости ради надо добавить, что привезенные Гией Тевзадзе, директором театра Руставели, пять литров отменного кахетинского вина идеально дополнили обстановку. Посмотрите на фотографии – они, хотя и отчасти, но все-таки передают потрясающую гармонию роскошного общения...

А потом Стуруа позвонил и уточнил, когда Римас вылетает. Добавил, что приедет в аэропорт его проводить. Конечно, я отнесся к этому как к шутке. А как иначе можно было отнестись к подобной фантазии? При дико напряженном рабочем графике, в его возрасте (как ни крути – 85 лет!), при не самом богатырском здоровье потратить семь часов на дорогу туда и обратно, чтобы помахать рукой? Невозможно! Но Стуруа, честное слово, снова приехал! Он потратил-таки эти семь часов – ради того, чтобы обняться с Римасом на прощанье...

Вот это и есть та великая школа, о которой я упомянул в начале: школа общения, дружбы, исключительного человеческого внимания.

Я не забуду этого никогда.

И мне кажется, что сейчас там, в Шекветили, волны все так же бегут к суше, и море все так же пристально вглядывается в берег, стараясь различить и запомнить навсегда два силуэта – крепко обнявшихся Римаса Туминаса и Роберта Стуруа.

Как и было сказано,

«И море, и Гомер – все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью».

2022

ЧТИМ И ПОМНИМ

У нашей книги очень точное название – «Каллиграф психологического театра».

Воистину Темур Чхеидзе, наследник по прямой Георгия Товстоногова и Михаила Туманишвили, не только продолжил великие традиции своих учителей, но и сам стал Учителем – самобытным мастером психологического театра, его проповедником, и достиг в своем искусстве поистине каллиграфической филигранности.

Темур Чхеидзе – один из столпов грузинской театральной режиссуры, Мастер, прославивший Грузию далеко за ее пределами, светлый человек безупречной репутации, интеллигент высшей пробы.

Его уход, такой неожиданный, болью отозвался в наших сердцах. Нечем утешиться. Но есть что вспомнить.

Мы были знакомы и дружны с незапамятных времен. Конечно, я всегда был пламенным почитателем Чхеидзе и старался не пропускать ни одной его премьеры – будь то театр Руставели, театр Марджанишвили или БДТ.

Надо сказать, что и Темур Нодарович был внимателен к Грибоедовскому. Несмотря на колоссальную занятость, он всегда приходил на наши спектакли – и в Тбилиси, и в Петербурге, когда мы приезжали на гастроли, – пообщаться, поддержать.

В последний раз он пришел к нам в марте 2022 года – посмотреть «Ночь Гельвера». Не скрою, тот показ был своего рода экзаменом. И вот как его оценил наш «экзаменатор»: «Тончайшая работа режиссера и блистательный актерский дуэт. Это один из лучших спектаклей театра Грибоедова».

В ноябре 2012 года он специально выделил день для творческой встречи с участниками международного форума «Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге», организованного «Русским клубом». Она состоялась в Доме актера на Невском проспекте.

Я рад, что на этих страницах вы сможете прочесть стенограмму этой замечательной встречи – она публикуется впервые.

А как не вспомнить одну из последних Летних театральных школ в Шекветили, где Темур Нодарович провел блестящий мастер-класс для молодых артистов и студентов из восьми стран?

К огромному сожалению, обстоятельства распорядились таким образом, что Темур Чхеидзе не поставил в Грибоедовском ни одного спектакля. Но планы были! И сам он был готов поработать в театре, к которому издавна испытывал уважение.

Я с волнением перечитываю слова, которыми Темур Нодарович поздравил Театр имени Грибоедова со 175-летием. Думаю, это своего рода наказ Мастера – нам. Вот он: «Мы все – театралы, и потому нас наполняет чувство гордости, когда у театра за спиной столько лет, и он столько лет является необходимым грузинскому зрителю и грузинскому театру: и в позапрошлом веке, и в прошлом, и в нынешнем. Даже беглый взгляд на историю показывает, что Грибоедовский всегда был нужен. Значит, это и есть настоящий юбилей. Меня, если не с детства, то с отрочества – точно, всегда водили в Грибоедовский театр, и я до сих пор помню прекрасные постановки – в том числе и грузинских режиссеров. Я очень хорошо запомнил спектакль Михаила Туманишвили «Вид с моста». Он меня потряс. Помню постановки того периода, когда театром руководил Гига Лордкипанидзе. На моей памяти – уже несколько поколений прекрасных актеров и прекрасных режиссеров Театра Грибоедова. Я не возьмусь их перечислять, потому что всех перечислить невозможно. Целый ряд коллег из моего поколения окончили наш театральный институт, русское отделение, и в театр мы пришли все вместе. Между нами – Грибоедовским и грузинскими театрами – всегда были тесная взаимосвязь, взаимное уважение, взаимный интерес. Что я могу пожелать? В наше нелегкое, порой тяжелое во всех отношениях время, когда общество потрясают политические передряги или – откуда ни возьмись – какой-то вирус, так вот, невзирая ни на что, у нас есть опора. Она не видна, не бросается в глаза, но она есть: это Театр. Желаю и вам, и грузинскому театру оставаться необходимыми. И это не громкие слова. Ваше существование – тому доказательство».

Спасибо за доверие, Мастер.

Наша книга – прощальный благодарный поклон.

Чтим и помним.

2023

ЛЮСЯ

Это было как гром среди ясного неба. Никто не ожидал. Такое даже во сне не могло присниться.

Люся вообще не соответствовала своему биологическому возрасту. В нашем театре никто каждый день пешком не поднимался на фуникулер и не спускался обратно, это точно. Кроме Люси. Она это делала каждый день – в дождь, в снег, в ветер. Такая подтянутая, спортивная, энергичная… Известие о ее уходе было настолько противоестественным, что до сих пор не вмещается в сознание.

Конечно, ее внезапный молниеносный уход очень тяжело перенесла ее родная семья. Но не менее тяжело эту утрату переносим и мы – ее большая грибоедовская семья.

В октябре 2021 года исполнится 50 лет, как молодая выпускница ВГИКа Людмила Артемова переступила порог Грибоедовского театра. Мы, скажу вам честно, еще до конца не осознали, как нам быть завтра. Что мы будем делать? Люся была очень востребованной актрисой. Она играла у всех режиссеров, работавших в нашем театре. Играла много. Театру будет сложно, ведь Люся была занята в 85 процентах сегодняшнего репертуара…

Люся родилась в поселке Суворовский близ Тулы. Золотая медалистка, после школы она с первой попытки поступила в знаменитый ВГИК. Училась у великого русского актера Бориса Бабочкина. Была лучшей студенткой своего периода. Изумительная красавица, в годы учебы она была признана «мисс ВГИК». Получила заметное предложение в кино – должна была играть княжну Мэри. Но один грузинский студент, Шурик Мгебришвили, он тоже учился во ВГИКе, на кинооператорском факультете, предложил ей руку и сердце. И она согласилась. Переехала в Грузию. Она стала нашей любимой невесткой, а Грузия – ее второй родиной.

Люся прекрасно вписалась в грузинское театральное сообщество. Все коллеги ее любили и уважали. Потому что она любила и уважала своих коллег.

Говорят, что ушедшие слышат нас – там… И я хотел бы сказать Люсе слова огромной благодарности за эти незабываемые 50 лет, прожитые вместе.

2021

ДОСТОЯНИЕ НАЦИИ

Зачем ждать особого случая для того, чтобы сказать о Роберте Стуруа самые прекрасные, самые возвышенные слова?

Я таких случаев никогда не ждал и (уверен, так же, как и вы, дорогие друзья) сам не помню, сколько раз признавался Маэстро в своем безграничном восхищении и почитании.

И все-таки юбилей – замечательный повод объясниться в любви.

Для того чтобы перечислить все награды, звания и титулы юбиляра, понадобится несколько страниц. Но одного официального звания в этом длинном-длинном списке, на мой взгляд, все-таки не достает.

Мне уже доводилось говорить, что в Грузии надо бы учредить новый титул (такой, как в Японии) – «Сокровище нации». И вручить его – одному из самых-самых первых – Роберту Стуруа.

Давайте вспомним – кто всегда был гордостью, визитной карточкой Грузии, чрезвычайным и полномочным послом грузинской культуры в мире? Театр имени Руставели. Главным театральным коллективом нашей страны руководили великие режиссеры, на его сцене играли великие артисты. Но именно он, Стуруа, сделал Руставелевский воистину национальным театром.

Общаться с Робертом Стуруа – счастье.

Слушать его – академия.

Смотреть его спектакли – наслаждение.

Это всесторонне красивый человек. Он излучает ясный свет и невероятную энергию.

В нем сочетаются простота и величие.

Его обаяние завораживает.

Энциклопедичность его знаний поражает, будь то театр, живопись или музыка – он все знает, все прочел, все запомнил, все обдумал.

Спектакли Стуруа смотрел весь мир, затаив дыхание. И все понимали – сравнить не с кем. Стуруа не похож ни на кого, и планка его очень, очень высока. У него свой, собственный, художественный код – код Стуруа. Грузинский? Конечно. Понятный всему миру? Разумеется.

Он умудряется всегда оставаться современным, никогда не становясь сиюминутным. А его образы и идеи настолько больше возможных параллелей с сегодняшним днем, насколько вечность больше человеческой жизни.

«Так оставим ненужные споры». Роберт Стуруа уже все доказал, и он прав.

Все-таки есть пророки в своем отечестве.

Снимаем шляпы, господа!

2023

ПОДАРОК БОГА

Уверен, когда Господь раздавал таланты, то она либо становилась в эту очередь несколько раз, либо великий даритель был особенно щедр и осыпал ее несколькими дарами сразу.

Магнетическая красота, сумасшедшее обаяние, яркое актерское дарование, королевское величие, исключительная демократичность, бескорыстная доброта, а еще – талант быть другом. Верным, надежным, внимательным. Лучшим другом.

Это все о ней, Людмиле Духовной, народной артистке Азербайджана, примадонне Азербайджанского государственного академического русского драматического театра имени Самеда Вургуна, лауреате театральной премии «Золотой Дервиш», лауреате премии «Humay», лауреате российской национальной актерской премии имени Андрея Миронова «Фигаро», кавалере ордена «Шохрат» («Слава»).

Гость послан богом, гласит грузинская пословица. А я скажу – друг послан богом. Знаете, если бы мне повезло в жизни только в одном – подружиться с Ми-

лой Духовной, то, уверяю вас, я считал бы, что уже получил свой главный подарок от бога и не зря прожил жизнь.

Мы познакомились давно, в Тбилиси, на гастролях театра имени Самеда Вургуна. Публика принимала бакинцев замечательно – и спектакли были хороши, и актеры. Но я просто не мог не обратить внимания на Милу – фантастически красивую женщину и блистательную актрису. Мы подружились. И я почти сразу же начал получать от Милы уроки дружбы. Разумеется, она и не думала меня учить – просто дружила. Заботиться, радовать, удивлять, помогать – вот что для нее дружба. Я стараюсь дружить так же.

Могу сказать, что Мила заново открыла для меня Баку. Конечно, я всегда любил этот город. Да и как его можно не любить! Но Мила стала для меня символом Баку – неповторимого, прекрасного, любимого.

Я знаю, что она обожает свой родной город. Ее не раз приглашали в самые престижные труппы самых знаменитых театров зарубежья. Но она – бакинка до глубины сердца. Какое счастье, что город отвечает ей взаимностью и воздает по достоинству.

Слава богу, она полюбила Грузию и часто сюда приезжает. Слава богу, она передала эту любовь своей дочери Фатиме. Фантастической дочери фантастических родителей – Людмилы Духовной и Рустама Ибрагимбекова. Фатима, можно сказать, росла на моих глазах, и я счастлив видеть, что из прекрасной девочки вырос прекрасный во всех отношениях человек.

P.S.

У классика сказано:

«Над ней не властны годы. Не прискучит
ее разнообразие вовек».

Лучше Шекспира я сказать не могу.

2024

ЖИЗНЬ БОЛЬШАЯ, ИНТЕРЕСНАЯ

Заур Квижинадзе – поэт, драматург, актер, журналист, наш большой друг и просто хороший человек. Его большая, интересная, разнообразная жизнь была наполнена радостью и печалью, успехами и неудачами, мечтами и надеждами, любовью и дружбой, победами и поражениями. За долгие годы Заур сменил множество городов и стран, живя и работая на западе, востоке, севере и юге: от Западной Украины до Сахалина и от Архангельска и Северодвинска до Тбилиси, Баку, Еревана, Сухуми, Гагры и Ялты. И везде, где бы ни жил и ни работал этот удивительный человек, он старался находить и сеять

доброе и светлое, за что, как правило, получал от людей любовь, доверие, сердечность и ласку.

Ему, выпускнику Московского государственного университета, пришлось поработать и на нефтяных разработках тюменского края, и на киностудии «Мосфильм», и в кутаисском конструкторском бюро, и в тбилисской промыслово-геофизической партии, и на Грузинском телевидении, и в Тбилисском государственном русском драматическом театре им. Грибоедова и снова на «Мосфильме», именуемом уже киноконцерном. Сегодня его место жительства – Москва, а место работы – телекомпания НТВ, где он успешно трудится старшим редактором программной дирекции.

Годы, проведенные в Тбилиси, особенно дороги и памятны Зауру. Именно здесь, в Грузии, он окончательно сформировался как творческая личность с собственным литературно-драматическим почерком. Здесь же он совершенствовал свою поэзию, истоки которой следует искать в его студенческом периоде и в жизни на Севере. Будучи принятым в Грибоедовский театр с подачи прекрасного режиссера Александра Товстоногова и не менее прекрасного директора Отара Папиташвили, Заур окончательно расстался с приобретенной в университете специальностью геофизика, посвятив себя театру, кино и телевидению. А еще Грузия дала Зауру его главную любовь, его ангела-хранителя – жену Валентину, которая посвятила свою жизнь отчаянной борьбе за признание творчества и таланта Заура.

В его активе несколько поэтических сборников, множество песен для спектаклей и фильмов, сборник детских песен (совместно с композитором Нуну Габуния), детские пьесы, успешно выдержавшие сценический экзамен в Москве, Калининграде, Тбилиси, Перми, Днепропетровске, Лондоне, инсценировка думбадзевского романа «Закон вечности», выполненная совместно с замечательным режиссером Гайозом Жордания и признанная самим Нодаром Думбадзе лучшей, а также написанные для Свибловского прихода церковные стихи, поэмы и пьесы, заслужившие особое одобрение христианской общественности и удостоенные диплома Патриарха всея Руси.

Какая насыщенная жизнь! Мне остается только пожелать нашему дорогому Зауру здоровья и неиссякающего творческого вдохновения!

2008

Из рассказов Николая Свентицкого

НЕТ ЛИ КОМПОТИКА?

Во время гастролей Малого театра в Тбилиси я познакомился с народной артисткой Варварой Обуховой. По окончании гастролей, когда мы провожали легендарную труппу, Варвара Александровна пригласила меня навестить ее, если буду в Москве. Я воспринял приглашение всерьез и довольно скоро, когда приехал в столицу, отправился к ней в гости – по адресу: Брюсов переулок, дом 7. Обухова, как мне показалось, несколько удивилась, но пригласила пройти и даже накрыла небольшой стол. Предложила выпить водки. Я не отказался. Она налила стопку. Я спросил: «А нет ли у вас компотика? Чтоб запить». – «Молодой человек, запомните раз и навсегда: водку запивать нельзя». – «Запомню», – сказал я и обреченно выпил. Тут раздался звонок в дверь. Вошел седовласый красивый мужчина. Я вгляделся в него и чуть не потерял сознание – это был Иван Козловский. Я подумал, что опьянел и у меня галлюцинации. Но это оказался именно Козловский – он жил этажом выше. Меня привели в чувство, мы все сели за стол… И так все хорошо сложилось, что я, уходя, получил приглашение заходить еще – искреннее приглашение, не из вежливости. И я заходил. И, кстати, еще не раз распивал чаи с Иваном Семеновичем, великим тенором. А совет Обуховой «никогда не запивать водку» мне не пригодился… Я не пью давным-давно.

САПОЖНИК, ЗАДЕРЖКА РЕЙСА И БЕСЕДА БЕЗ КОНЦА

Сергей Юрский приехал в Тбилиси в самое тяжелое время – в середине 90-х. Согласился принять участие в благотворительном концерте, который я организовал. Сразу по приезде в честь Юрского, разумеется, накрыли стол. После застолья я пошел провожать его в гостиницу – она была недалеко. Вечер. Юрский удрученно смотрит на любимый Тбилиси, с которым у него связано много воспоминаний, начиная с детства. Темный, понурый, неухоженный город (что тут скрывать – таким был тогда Тбилиси). Настроение у Юрского неважное. Идем по Кирова, нынешней Леонидзе. Проходим мимо будки сапожника, где горит огонек. Сапожник, подняв голову от работы на звук шагов, вглядывается в нас. И вдруг вскакивает и кричит на всю улицу: «Юрский, мы вас любим! Спасибо, что приехали! Приезжайте еще!» Юрский улыбается, хмыкает и говорит: «Коля, даже если ты специально подсадил тут этого сапожника, приглашай еще. Приеду!» А сапожник, между прочим, был не подсадной, а самый настоящий. И его эмоции – тоже.

Юрский сдержал слово и спустя несколько лет снова приехал – я сделал его большой творческий вечер в Грибоедовском. По окончании он должен был вылетать в Москву – артиста ждали неотложные дела. Но случилась длительная задержка рейса – с вечера до утра. И все это время Сергей Юрьевич провел у меня дома. Казалось бы, он должен нервничать, сидеть как на иголках – тем более что Юрский был человеком не только очень ответственным, но и очень эмоциональным и требовательным. Но нет! За разговорами мы провели десять часов кряду… Юрский расслабился, даже развеселился, забыл про все свои дела, а на прощание подарил мне книгу с надписью: «Николаю, почти чудотворцу». Горжусь.

ИСТОРИЯ С ХОЛОДИЛЬНИКОМ

Дело было на даче Олега Басилашвили. Предысторию и финал, как вы сами потом поймете, я знаю со слов близких Олега Валериановича.

Итак, предыстория. В тот день наш великий артист нервничал и был очень расстроен. Сломался холодильник, он вызвал мастера, а тот не ехал и не ехал. На телефонные звонки Басилашвили отвечал раздраженно, всем объяснял, что все разморозилось, продукты портятся, а мастера не видать. Все

сочувствовали, желали, чтобы мастер явился поскорее, и – прощались…

И так совпало, что в этот самый момент я позвонил Ирине Шимбаревич, хранителю истории БДТ, многолетней помощнице Георгия Товстоногова, которая и поведала мне об этой ситуации. Ну, тут особо раздумывать было не о чем. Я тут же перезвонил моему другу Бадри Какабадзе, человеку широкой души и острого ума. Мы с ним моментально все обговорили. Бадри, слава богу, такой человек, которому ничего не надо долго объяснять. И дело было сделано.

А теперь развязка – со слов домашних Олега Валериановича. Басилашвили все еще надеялся на приход мастера, когда раздался стук в дверь. «Мастер пришел!» Но нет. На пороге стояли два молодых человека: «Здрасьте, мы к вам». Отодвинули артиста в сторону, прошли на кухню, ухватили холодильник и вынесли. Басилашвили потерял дар речи. Через минуту парни вернулись. Пыхтя, они тащили другой холодильник – новенький, сияющий. Очень известной марки. Несли вертикально, осторожно. Установили, подключили, проверили – «Работает!» Попрощались и ушли. Ошеломленный Басилашвили молча смотрел на холодильник, не до конца понимая, что это тут произошло. Подошел, открыл дверцу – полки были забиты самой разнообразной снедью и напитками на все вкусы. «Это Коля», – произнес Олег Валерианович. Коля и Бадри – уточню я.

ОДНА ВСТРЕЧА

Людмила Гурченко, как вы знаете, славилась своим непростым характером. Не то что в работе – даже в повседневном общении она была придирчива, неуступчива, если не сказать – капризна. Но у нас все произошло по-другому. Случайно познакомившись, мы сходу проговорили несколько часов. Нам не хотелось расставаться. Честное слово, Людмила Марковна просто не отпускала меня от себя. И подарила на память свою книгу «Мое взрослое детство», подписав ее такими теплыми словами, с такой нежностью, которую в Гурченко и предполагать было сложно… В тот вечер она стала для меня Люсей – по ее категоричному требованию. И осталась Люсей навсегда.

«РУССКИЙ КЛУБ»

Брат мой, для пенья пришли, не для распрей…
Тициан Табидзе

Из интервью Николая Свентицкого

Один из самых знаменитых грузинских тостов такой. Когда Бог создал землю и начал делить ее между народами, то грузины опоздали на раздачу. Пришли и спросили: – Бог, а какая же земля наша? – А где вы были, когда я раздавал землю? – Мы пили за твое здоровье. Бога тронуло простодушие грузин, и он сказал: – Я оставил землю для себя и дам вам именно ее. Так появилась Грузия. Вот я и спрашиваю: господа, если Бог дал нам эту землю, а рядом дал земли армянам, азербайджанцам, туркам, россиянам, как же можно воевать? Значит, мы пойдем против Бога? Но мы не можем идти против Бога! И не можем перенести Кавказский хребет в другое место – это ведь невозможно. Тем более Бог дал нам не только землю, но и разум, и мы должны постараться его использовать так, чтобы не ругаться с соседями, а дружить с ними. Потому что самый близкий – это сосед. Родственники могут жить очень далеко. А сосед всегда рядом. И с ним надо сохранять нормальные отношения.

Еще в 1992 году я основал Центр российской культуры в Грузии. А в 2003 году естественным образом на его основе был создан Союз «Русский клуб». Главная цель нашей деятельности – это популяризация ценностей грузинской и русской культур, сохранение и дальнейшее развитие единого культурного пространства. Одно перечисление наших проектов займет не меньше часа – журнал «Русский клуб», Русско-грузинский поэтический фестиваль, Международный фестиваль авторской песни, Летняя театральная школа, спектакли в Грибоедовском, поставленные при нашей поддержке, сборники поэзии и прозы, концерты, конкурсы, конференции, экскурсии... Целью и средством нашей деятельности является именно культура – то, что по-настоящему свя-

зывает, а не разъединяет народы.

Скажу вам откровенно: я думаю не столько о том, что сделано, сколько о том, что предстоит сделать. В общем-то, в этом и состоит позиция «Русского клуба» – что бы ни случилось, какие бы волнения и горести ни терзали наши сердца или, наоборот, какие бы успехи ни кружили голову, главное – не сворачивать с избранного пути, не знать ни минуты отдыха и продолжать работу, не побоюсь серьезных слов, во благо нашей Родины, во имя ее процветания и на радость людям.

Я думаю, никто не обвинит нас в излишнем пафосе, потому что мы по-прежнему свято верим, что центростремительная сила и в самом деле гораздо сильнее центробежной, если этим центром является культура. А именно такой центр мы для себя и выбрали. Духовность, творчество, вера, душевное родство людей являются для нас и смыслом, и стимулом, и целью, и, если угодно, заветной мечтой. Да и мыслимо ли жить иначе, если на твою долю выпала счастливая и горькая судьба – жить в эпоху перемен на благословенной земле, говорить на двух великих языках – русском и грузинском, и всею своею судьбой лично воплощать русско-грузинское единение со всеми коллизиями, этому единству присущими. И главное – безусловно верить, что любовь и преданность своей родине и друг другу претерпят любые испытания,

потому что они – превыше всего. Все пройдет, осыплется шелуха ложных амбиций и сиюминутных желаний, а любовь останется, а преданность выручит...

Отношения заключаются не в том, здороваются ли два президента. Политика политикой, а культура должна стоять над ней. У русских отношение к грузинам – традиционно доброе. И Россия любима грузинами, я живу в Грузии и знаю об этом не понаслышке. Просто молодым надо помочь в том, чтобы они лучше узнали друг друга.

Тбилиси и в самом деле – особый город. Он мультикультурный, его делали люди разных национальностей. И я никогда не соглашусь, что грузин любит Тбилиси больше, чем русский, родившийся и живущий здесь. Мне много раз предлагали уехать – звали, приглашали, делали очень соблазнительные предложения. Я не уехал. Почему? Мне здесь нравится, я здесь родился, мне здесь хорошо. Хотя раньше в Тбилиси все было по-другому. Сколько себя помню, у меня никогда не возникало вопроса, какой национальности мои соседи. Я знал, кто хороший человек, кто не очень, но не знал, кто они по национальности. Чувствовал ли я когда-нибудь дискомфорт от того, что я не грузин? Такое было при президенте Гамсахурдия. Кратковременно, эпизодично, но было. И слава богу, что грузинский народ мудрее, чем его бывшее правительство. Давление со стороны народа мы не ощущали, потому что существует историческая ментальность взаимной любви русских и грузин.

В июле 2014 г. «Русский клуб» и Министерство культуры и охраны памятников Грузии подписали Меморандум о сотрудничестве в рамках разработки

стратегии культурной политики.

Подведем итоги на данный момент? (август 2024 г. – *ред.*) «Русский клуб» существует в Грузии уже 21 год. Мне хотелось бы напомнить, что за эти годы он реализовал столько проектов, сколько хватило бы на десяток организаций. В их числе: Международный поэтический фестиваль (с участием от 21 до 32 стран Европы и постсоветского пространства, а также США и Канады) – прошел семь раз, Международный фестиваль авторской песни (с участием 11 стран) – пять раз, Международная летняя театральная школа (с участием 9 стран) – шесть раз, ежегодная благотворительная новогодняя акция для детей в театре им. Грибоедова – двадцать раз, издания из серии «Детская книга» для юных грузиноязычных читателей – 15 наименований, журнал «Русский клуб» – 226 номеров… И это не считая многочисленных конференций и форумов, концертов и вечеров, презентаций и экскурсий, книг поэзии, прозы, переводов, музыкальных и поэтических дисков… И все это так или иначе всегда связано с грузинской культурой. Вот это и есть «Русский клуб» – мы работаем в Грузии и для Грузии.

ОСНОВНЫЕ ПРОЕКТЫ

ЖУРНАЛ «РУССКИЙ КЛУБ»

Годы издания: с 2005 по наст. время

Общественно-художественный журнал «Русский клуб». На сегодняшний день вышел 251-й номер журнала «РК».

Живая аудитория журнала, передающегося из рук в руки, составляет уже несколько тысяч человек. А благодаря нашему сайту читателями «Русского клуба» стали десятки тысяч соотечественников и в других странах. Для нас большая честь, что такие представители грузинской культуры, как Чабуа Амирэджиби, Джансуг Чарквиани, Гига Лордкипанидзе, называли наш журнал «самым патриотическим изданием страны».

Николай Свентицкий, основатель проекта:

Когда мы придумали и выпустили первый номер, даже и не предполагали, что начали долгий и серьезный проект, который станет самым важным в деятельности Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Нам хотелось только одного – чтобы в Грузии продолжала звучать русская речь, повествующая не о политических катаклизмах, а о культуре, не

о том, что ссорит народы, а о том, что их объединяет, продолжает дружбу, рождает любовь, несет добро… За первым номером последовал второй, а затем и следующие...

И сегодня номера журнала «Русский клуб» – это своего рода история культуры Грузии, благородная летопись русско-грузинских отношений. «Невзорванными мостами» назвал такие отношения между людьми разных стран Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, который не раз осенял нас своим благословением.

Так получилось, что мы, делая свое дело, оказались носителями высокой миссии – и творческой, и, что самое важное в наши дни, – миротворческой. Мы хорошо понимаем, что для нас это большая честь и огромная ответственность, ведь журнал «Русский клуб» сегодня – это не только интересное и познавательное чтение, но и бренд страны, ее культурная визитная карточка на русском языке.

СЕРИЯ «РУССКИЕ В ГРУЗИИ»

Годы издания: с 2014 по наст. время

«Сегодня культура взяла на себя важнейшую миссию – миротворческую. И если политики подчас не могут договориться, то деятели культуры всегда найдут общий язык. Именно культура становится тем рычагом народной дипломатии, который может оказаться гораздо действеннее дипломатии официальной. Закономерным представляется то, что главная цель, которую сегодня ставят перед собой все русскоязычные общественные организации Грузии, и, в первую очередь, самая крупная из них Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» – сохранять и популяризировать русское культурное наследие.

Идея издавать книжную серию «Русские в Грузии», казалось бы, витала в воздухе. Но осознала ее и реализовала именно эта организация во главе со своим бессменным руководителем Н.Н. Свентицким. Выступая на Международной конференции «Соотечественники и их вклад в мировую культуру» (29-30 октября 2013 г., Москва) он отметил: «Мы подготовили к изданию проект – «Русские в Грузии». Это серия популярных художественно-документальных книг, посвященных жизни и деятельности выдающихся представителей русской культуры, живших и работавших в Грузии, великих деятелей русского театрального искусства, работавших и выступавших в Тбилисском государственном русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова (первом профессиональном театре на Кавказе и старейшего русском театре за

пределами России). Уверен, одной книгой здесь обойтись невозможно: тема «Русские в Грузии» по своему богатству и разнообразию заслуживает особого внимания».

Выступление Н.Н. Свентицкого возымело должный эффект: в 2014 г. при поддержке Департамента внешнеэкономических и международных связей г. Москвы увидели свет первые четыре книги серии. На данный момент «Русский клуб» выпустил их несколько десятков. Серия не имеет ни аналогов, ни прецедентов, она – первая и единственная на сегодняшний день. Это первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, науки, литературы, достойных благодарной памяти потомков, своего рода историческая энциклопедия русско-грузинских культурных связей» (из статьи «Издательский проект «Русские в Грузии»: культурные контакты в лицах», журнал «Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии» №2, 2018).

ФЕСТИВАЛЬ «ВИВАТ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ!»

Год проведения: 2002-2003

Фестиваль был организован Центром российской культуры в Грузии к 300-летию Санкт-Петербурга. Тбилиси одним из первых начал отмечать юбилей Северной столицы.

Фестиваль остался в памяти как время встреч с великим миром искусства, как единение двух культур, двух братских народов России и Грузии. Это был своеобразный мост, который соединил сердца и надежды многих людей.

В рамках проекта состоялись: встреча с народным артистом СССР Кириллом Лавровым, фотовыставка Анатолия Медведникова «Виват, Санкт-Петербург!», выступление «Санкт-Петербургского мужского балета» под руководством Валерия Михайловского, показ спектакля БДТ им. Г. Товстоногова «ART» по пьесе Я. Реза и музыкально-поэтического спектакля «Гори, гори, моя звезда!..» с участием народной артистки СССР Алисы Фрейндлих и санкт-петербургского «Кавалер-дуэта», вечер романсов композиторов Санкт-Петербурга с участием заслуженного артиста России Петра Мигунова, концерты рок-исполнителей Бориса Гребенщикова с группой «Аквариум» и Юрия Шевчука с группой «ДДТ» и др.

Кроме того, в дни фестиваля «Виват, Санкт-Петербург!» в Тбилисском государственном русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова установлена мемориальная доска великому режиссеру Г.А. Товстоногову, поставившему в этом театре свой первый спектакль.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РУССКО-ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Годы проведения: 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2013, 2014

Поэтический фестиваль в Грузии – это многолетняя площадка для поэтов, писателей, переводчиков, литературных критиков. Участниками проекта были более 500 литераторов из почти 50 стран мира. И каждый фестиваль ежегодно осеняли своими благословениями патриархи Грузинской и Русской православных церквей. Подобные уникальные встречи, конечно, хотелось как-то запечатлеть, оставить в истории, поэтому по итогам каждого фестиваля выходил в свет поэтический сборник произведений его участников. На сегодняшний день таких сборников семь – по количеству проведенных фестивалей.

В разные годы фестиваль получал тематические названия: «В поисках Золотого руна», «Мир поэзии – мир без войны», «Сны о Грузии», «Во весь голос», «Цисарткела. Юность поэзии».

Одна из главных целей фестиваля – поддержать и восстановить вековые традиции, связывающие грузинскую и русскую культуры, литературные отношения, культуру перевода. А также ближе познакомиться с творчеством русских поэтов и переводчиков из разных стран, установить личные контакты между ними, разработать дальнейшие совместные литературные проекты и новые формы сотрудничества.

Фестивальная программа объединяла публичные чтения и творческие встречи, литературные презентации и конкурсы, издательские проекты и поездки по Грузии.

Николай Свентицкий, организатор фестиваля:

Когда мы проводили Первый русско-грузинский поэтический фестиваль, то думали о том, как возобновить традиции живого литературного общения между грузинскими и русскими поэтами, восстановить процесс взаимных переводов, ввести грузинскую поэзию в мировое русскоязычное культурное пространство, познакомить русскую аудиторию с лучшими образцами современной грузинской поэзии и наоборот.

Мы исходили из проверенного годами принципа: «Зато не ссорились поэты». И вот, начиная с 2007 года, каждое лето в Грузию со всего света съезжаются поэты, пишущие на русском языке. Фестиваль проходил и в 2008-м – «за четырнадцать дней до войны», и в послевоенные годы... И в воздухе пахло не порохом, а морем и вином. А если и сверкали искры, то, пожалуй, только „божьи“»...

«Русских поэтов отличала неубывающая с годами теплота и любовь к Грузии, к грузинским собратьям по перу. Такое ощущение, что поэтический диалог не прерывается. Ни один участник фестиваля не остался равнодушным к трагическим событиям, произошедшим у нас в августе 2008-го. Нам звонили, писали письма, постоянно были в контакте со своими друзьями и коллегами. Многие поэты откликнулись на общую беду стихами и статьями. Не остались безразличными. Писали и продолжают писать о Грузии, что для нас очень дорого и важно. Никто и ничто не в силах изменить дружеские отношения, завещанные нам великими предшественниками их великой литературы. Сохранению и развитию этих дружеских отношений и служит наш фестиваль.

2008

Давид Маркиш, писатель (Израиль):

Я не верю в дружбу между народами, я верю в дружбу между людьми... Я полагаю, что такие литературные встречи в праздничной поэтической обстановке способствуют возникновению и росту творческих и личностных контактов одаренных людей. А это самое важное в литературном мире...

Маквала Гонашвили, поэт, председатель Союза писателей Грузии:

У этого фестиваля – особая миссия. Он проходит в самый сложный за всю историю период грузино-российских взаимоотношений. Надо быть действительно большим энтузиастом и поборником возвращения этих отношений в нормальное русло, таким, как президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий, чтобы решиться на проведение подобных форумов. Те, кто сомневается в том, что после всего, что случилось за последние годы, россияне и грузины смогут вернуться к прежним, доброй памяти, временам, должны бы были проникнуться духом этого фестиваля, видеть, как со слезами на глазах местные и зарубежные его участники возлагали цветы к мемориалу погибших в августе 2008 года. И нам не надо полагаться на политические решения – нам надо встречаться, и эти встречи возможны благодаря организаторскому таланту Николая Николаевича и его команды. Знаменательно и то, что фестиваль проходил под благородным и для всех нас близким девизом: «Мир поэзии – мир без войны». Мы, миролюбивые грузины и россияне, лучше других знаем, что нет для народов несчастья хуже, чем война. И я верю в народную поэтическую мудрость:

Известно всем – в подлунном мире
За ночью день наступит вновь,

Участники фестиваля поэзии в Верхней Аджарии

Николай Свентицкий и граф Петр Шереметев

Сергей Чупринин и Давид Маркиш

Олег Чухонцев и Джансуг Чарквиани

Бахыт Кенжеев и Юрий Кобрин

Михаил Гусман в Доме-музее В. Маяковского в Багдати

Участники фестиваля у памятника В. Маяковского в Тбилиси

И то, что злобою разрушено,
Построит заново любовь.

Сергей Гандлевский, поэт (Россия):

Фестиваль мне понравился. Быт гастролеров был безупречно организован – спасибо всем устроителям! Развлекательно-познавательная программа интересная и обширная: музеи, театр, экскурсии в горы и по морю, местные песнопения и танцы, прогулки по Батуми и Тбилиси. Кажется, лучше ничего и придумать нельзя было, чтобы за десять дней дать приезжим кое-какое парадное представление о Грузии. Правда, получилось не поровну, слишком гостеприимно: нас ублажали куда больше, чем мы (я имею в виду поэтические выступления)...

Алексей Цветков, поэт (США):

Фестиваль удался на славу, огромное спасибо устроителям. Грузия – прекрасная страна, и традиции гостеприимства, судя по всему, не сошли на нет за годы тяжелых испытаний. Трудно выделить что-то самое важное из этого фейерверка впечатлений, но, если все же постараться, то это – знакомство с грузинскими поэтами, которые произвели на нас прекрасное впечатление (надеюсь, что и мы на них). Очень хочется повидаться вновь, нет туристического похмелья, когда работа и рутина быстро смывают все впечатления. Очень надеюсь, что взаимные глупости политиков поправимы и дружба русской и грузинской культур возобновится в полной мере.

Бахыт Кенжеев, поэт (США):

Мне кажется, что вековая дружба между русским и грузинским народами, родство их культур – вещь непреходящая, как бы драматически ни складывались отношения между двумя странами... При этом во время фестиваля мне посчастливилось познакомиться с замечательными грузинскими поэтами, с которыми у нас никаких разногласий не наблюдалось. Как будто росли вместе.

Наталия Соколовская, поэт, писатель, переводчик (Россия):

И все-таки – «мы были в Грузии». На поэтическом фестивале «В поисках Золотого руна». Мы – литераторы из Москвы, Петербурга, Тбилиси, русскоязычные поэты с Украины, из Белоруссии, Прибалтики, Грузии, Америки, Франции, Голландии, Швеции, Израиля… А еще болгары и итальянка (говорят на

русском). И вот весь этот Ноев ковчег прибился (спасибо Международному культурно-просветительскому Союзу «Русский клуб») к берегу Колхиды.

Вышло так, что и в нынешнее время Грузия не утратила функцию поэтического пристанища. А в памятные всем еще времена она была и поэтическим (читай: политическим) прибежищем. Да и в незапамятные тоже («Быть может, за стеной Кавказа/ укроюсь от твоих пашей…»). Проводить такое мероприятие в нынешних политических реалиях – определенная фронда по отношению к официальному курсу и Москвы, и Тбилиси. Властям мирским (обеим, они вообще подозрительно похожи) удобнее было нас не заметить. Но церковь (в лице патриарха Кирилла и Католикоса-Патриарха Илии II) отозвалась приветствием и благословением. Для нас же – и грузино-, и русскоязычных участников – моментом истины, подтвердившим, что политики не сумели пока изничтожить наше общее духовное пространство, стал вечер 22 июня, когда мы в течение нескольких часов, ставя еще и еще раз, слушали диск с записью песен Великой Отечественной в исполнении грузинских артистов и подпевали, рискуя сорвать голоса.

Мариам Джалагония, участница фестиваля «Цисарткела. Юность поэзии»:

Дорогой Николай Николаевич!

От лица всех участников международного поэтического фестиваля «Ци-

Юные участники фестиваля у памятника М. Лермонтову

сарткела. Юность поэзии» хочу поблагодарить Вас и весь культурно-просветительный союз «Русский клуб» не только за организацию великолепного мероприятия и чудесно проведенного времени, а за невероятный заряд жизни и эмоций, подаренных Вами! Мы познакомились с интересными личностями, расширили кругозор и приобрели друзей. Каждый согласится, что обрел свою стихию, ощутил ценность поэзии (точнее, ее бесценность) и свою собственную значимость в творчестве. Мы усовершенствовались! Познавательные экскурсии, лекции и мастер-классы оставили уйму впечатлений! До сих пор не верится, что мы распрощались… Зато у нас появился настоящий стимул творить, появились мечты и стремление увидеться вновь!

Николай Николаевич, спасибо за Вашу заботу! За 10 дней Вы подарили нам частичку новой жизни, где нет языкового барьера, недопониманий, нет негатива. «Юность поэзии» действительно оказалась радугой, которая еще долго будет нам сниться…

Не теряем веры и надежды, что это вовсе не конец и нам еще предстоит встретиться!

Дмитрий Быков, писатель
(Журнал «Огонек», № 31, 2008)
ПОХВАЛА БЕЗУМИЮ

Чтобы в разгар очередной свары между Россией и Грузией везти русскоязычных поэтов из 30 стран на день рождения Маяковского по маршруту

Тбилиси – Багдади – Кутаиси – Батуми, надо быть безумным.

Руководитель культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий, безусловно, принадлежит к этому благородному разряду прямоходящих. Правда, задумывая этот десант, он не знал, что российские МиГи вторгнутся в воздушное пространство Южной Осетии, а вслед за этим Грузия отзовет своего посла из Москвы «для консультаций». Но день рождения Маяковского было уже поздно переносить. И он отмечен в Багдади двухчасовым вечером его поэзии с участием Бахыта Кенжеева (Канада), Максима Амелина (Россия), Дмитрия Строцева (Белоруссия), Альбы Торрес (Никарагуа), Владимира Саришвили, Инны Кулишовой (Грузия), Андрея Грицмана (США) и пр., и пр. Причем первый заместитель гендиректора ТАСС Михаил Гусман без единой запинки, по-маяковски скинув пиджак, с большим чувством исполнил «Стихи о советском паспорте», за которые он здесь же, в Багдади, тогда Маяковский, в 1964 году получил приз на конкурсе чтецов. Он был тогда бакинский семиклассник, уже подающий надежды.

После всего этого становится понятно, что не в своем уме – явно не Свентицкий. Сумасшедший – кто-то другой. А взаимное тяготение России и Грузии никуда не девается, сколь бы наивно ни звучали все эти разговоры на фоне территориальных дискуссий на осетинские и абхазские темы.

В Доме-музее В. Маяковского в Багдати

«Русский клуб» Свентицкого выпускает двуязычные книги и диски, альбомы, открытки и одноименный журнал, куда пишет, кажется, вся русскоязычная Грузия. Он же устраивает гастроли наших – там и тамошних – у нас. Не сказать, чтобы его деятельность происходила в тотально безоблачной обстановке. Несколько раз приезжавшим из России артистам звонили храбрые анонимы: «Убирайтесь, убьем!» Это никого не останавливает. Ни в позапрошлом, ни в прошлом, ни в этом году я не слышал в адрес России ни одного худого слова. Мне вообще очень нравится идти ночью по проспекту Руставели и слышать от молодой компании, присевшей здесь же под чинарой: «Биков! Пишите ещчо!» – с раскатистым грузинским «щ».

В общем, почему они к нам сравнительно толерантны – можно понять. Их представитель не победил на «Евровидении», они не вырвали у канадцев Кубок мира по хоккею, не вышли в полуфинал чемпионата Европы по футболу, и нефти у них тоже нет, хотя есть некоторое количество марганца. И им не надо поэтому срочно подгонять свое поведение под ново-обретенное величие.

У них вообще много проблем – сепаратизм, в частности. Экономика бедная, и непонятно, на чем бы ей разбогатеть.

Коррупция несколько уменьшилась, но остается любимым национальным спортом.

«Вы поймите, у нас сейчас множество проблем, кроме войны, – говорит мне временно отозванный (для консультаций, напоминаю!) посол Грузии в Москве Эроси Кицмаришвили. – У нас идет выработка новой идентификации. От советской мы ушли, она устарела, вечно ее эксплуатировать нельзя. А к

Манана Менабде и Юлий Ким

другой еще не пристали.

Нам этим надо заниматься, а не захватом территорий, которым почему-то всех пугает часть ваших комментаторов. Не будем мы никого захватывать военной силой, это значит потерять спорные территории наверняка…»

Я понимаю, что Грузия оказалась сегодня в заложницах у двух борющихся за нее больших сил – России и Запада, которые расходятся все дальше. И во время каждой новой поездки в Тбилиси мне все ясней, что куда бы ни повернула грузинская политика – главной доминантой двух культур, нашей и грузинской, остается их взаимное тяготение. Русских поэтов нигде не будут любить так, как в Грузии. Грузинскую литературу, кино и театр нигде не будут боготворить так, как в Москве. И именно эта связь в конце концов окажется решающей – перевесив и политические интересы, и геополитические расчеты, и малоприятные антирусские выпады грузинских властей, и неприличные антигрузинские действия русских.

В Грузии, как нигде, понимают: нация – это культура. В грузинском Пантеоне на Мтацминде всего две могилы знаменитых грузин, не имеющих отношения к ней: это мать Сталина и Звиад Гамсахурдиа. Все остальные – режиссер Марджанишвили, просветитель Чавчавадзе, поэты Бараташвили, Пшавела, несравненный гений грузинского авангардизма Тициан Табидзе – прославили Грузию именно в сфере духа.

Здесь эту сферу особенно ценят до сих пор, поэт здесь – самое почетное звание, он может даже нигде не работать и все равно как-то прокормится. То ли земля такая щедрая, то ли соседи.

Именно поэтому у них столько памятников Маяковскому – один в Тбилиси, два в Багдади, один в Кутаиси. Именно поэтому их национальные герои – не представители власти, а Кикабидзе и Брегвадзе. Брегвадзе я, кстати, видел живую, настоящую. Спрашиваю: «Будет война?» Отмахивается: «А, ерунда. Никогда не будет» – «Почему?» – «Потому что мы с Бубой не дадим. Что вы вообще глупости говорите. Я вот все думала, – продолжает она меланхолично, – зачем петь после семидесяти лет? А как-то еще хочется. Скоро буду в Москве концерт делать, какая война, слушайте?»

Я думаю, вот за это мы и уцепимся на краю пропасти. Можно называть это культурой, человечностью, можно даже безумием, но именно отказ от этой почти невидимой материи приводит к самому страшному. А пока она цела – все, как говорит Кабаков, поправимо.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ В ТБИЛИСИ

Годы проведения: 2014, 2015, 2017, 2018, 2019

Один из наиболее ярких музыкально-культурных проектов, объединивший авторов, исполнителей, музыкантов и поклонников жанра из разных стран.

Фестиваль возник как пространство для живого творческого общения и знакомства тбилисской публики с современным искусством авторской песни. Его история началась в 2014 году, когда в Тбилиси состоялся первый фестиваль, посвященный 90-летию со дня рождения Булата Окуджава. Почетным гостем фестиваля стала Вероника Долина.

За годы существования фестиваль значительно расширил свою географию. В Тбилиси приезжали представители Азербайджана, Армении, Беларуси, Германии, Израиля, Казахстана, Латвии, Литвы, Польши, России, США, Украины, Чехии, Эстонии и других стран.

Центральной площадкой фестиваля стал Тбилисский государственный русский драматический театр имени А.С. Грибоедова. Именно здесь проходили концерты, объединявшие российских, грузинских и зарубежных исполнителей.

Особую атмосферу создавал сам принцип фестиваля: рядом на одной сцене выступали профессиональные и уже хорошо известные авторы-исполнители и молодые представители жанра.

По традиции фестиваль проводился в майские дни. И программа была вы-

строена таким образом, чтобы в дни его проведения особое место было отведено празднованию 9 Мая – в этот день проходил гала-концерт, на котором звучали песни военных лет в исполнении всех участников фестиваля, а также звезд грузинской эстрады.

Главным результатом проекта стало формирование международного сообщества авторов и исполнителей, для которых Тбилиси стал местом регулярных встреч.

Дмитрий Кимельфельд, бард (Израиль):

Незабываемые ощущения – прежде всего доброжелательность. Именно в этой атмосфере рождается то, что нас объединяет. Самое главное для человека, который пишет, – его настроенность на определенную волну, стремление уловить то, что сегодня интересно, и как это выразить словами, музыкой. Поэтому подобные встречи совершенно неоценимы. Эхо от этого фестиваля распространилось очень широко... В Тбилиси все было изысканно, деликатно и на достойном художественном уровне.

Дмитрий Бикчентаев, бард (Россия):

Мы много путешествуем с концертами вместе с Дмитрием Кимельфельдом, и, хотя живем в разных государствах, воссоединяемся в других странах и городах. Среди самых выдающихся фестивалей, которые мы посетили, мы обязательно отмечаем тбилисский. Мы говорим и о стране, совершенно выдающейся в туристическом, культурном, эстетическом планах, а также своим гостеприимством, архитектурой, искусством. По доброте, которая читается в глазах людей. И эти наши рассказы приводят к тому, что ребята приезжают сюда с туристической миссией. А потом говорят, что в Грузию нужно возвращаться еще и еще...

Джавид Имамвердиев, один из основателей Клуба авторской песни в Баку:

Тбилисский фестиваль авторской песни – это встреча с друзьями, встреча с прекрасным Тбилиси и с замечательным, очень теплым тбилисским зрителем...

Роб Авадяев, куратор фестиваля:

Авторская песня – это разговор человека с другим человеком. То есть если рок или поп-музыка обращены ко всем, то авторская песня отличается тем, что обращена лично к каждому слушателю. Поэтому появляется искренность, доверительность между исполнителем и зрителем. Этой песне верят.

ДНИ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Год проведения: 2012

175-летию со дня рождения Ильи Чавчавадзе, великого грузинского писателя и общественного деятеля, был посвящен масштабный проект, который стал живым воплощением пересечения наших культур – и в историческом, и в современном значениях. Участниками научно-культурного форума «Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге» стали около 50 выдающихся ученых и деятелей культуры Грузии, Москвы и Санкт-Петербурга.

В честь этого события для гостей из Грузии в Здании Двенадцати коллегий Санкт-Петербургского государственного университета был открыт легендарный Петровский зал, где прошла научная часть форума.

Форум был задуман и реализован как многоформатный проект. Общение происходило в форме научных чтений, творческих встреч, круглых столов, открытых уроков и лекций. В адрес участников свои приветствия направили Президент России Владимир Путин, Католикос-Патриарх Грузии Илия II, губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко. В дар храму святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Здании Двенадцати коллегий была передана икона святого Илии Праведного. Икона была написана молодым художником Георгием Кухалашвили по благословению Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II. Особая значимость проекта еще и в том, что к участию в форуме были привлечены не только известные ученые, но и молодежь – студенты Тбилисского и Санкт-Петербургского университетов, Театральной академии Санкт-Петербурга и даже школьники – в школе №122 участники форума провели открытый урок.

Ирма Ратиани, доктор филологических наук:

Язык культуры и науки – это метаязык. И на нем говорят не только страны, которые прекрасно ладят и динамично сосуществуют, но еще и те, которые столкнулись с определенными серьезными проблемами. Как, например, Россия и Грузия. Поэтому в подобной ситуации проведение такого форума

В церкви Шестаковской иконы Божией Матери Грузинского прихода

В Некрополе мастеров искусств

На открытии форума в Петровском зале Здания Двенадцати коллегий

Встреча с Темуром Чхеидзе в Доме актера

Встреча в средней общеобразовательной школе №122

Бадри Какабадзе, Ирма Ниорадзе, Роин Метревели и Николай Свентицкий

наиболее важно и ответственно. Грузинской делегации было необходимо донести свое мнение до российских коллег, выслушать их позицию, а потом проанализировать. И, насколько я поняла, позиции интеллигенции Грузии и Санкт-Петербурга едины в том, что путь Ильи Чавчавадзе является главным приоритетом, на котором должен стоять грузинский народ.

«ДНИ ЛЬВА ТОЛСТОГО В ГРУЗИИ»

Годы проведения: 2011 и 2021

Это литературно-просветительский проект, посвященный связям писателя с Кавказом и Грузией. Организаторами выступили Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”».

Участниками Толстовских дней 2011 года – масштабного международного форума – стали деятели культуры (ученые, литераторы, кинематографисты) из России, Армении, Азербайджана, Грузии и других стран, а в программу вошел целый ряд значительных мероприятий.

К толстовским дням был приурочен художественный конкурс «Мир Льва Толстого». Студенты Тбилисской государственной академии художеств им. А. Кутателадзе представили несколько десятков работ почти во всех видах изобразительного искусства – графика, живопись, плакаты, скульптура, иллюстрации к произведениям, костюмы, декоративно-прикладное искусство, сценография. Победители конкурса У. Гоноболина и Г. Кухалашвили были награждены особо ценным подарком – недельной поездкой в Ясную Поляну.

Важным событием Толстовских дней стала поездка участников мероприятия в высокогорное село Гореловка Ниноцминдского района (регион Самцхе-Джавахети), населенное духоборами. Участники Толстовских дней посетили Государственную школу №1 в Гореловке, построенную в начале XX века на пожертвования Л.Н. Толстого. В октябре 2003 года по ходатайству «Русского клуба» и при поддержке Министерства образования и науки Грузии Гореловской школе было присвоено имя Л.Н. Толстого, о чем сообщает мемориальная доска, установленная у входа. Более того, соответствующим указом Национального агентства охраны культурного наследия Грузии школе присвоен статус недвижимого памятника культурного наследия.

Толстовские дни-2021, приуроченные к 170-летию пребывания великого писателя в Грузии, в связи с пандемией и связанными с ней ковид-ограничениями прошли в гибридном формате: в программу вошли как онлайн-, так и оффлайн-мероприятия.

Владимир Толстой, общественный деятель, праправнук Л. Толстого:

Для русских людей трудно найти более близкую культуру, чем в Грузии, и так жаль, что мы теряем время, не имея возможности постоянно напрямую обмениваться нашими культурными достижениями. Лев Толстой – фигура, которая как нельзя лучше подходит для соединения наших народов; он всегда говорил, что самое главное – преодолевать барьеры между людьми, которые, на самом деле, выдуманные».

«В эти дни больше всего думаю о нелепости, которая происходит между нашими странами. Мы очень нуждаемся в общении, культурном обмене. Ужасно обидно, что это так затруднено. Да, есть проблемы политические, но я не вижу проблем личностных. То, что произошло между нашими странами, – глубокая ошибка. Мы должны способствовать тому, чтобы эта ситуация постепенно поменялась к лучшему. Проведение Дней Толстого – огромное дело. Мы возвращаемся домой с серьезными размышлениями и большими надеждами.

2011

Светлана Климова, доктор философских наук:

Конференция удалась! Ее участники представили очень интересный, добротный материал... Состоялся диалог культур, представленный разными государствами, разными людьми, объединенными одними и теми же чувствами симпатии, желанием открытого общения. Наконец, объединенными

Владимир Толстой и Николай Свентицкий

именем гениального Толстого, который был всечеловеком... Счастлива, что Дни Толстого прошли в Грузии. Ведь эта страна для меня – синтез культурного аристократизма и восточной щедрости, открытости, желания отдать последнее, что, собственно, и делает людей людьми.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ШКОЛА В ШЕКВЕТИЛИ
Годы проведения: 2007, 2016, 2019, 2020, 2021

Это уникальная творческая площадка, объединившая молодых актеров, студентов театральных вузов, педагогов и профессионалов сцены из разных стран.

Школа проходила на побережье Черного моря и была задумана как пространство профессионального обучения, творческого общения и международного культурного диалога. Участники в течение нескольких дней проходили интенсивную программу, включавшую актерское мастерство, сценическую речь, сценическое движение, пластику, хореографию, работу над этюдами и импровизацией, историю театра и другие профессиональные дисциплины.

Особое место в работе школы занимали мастер-классы ведущих специалистов театрального образования. В проекте принимали участие педагоги ГИТИСа, Театрального института им. Б.В. Щукина, представители Тбилисского университета театра и кино имени Шота Руставели, актеры и режиссеры грузинских театров.

Летняя театральная школа превратилась в устойчивую платформу международного сотрудничества, профессионального роста и передачи театрального опыта молодому поколению.

Григорий Заславский, театральный критик:

То, что здесь происходит, – это просто фантастика. Самое главное в Летней театральной школе в Шекветили – то, что здесь устанавливаются человеческие и творческие отношения между людьми разных стран, которые в другой ситуации, кроме как в Грузии, к сожалению, нигде бы и никогда бы не встретились. Педагоги ГИТИСа учили и рассказывали, а молодые люди с утра до вечера делали этюды, заучивали стихи...

Ирина Автушенко, доцент кафедры сценической речи ГИТИСа, профессор кафедры сценической речи актерского факультета ВГИКа:

Значение Школы, думаю, очень велико. И прежде всего потому, что здесь молодые люди, которые в силу разных обстоятельств оказались разделенны-

ми, получают возможность общаться. Они мало знают культуру друг друга, растут либо в своих узких рамках, либо ориентированы на Америку и Европу. А то богатство, которое мы имели, остается для них непостижимым. И я рада, что наши участники легко входят в контакт – как будто и не было этих границ. И слава богу, что они все-таки сохранили тот единый язык, на котором могут общаться. А главное, что их объединяет и будет объединять, – это культурное пространство, где нет никаких границ. И не должно быть.

Карен Нерсисян, художественный руководитель Ереванского русского драматического театра им. К.С. Станиславского:

Я очень рад тому, что школа действительно оказалась очень мощной организацией. Собрать воедино таких профессионалов – это великое дело. Спасибо всем, кто поддержал эту идею. Очень рад, что у нас была возможность общаться с людьми, с актерами из разных стран, разных школ, разных культур. Это невероятно обогащает. Я рад, что нам выпала честь нести знамя нашего театра и нашей страны.

Константин Харет, народный артист Республики Молдова, директор Государственного русского театра им. А.П. Чехова:

Образовательные и творческие программы, которые подготовили и провели педагоги Театрального института им. Б.В. Щукина, ГИТИСа, а также прочитанные лекции были информационно и эмоционально насыщенны, по-

Участники Летней театральной школы в Шекветили

У памятника В. Маяковскому в Кутаиси

знавательны, высокопрофессиональны. Это, несомненно, сослужит хорошую службу молодым артистам в плане их профессионального роста и духовного становления. Творческий обмен, неформальное человеческое общение, знакомство с новой страной, природой, обычаями и искусством необходимы людям театра как воздух.

Людмила Духовная, народная артистка Азербайджана:

Школа дала возможность не только учиться и обмениваться знаниями, но и, самое главное – она стала территорией добра и любви – пространством Мира, Дружбы и Творчества!

ТРЕНИНГИ ДЛЯ ПЕДАГОГОВ ПО РКИ

Годы проведения: 2021, 2023, 2024

Одним из важных направлений деятельности «Русского клуба» стало многолетнее сотрудничество с грузинскими русистами – преподавателями русского языка как иностранного.

На протяжении многих лет «Русский клуб» передавал педагогам методические пособия и учебники по РКИ, а также художественную литературу.

С 2021 года это многолетнее сотрудничество получило самостоятельное проектное выражение: в Шекветили стали проводиться «Тренинги по РКИ» – профессиональные курсы по актуальным методикам преподавания русского

языка для педагогов-русистов из различных регионов Грузии.

В 2023 году все мероприятия культурно-просветительского тренинга-семинара для педагогов РКИ – лекции, круглые столы, практические занятия и поэтические чтения – были посвящены 130-летию со дня рождения Маяковского. В его работе приняли участие преподаватели ГИТИСа. В завершение работы тренинга участники проекта посетили Дом-музей В. Маяковского на родине поэта в Багдади.

В 2024 году состоялся тренинг-семинар, посвященный 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Программа включала лекции, круглые столы и практические занятия, а литературно-культурная составляющая была связана с наследием Пушкина. Представители РУДН и Дома русского зарубежья на протяжении нескольких незабываемых дней делились своими профессиональными знаниями и опытом с 50 педагогами из различных регионов Грузии.

Давид Гоциридзе, доктор филологических наук, профессор ТГУ им. Ив. Джавахишвили, член президиума МАПРЯЛ, ведущий педагог на первом тренинге по РКИ в Шекветили (1952-2022):

Этот проект интересен тем, что дал возможность собраться коллегам из разных городов Грузии. Такое не всегда удается. Люди соскучились по профессиональному и человеческому общению. Одно дело, когда ты делишься опытом при помощи компьютера, и совсем другое – когда это происходит вживую. Наболевшие вопросы, которые связаны с преподаванием русского языка в экстремальных условиях, вызывают желание приспособиться к новым условиям. А для этого нужно участие каждого звена в цепи: школьное

Юрий Ряшенцев с участниками тренинга по РКИ

Наталья Новикова и Татьяна Марченко с грузинскими русистами

образование – университетское образование – участие психологов… И так далее. Ценность проекта в том, что все области, которые кластерным образом взаимодействуют в процессе обучения, учтены. Очень радует активное участие коллег, которые фактически торпедируют традиционные подходы, которые были ранее, и предлагают свои интересные решения. В дальнейшем было бы интересно, если ситуация позволит, расширить круг участников и приглашать профессионалов, авторитетных специалистов из других стран, в частности из России. Одно дело, когда коммуникация идет во внутренних условиях, и другое – когда на основе сопоставления опыта разных стран определяются общие тенденции развития методики преподавания. По возможности было бы неплохо проводить такие встречи хотя бы ежегодно, потому что результаты таких встреч могут быть использованы в практике преподавания русского языка и в других странах. Многие постсоветские республики связаны с предыдущей эпохой методической науки, и каждая поодиночке пытается создать свою систему. В данном случае обмен опытом позволит создать платформу, контактное поле для совместных действий. Это позволит сократить время адаптации и перехода на новую модель образования. Хотелось бы поблагодарить организаторов, которые дали нам возможность осуществить первые и очень важные шаги в этом направлении. Спасибо Николаю Свентицкому – нашему вдохновителю и человеку, который смог организовать этот очень сложный и очень важный проект.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СЕРИАЛ
«ПРОГУЛКИ С ВЕЛИКИМИ»
Годы выпуска: с 2023 по наст. время

«Прогулки с великими» – документальный сериал-путешествие по следам гениев в Грузии. Каждая серия – это живое погружение в биографии титанов культуры, в историю страны, а еще – это признание в любви Грузии, которая на протяжении веков была и колыбелью, и пристанищем талантов, дарила вдохновение поэтам и художникам, композиторам и режиссерам, вдохновляя их на великие творческие открытия, рождение шедевров, порой – на художественные революции, а иногда и на подвиги.

На данный момент снято 15 серий – их героями стали Александр Пушкин, Александр Грибоедов, Михаил Лермонтов, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Арсений Тарковский, Борис Пастернак, Владимир Немирович-Данченко, Роберт Стуруа, Темур Чхеидзе, Сандро Товстоногов, Зураб Церетели,

Микаэл Таривердиев, Ираклий Цицишвили.

Левон Узунян, режиссер-постановщик сериала:

Изначально я не очень серьезно отнесся к этому проекту. Но с каждой новой серией я понимал, насколько очевидна необходимость создания этих фильмов.

Те великие, о которых мы говорим, они живы – в своих стихах, произведениях, они рядом с нами. И они позволили, в первую очередь мне, лучше узнать свой город, хотя я в нем родился.

СЕРИЯ «ДЕТСКАЯ КНИГА»

Годы издания: с 2009 по наст. время

Уникальная книжная серия (более 20-ти изданий) – адаптированные книги специально для юного грузиноязычного читателя – со словарем, методическими упражнениями, занимательными вопросами, раскрасками. Иллюстраторами этих книг всегда становились молодые грузинские художники. В серии вышли сказки «Иван-царевич и Серый волк», «Аленький цветочек», стихи Агнии Барто, Корнея Чуковского, Саши Черного, Владимира Маяковского, сборник «Сказки Пиросмани», «Приключения Буратино», билингвиче-

ская книга Ильи Чавчавадзе на русском и грузинском языках и др.

Николай Свентицкий:

Важно понимать, что это не просто книги, а своего рода учебные пособия, рассчитанные именно на грузинских детей. Во-первых, они красочно оформлены молодыми грузинскими художниками; во-вторых, они содержат вопросы по главам, словари, упражнения, кроссворды. Родители, дедушки и бабушки помогают детворе читать такие книги – и это инвестиция в будущее. Полюбив русскую литературу, уже во взрослом возрасте они захотят прочесть что-нибудь серьезное. Например, «Войну и мир» в оригинале.

ФОРУМ «ПРАВОСЛАВИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Год проведения: 2014

Научно-культурный форум «Православие и современность» был посвящен 700-летию со дня рождения Сергия Радонежского.

В церемонии открытия форума принял участие Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II. В своем приветственном слове Патриарх рассказал о восьми годах своей учебы в Московской духовной академии и семинарии, подчер-

Аудиенция у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II

кнув, что Сергий Радонежский – один из наиболее почитаемых им святых Русской православной церкви.

Участниками форума стали выдающиеся деятели культуры и науки как Грузии, так и России. В рамках форума состоялись научно-практическая конференция «Православие и современность»; публичная дискуссия «Православие – это современность?»; молебен с акафистом Сергию Радонежскому в Кафедральном соборе Самеба.

Николай Свентицкий, организатор проекта:

В 2014 году... на форуме «Православие и современность. К 700-летию Сергия Радонежского» нас объединил великий образ преподобного.

Кому, как не ему – одному из самых почитаемых и известных в мире православных русских святых, – удастся сотворить чудо окончательного примирения православных стран и народов, соседствующих и связанных между собой более десяти веков?

Именно поэтому, организуя форум, мы хотели вспомнить его как подвижника и миротворца, поговорить о мире, взаимоуважении и взаимопонимании. А еще – всерьез задуматься о грандиозной силе христианской веры, которая была, есть и будет наша самая надежная опора и поддержка «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах родины…

ТЕАТР-СТУДИЯ ЮНОГО АКТЕРА «ЗОЛОТОЕ КРЫЛЬЦО»
Годы деятельности: 2009-2019

Из доклада Николая Свентицкого «Русский театр за рубежом: достижения, проблемы, перспективы»

Для нас очевидно, что главным адресатом нашей работы должна быть молодежь – дети, школьники, студенты. Причем не только дети соотечественников, но и представители титульной нации. Мы хотим быть уверены в том, что завтра нам будет с кем поговорить по-русски. Мы поддерживаем деятельность русских детских и юношеских театральных студий. Таких в Грузии несколько. Самая значительная – театр-студия юного актера «Золотое крыльцо». Ее учащимися стали школьники с 5-го по 12-й классы. За годы деятельности студия показала более 20 премьер. Несколько ее выпускников студии, окончив театральный университет, уже стали актерами Грибоедовского театра. Кстати, в Грузинском университете театра и кино в следующем

Ирина Квижинадзе

Сцены из спектаклей «Золотого крыльца»

году выпускается целевая русская группа, и уже объявлен набор на первый курс новой целевой группы. А это значит, что наша цель достигнута.

2018

Из статьи «Начало начал», опубликованной в журнале «Русский клуб» (№1, 2020)

«Быть или не быть русскому театру в Грузии?» – вот в чем вопрос.

Долгие годы, начиная с тяжелых 1990-х, он не переставал волновать каждого, кому дорога русская театральная культура, русское слово, русская речь. И, конечно, каждый верил, что все как-то наладится, обойдется, само собой устроится. Но, как сказано в самой великой книге человечества, вера без дел мертва. Надо было что-то делать. И директор театра им. Грибоедова, президент Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий – сделал!

Десять лет назад, по его инициативе при поддержке Международного благотворительного фонда Карту, был создан театр-студия юного актера «Золотое крыльцо». Задумка была проста и прекрасна – собрать под одной крышей детей и подростков, увлеченных искусством, и дать им возможность, под руководством профессионалов, заниматься русским театром на русском языке.

К руководству студией была приглашена заслуженная артистка Грузии, кавалер ордена Чести Ирина Квижинадзе. Лучшей кандидатуры нельзя было и вообразить. Конечно, вы знаете эту блистательную актрису, сыгравшую на сцене театра им. Грибоедова около 50-ти самых разных ролей: Натали Пушкина – «Шаги Командора» В. Коростылева, Марютка – «Сорок первый» Б. Лавренева, Зося – «Час пик» Е. Ставинского, сумасшедшая Марго – «Закон вечности» Н. Думбадзе, Брандохлыстова – «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина, Раневская – «Вишневый сад» А. Чехова, сваха Фекла Ивановна – «Женитьба» Н. Гоголя и десятки других персонажей – всегда ярких и запоминающихся. Но, может быть, вам не известно, что Ирина Владимировна – преподаватель с большим стажем. С 1999-го по 2006 г. она работала режиссером московской Детской школы искусств, где получила категорию преподавателя высшей квалификации. Награждена почетными грамотами управления культуры г. Москва «за вклад в дело воспитания творческой личности» и «за плодотворную деятельность в сфере художественного образования и эстетического воспитания детей и юношества». А уж сколько дипломов на различных театральных фестивалях получили поставленные ею спектакли – и не сосчитать!

В 2006 году Ирина Квижинадзе вернулась на родную Грибоедовскую сцену, в 2009-м – возглавила «Золотое крыльцо». И началось!

За десять лет было поставлено 28 спектаклей разных жанров по произведениям Чехова, Некрасова, Достоевского, Пушкина, Островского, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Куприна. Были проведены вечера Блока, Пастернака, Есенина. Большой успех имели спектакли «Монарх» И. Чавчавадзе, «Истории Тбилисских кварталов», «Пиросмани».

Общее количество воспитанников уже давно перевалило за 100. Первые выпускники студии, окончив Грузинский государственный университет театра и кино им. Ш. Руставели, стали актерами театра им. Грибоедова. Конечно, каждый из них с благодарностью вспомнит тех педагогов, которые занимались с ними университете. Но все началось с «Золотого крыльца», с уроков, репетиций и спектаклей Ирины Владимировны Квижинадзе. В общем-то, именно она – «крестная мама» почти всех молодых грибоедовцев.

Музыку к спектаклям «Золотого крыльца» пишет известный грузинский композитор Тенгиз Джаиани. Постановкой танцев и сценическим движением со студийцами занимается хореограф Давид Метревели.

Пройдут годы. Кто-то из учащихся «Золотого крыльца» станет актером, кто-то нет. Но в любом случае они обязательно станут талантливыми театральными зрителями. И, кроме того, никогда не забудут тех светлых дней, когда занимались прекрасным делом – репетировали до изнеможения, а потом выходили на сцену старейшего театра страны, играли – вдохновенно, легко, изобретательно – и получали заслуженные цветы и аплодисменты.

Право же, юность, озаренная театром, это действительно счастливая юность!

Такое не забывается!

Спасибо, «Золотое крыльцо»!

СПЕШИ ТВОРИТЬ ДОБРО

Как далеко
Протянут луч от маленькой свечи!
Так в мире зла поступок добрый светит.
Шекспир

Из интервью Николая Свентицкого

Благотворительность – неотъемлемая часть работы театра им. А.С. Грибоедова и «Русского клуба». Театр ежегодно устраивает детям праздники,

РК
*РУССКИЙ КЛУБ

благотворительные акции и дарит бесплатные билеты на представления.

Так, по многолетней традиции, мы при поддержке Международного благотворительного фонда «КАРТУ» в дни новогодних каникул приглашаем на праздничные представления воспитанников детских домов и интернатов, детей с ограниченными возможностями здоровья, детей из малоимущих и многодетных семей, из семей беженцев и ветеранов войны. И, конечно, дарим им подарки – наборы сладостей высшего качества и новое издание из серии «Детская книга» с русско-грузинским словарем, упражнениями и раскрасками. Каждый Новый год подарки от нас получают до семи тысяч детей.

На протяжении многих лет мы помогаем Потийскому детскому приюту. Ежегодно, раз в два сезона – летом и зимой, дарим его воспитанникам одежду, обувь, белье, сладости и многое другое.

Сотрудничаем со многими организациями, в их числе – «Каритас», Союз «Открытая студия – Мост родителей», дневной центр «Новые шаги», Ассоциация «SOS – Детская деревня», общество при Союзе ветеранов труда и пенсионеров Грузии «Амагдари», Благотворительный фонд «Мой дом», дневной центр «Лазаре», «SOS – Молодежный дом», детский реабилитационный дневной центр «Цисарткела», детский приют при Патриархии и другие.

КСОРС ГРУЗИИ

Из интервью Николая Свентицкого

Начиная с лета 2016 года, когда я имел честь возглавить Координационный совет российских соотечественников Грузии (КСОРС), мы четко сформулировали основные принципы нашей работы, которым неукоснительно следуем по сей день.

Во-первых, магистральная направленность на полную консолидацию как организаций соотечественников страны, так и самих соотечественников.

Во-вторых, абсолютная прозрачность во всех сферах работы Совета, в каждом проекте, в каждом заявлении.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что эти два принципа мы стараемся соблюдать максимально.

Подчеркну крайне принципиальную вещь – говоря о соотечественниках, я говорю о них как о гражданах Грузии, как о неотъемлемой части грузинского общества. Мы себя позиционируем только так. Это наша страна. Мы никогда не будем пятой колонной. Мы никогда не делали и не сделаем никаких шагов, направленных против своей роди-

ны. Все наши мероприятия направлены на любовь. Надо жить в мире и согласии, как жили наши великие предки. Наша тема – сохранить то тепло в отношениях, которое существовало, продлить его, нести дальше и умножать. Чтобы тебя понимали и любили в этой стране, надо ее очень любить. Иначе ничего не получится.

В рамках деятельности КСОРС Грузии сделано немало: издание газеты «Соотечественник» и приложения «Ваше право»; создание Центра правовой защиты российских соотечественников Грузии; проведение Летнего образовательно-оздоровительного лагеря для детей соотечественников; организация Школы «Молодые правоведы»; участие молодых соотечественников в международных форумах и конференциях; проекты по сохранению исторической памяти; организационная поддержка кандидатов из Грузии по программе бесплатного обучения в российских вузах и, главное, беспрецедентная прозрачность и совершенная доступность этой программы; культурная консолидация, укрепление и расширение пространства русского языка в Грузии и многое другое.

ОН СТРОИЛ МОСТЫ, А НЕ СТЕНЫ

Николай Свентицкий возглавил КСОРСГ в непростые годы, когда умение выстраивать диалог, сохранять достоинство и не следовать конъюнктуре ценилось превыше всего.

Николай Николаевич умел объединять. Под его руководством Совет стал не просто формальной структурой, а живым организмом, где слышали каждого, где находили поддержку инициативы, где слово «соотечественник» наполнялось подлинным смыслом.

Для нас он был даже не просто председателем. Николай Николаевич Свентицкий был главой совета соотечественников в самом высоком, человеческом, а не протокольном значении этого слова. Тот, к кому шли за советом и поддержкой. Тот, кто брал на себя ответственность. Тот, кто своим авторитетом прикрывал и вдохновлял. Для сотен соотечественников он был не должностным лицом, а старшим товарищем, защитником, совестью. Именно таким он останется в нашей памяти – не просто руководителем, а первым среди равных, чье слово значило больше любых регламентов и чье молчание было красноречивее любых отчетов.

«Своим главным талантом он считал умение дружить», – сказано в некрологе Секции интересов РФ. Это правда. Но дружба для Николая Николаевича никогда не была только личным чувством. Она была принципом работы, методом управления, способом существования. Он умел дружить институционально – выстраивая мосты там, где другие видели стены.

Александр Беженцев,
врио председателя КСОРС Грузии

У могилы Мелитона Кантария в с. Джвари

ЗНАМЕНОСЕЦ ПОБЕДЫ

9 мая мы выехали из Тбилиси в 6 утра. Путь до Зугдиди не близкий, 350 км, 5 часов в дороге. Затем едем еще полчаса – 40 км до села Джвари Цаленджихского района.

Именно здесь почти 105 лет назад родился человек-легенда, имя которого знают все, от мала до велика. Мелитон Кантария, младший сержант Красной Армии, вместе с сержантом Михаилом Егоровым под руководством лейтенанта Алексея Береста одним из первых водрузивший Знамя Победы над рейхстагом в Берлине 1 мая 1945 года.

Будущий Герой Советского Союза родился 5 октября 1920 года в семье крестьян Варлама и Лидия Кантария. Здесь же, в Джвари, окончил четыре класса начальной школы, начал работать в колхозе. В 1938 году был призван на воинскую службу. Прошел всю Великую Отечественную.

Здесь Мелитон Кантария и похоронен, во дворе школе №3, в которой учился.

И сегодня мы вместе с учащимися этой школы возлагаем цветы на могилу героя, и грузинские школьники кланяются своему прославленному соотечественнику, ставшему символом Великой Победы.

Я смотрю на ухоженный мемориал, на стоящий рядом памятник Солдату-победителю, на благоустроенную окрестность и поневоле вспоминаю, что долгое время могила героя и окружающая территория находились в удручающем состоянии. Но в 2010 году, к 65-летию Победы, по инициативе «Русского клуба», при поддержке Благотворительного фонда «Карту» и при содействии администрации Цаледжихского района все было исправлено: место захоронения Мелитона Кантария было полностью обновлено – ступеньки и бордюр заново выложили гранитом из цельных плит, установили новую могильную плиту, саму могилу выложили свежим дерном и украсили крестом Святой Нино. Памятник был очищен и выкрашен бронзовой краской, постамент заменен на новый, гранитный. А местная администрация очистила окружающую территорию и облагородила ее свежими посадками деревьев и кустарников.

В январе 1994 года Мелитон Кантария был перезахоронен в Джвари…

А школа, учащимся которой мы сегодня передали в подарок несколько ящиков с замечательными книгами и журналами, с 2011 года носит имя Мелитона Кантария.

Николай Свентицкий

ВОКРУГ СВЕТА

А еще жизнь прекрасна потому,
что можно путешествовать.
Николай Пржевальский

Из интервью Николая Свентицкого

В школе я очень любил уроки географии. Мне все время хотелось узнавать новые страны. Тогда я путешествовал, конечно, только по карте. А сегодня все сбылось, стало реальностью – количество стран, где я побывал, перевалило за сто.

У меня небольшая квартирка-студия, нет дачи, нет бизнеса, нет накоплений… Я вкладываюсь в впечатления – путешествую по миру.

ЕГО ДОРОГОЙ СКОРБИ

История Святой Земли не имеет аналогов на нашей планете. Святая Земля невелика, и все же на одном ее конце – горы и снег, а на другом – пустыня и прохладные воды.

Попытка понять сокровенную суть такой земли – невероятный вызов.

Нигде в мире наблюдательный путешественник не увидит христианство в таком многообразии, как на Святой Земле.

Во время утренней прогулки по Старому городу Иерусалима он может встретить греческих или сирийских православных монахов, эфиопских и критских священнослужителей, армянских и католических священников, а также священнослужителей и ученых практически всех протестантских церквей христианского мира.

Разнообразие христианских направлений на Святой Земле объясняется просто: во времена Византии (324-636 гг. н.э.), в эпоху крестовых походов

ΟΤΤΟΠΑΙΟ
ΦΟΡΟΣ

(1099-1291), в 400-летний период Оттоманской империи (1517-1917) и до настоящего времени церкви стремились установить, а затем и сохранить свое присутствие на земле, где родилась их вера.

В результате здесь обосновалось великое множество церквей различного вероисповедания с 2500 священниками почти из всех стран мира – греческая православная, русская православная, римско-католическая, сирийская католическая церкви, мароните, греческие, армянские и халдейские католики, армянские православные, сирийские православные (якобиты), копты, эфиопские православные – все они получили (нередко в острой борьбе) свою долю почитаемых святых мест.

НАЗАРЕТ

Некогда скромный город в Галилее, в котором не было ничего примечательного, Назарет сегодня представляет собой оживленный город с самым большим арабско-христианским населением на Святой Земле. Одной из самых ярких достопримечательностей города является Храм Благовещения, напоминающий прихожанам о Благой Вести Архангела Гавриила Деве Марии о рождении Мессии.

Архитектура церкви напоминает об арамейском значении слова Назарет – «Смотровая башня». Она высится над тщательно расчищенными древними постройками Назарета, которые сегодня открыты для осмотра. В интерьер церкви включены фрагменты трех более ранних церквей и древнее строение – горница Марии, которая по традиции считается местом Благой Вести.

Современная церковь была построена в 1968 году и содержит красочную роспись, в том числе изображение «Мадонны с младенцем».

Кроме Храма Благовещения, в Назарете есть другие достопримечательности, напоминающие верующим о важных событиях в жизни Иисуса. В 300 метрах севернее Храма находится греко-православная церковь Архангела Гавриила. Построенная в 1781 году над руинами Церкви Крестоносцев XII века, церковь Архангела Гавриила стоит у древнего источника, который питает «фонтан Девы», где, как верят многие православные христиане, и произошло Благовещение.

Когда Иисус вернулся в Назарет, чтобы проповедовать в своем родном городе, его ждал враждебный прием. Сегодня об этом напоминает греческая католическая «Синагогальная Церковь».

Вскоре после того, как Иисус в возрасте 28 лет покинул Назарет, он встретил Иоанна Крестителя, читающего наставления народу на берегу реки

Иордан. В водах этой реки, которая так часто описывается в Библии, Иисус принял крещение. Очистившись, он стал готовым для выполнения своей божественной миссии. Предание говорит, что крещение Иисуса произошло возле того места, где сливаются воды Галилейского моря и реки Иордан.

ИЕРУСАЛИМ

Раскинувшийся на холмах Иудеи, Иерусалим изначально был ханаанской крепостью Дметус, пока его не завоевал царь Давид около 1000 г. до н.э. Соломон построил и освятил здесь первый Храм. Последующие цари Иудеи правили в этом городе и погребены здесь. Иерусалим был разрушен в 586 г. до н.э. вавилонянами. После долгого плена евреям было позволено вернуться по повелению персидского царя Кира и отстроить разрушенный Храм. Второй Храм, впоследствии значительно улучшенный и расширенный Иродом Великим, стоял вплоть до разрушения римлянами в 70 г. н.э.

Сегодня Иерусалим – это оживленный город, разросшийся далеко за пределы старых стен. Проходы в Старый город, мощенные иерусалимским «золотым» камнем, закрыты для транспорта, что обеспечивает сохранность исторических памятников.

Рим почитает себя центром христианского мира, и Собор св. Петра, конечно же, величественнее любого памятника Иерусалима, однако в пределах седых иерусалимских стен есть места, которые трогают душу даже самого равнодушного в делах веры христианина. Это Виа Долороза, т.е. Дорога скорби, или Крестный путь, и Голгофа.

Паломникам не стоит горевать, что ныне Дорога скорби – это торговая улица, где есть даже сувенирный магазин «Темница Христова» и модная лавка (бутик) под названием «Девятая остановка на Крестном пути». Посетителю лучше заткнуть себе уши от рева мотороллеров (а заодно и нос от проходящих ослов) и ни на минуту не забывать, что и во времена Иисуса это тоже была оживленная, запруженная людьми и животными городская улица.

Дорога скорби начинается у Ворот св. Стефана (называемых также «Львиными Воротами»). Муниципальная корпорация по застройке Восточного Иерусалима недавно закончила здесь строительство Странноприимной площади, не доходя 30 м до Ворот св. Стефана. Эта площадь явилась завершающим элементом ремонта Дороги скорби, включающего восстановление обветшалых зданий и нависающих над улицей арок, замену сточно-дренажной системы четырехсотлетней давности. Когда площадь очистили от наслоений, открылись огромные плиты мостовой римского периода. По этим и другим

таким же камням, открытым кое-где дальше по пути, вполне возможно, ходили Иисус и его последователи.

Прямо напротив площади стоит Церковь св. Анны, наиболее сохранившаяся в первозданном виде Церковь Крестоносцев. Помимо склепа, почитаемого за Место рождения св. Марии, в комплекс этой церкви входит купель Вифезда, где Иисус совершил чудесное исцеление.

Начало Крестного пути, где Иисус был приговорен, укрыто во дворе мусульманской школы Умарийя для мальчиков. Вторая остановка – место, где Иисус получил свой Крест, – находится через улицу, у часовни Осуждения и церкви Бичевания; здесь бичевали Иисуса, здесь увенчали его терновым венцом.

Считается, что события, связанные с первыми двумя пунктами Крестного пути, происходили в Антониевой крепости царя Ирода, остатки которой находятся ныне под церквами по обе стороны Дороги скорби. В находящейся неподалеку церкви Сестер Сионовых, к примеру, имеется огромное подземное помещение, именуемое Лифостротоном, о котором нередко говорят, что именно здесь Понтий Пилат судил Иисуса.

Перед ним стоит арка «Эссе Хомо», т.е. «се, человек» (слова, которыми Пилат издевательски представил Христа в терновом венце обвинителям его), построенная, по мнению исследователей, императором Адрианом во II в. н.э.

Почти все дальнейшие остановки на Крестном пути отмечены табличками с соответствующими цитатами из Библии, а некоторые еще и выложены вееробразным узором на камнях мостовой.

Третья остановка, где Иисус упал, неся крест, отмечена колонной в стене на улице Аль-Вад, которую пересекает Дорога скорби.

Сразу за ней следует четвертая остановка, где Иисус встретил Марию. Здесь находится армянская католическая церковь Богоматери-великомученицы с подземной часовней, украшенной интересной византийской мозаикой.

Здесь Дорога скорби идет довольно круто вверх и, заворачивая вправо от Аль-Вад, переходит в оживленную торговую улицу.

Пятая остановка находится как раз на стыке улиц Аль-Вад и Дороги скорби. Это именно то место, где Симон Киринеянин помог Иисусу нести Крест.

Чуть дальше – шестая остановка у Дома св. Вероники, где эта святая утерла лицо Иисуса своим покрывалом. У обеих остановок стоят часовни.

В месте, где Дорога скорби пересекает базар Сук Хан эз-Зеид, находится седьмая остановка, где Иисус вновь упал. И здесь же, как полагают, были Судные ворота, через которые Иисуса вывели из города к месту распятия,

а также место, где его смертный приговор был вывешен на всеобщее обозрение. Здесь Дорога скорби ни с того ни с сего... исчезает. Дело в том, что остаток пути до церкви Гроба Господня застроен зданиями. Однако и эта церковь, и последние остановки совсем недалеко.

Восьмая остановка находится у греко-православной часовни св. Харлампия, построенной на том месте, где Иисус обратился к женщинам со словами: «Плачьте не обо мне, но об Иерусалиме!»

Столбом у комплекса эфиопской коптской церкви близ базара Хан эз-Зеид отмечена девятая остановка, где Иисус споткнулся в третий раз. Все последние остановки находятся в пределах большой и таинственной церкви Гроба Господня. Прежде всего церковь озадачивает своими размерами и сложностью. Здесь, в самой высокой точке Старого города, у римлян был храм, посвященный Венере. В IV веке, после того как мать императора Константина Елена установила место, где была гробница Иисуса, император воздвиг здесь церковь. Позднее церковь Константина была разрушена, а нынешнюю церковь построили крестоносцы в XII веке.

Сейчас церковь делят между собой несколько христианских общин. У каждой в ней есть свои часовни и алтари, и каждая отправляет богослужения по собственному распорядку. Каждая отвечает за поддержание святости и уход за зданием на своей, точно определенной территории. А в прошлом отцы церкви, бывало, яростно ссорились из-за того, к примеру, кому какие ступени подметать.

Безусловно, эта церковь обладает особым величием. Конечно, главные ее точки – это место над бугром, где свершилось распятие Христа (называемое на древнееврейском Голгофа, а по-латыни Кальвари), и гробница, куда его положили. Эти места включают продолжение Дороги скорби и последние остановки на Крестном пути.

Ступени справа, сразу как входишь в церковь, ведут вверх к Голгофе.

Десятая остановка, где с Иисуса сняли одежды, отмечена на мозаике пола. Последующие три остановки находятся у латинского и греческого алтарей, на одном уровне и в нескольких шагах одна от другой. Они отмечают место, где Иисуса прибили гвоздями к Кресту, место, где установили Крест и где его тело сняли с Креста.

Четырнадцатая остановка внизу – это сам Гроб Господень (т.е. гробница). Она расположена под главной ротондой церкви. Внутри Гроба Господня находятся часовня Ангела, камень, чудесным образом отваленный от входа в гробницу, часовня, внутри которой – место погребения, и примыкающая

сюда же Гробница Иосифа Аримафейского. В числе других достопримечательностей комплекса – Католикон, большой греческий собор близ главной ротонды, где каменный потир (чаша для святых даров) на полу отмечает центр света; часовни в честь св. Елены, Адама и Обретения Животворящего Креста Господня, а также гробницы крестоносцев – королей Иерусалимских.

Вокруг Храма Гроба Господня стоят церкви чуть ли не всех христианских конфессий.

2006

РУССКИЙ ВОДЕВИЛЬ В СТРАНЕ ТАНГО

Зима в Буэнос-Айресе... В северном полушарии бушуют январские холода, а в Аргентине – лето в самом разгаре. В стране начался «Карнавал страны». Праздничные шествия проходят каждую субботу, начиная с первой субботы января. Город заполнен тысячами туристов, все хотят увидеть потрясающее зрелище.

Главные хозяева на улицах – южноамериканские танцы. Со всех сторон несутся бой барабанов и ритмы самбы, солнце отражается в море разноцветных перьев и блесток...

Я уже четыре дня в жаркой аргентинской столице и понял на собственном опыте, что днем лучше отсиживаться в гостиничном номере или плескаться в бассейне.

Город по-настоящему оживает поздним вечером, хотя сама жизнь не останавливается здесь ни на минуту – кафе, магазины, кинотеатры работают днем и ночью. Даже автобусы ходят в любое время суток.

С 9-10 часов заполняются бары и рестораны, улицы забиты потоками машин, и каждая из них едет, подпрыгивая, – темпераментные пассажиры не могут успокоиться даже в салоне автомобиля, танцуют и поют на ходу.

Столица начинает затихать только к утру и понемногу остывает, обдуваемая прохладными воздушными потоками с океана.

Воскресенье, раннее утро. Все спят. Дороги пусты. Даже бродячие собаки беспечно дрыхнут на траве. Конечно, любой город лучше рассматривать, пока его не заполнила житейская суматоха. И я спешу, пока не хлынет дневная жара и не загудит город, побродить по Буэнос-Айресу... Здесь действительно есть на что полюбоваться. Это самый яркий квартал, построенный итальянцами, Ла-Бока; исторический район Сан-Тельмо; знаменитый рынок антиквариата на Пласа-Доррего; «сердце» города – площадь Пласа-де-Майо – самый крупный торговый район в мире; легендарный обелиск в честь про-

возглашения независимости Аргентины на площади Пласа-де-ля-Республика; японский сад и зоопарк в зеленом квартале Палермо; улица 9 июля (Авенида Нуэве-де-Хулио) – самая широкая улица в мире... Одних только музеев (а в них хранятся работы Ренуара, Ван Гога, Пикассо, Родена...) в Буэнос-Айресе около ста двадцати.

Всего в нескольких сотнях километров от мегаполиса начинается завораживающий мир дикой природы. Грандиозные каскады водопадов производят незабываемое впечатление.

Конечно, в этом городе, в этой стране надо провести не один месяц, чтобы насладиться его красотой и энергетикой. Он зовет и манит, не оставляет равнодушным никого; не случайно его прозвали Парижем Южной Америки. Хотя здесь чувствуется дух и Рима, и Мадрида... Может быть, потому, что предки большинства жителей города – выходцы из Старого Света.

Я не спеша иду по улице. В этот ранний час в городе открыты только кафе-кондитерские, из которых вкусно пахнет кофе и свежей выпечкой. Я сворачиваю в один из парков Палермо и иду по аллее, вдыхая воздух, переполненный ароматами эвкалипта, хвои и каких-то незнакомых цветов. Я знаю, что сегодняшний день принесет мне не только счастье новых открытий в чудес-

ном городе, но и радость общения с русскоязычными соотечественниками, жителями Буэнос-Айреса, ведь мои знакомые пригласили меня на премьеру водевиля «Беда от нежного сердца» по пьесе графа Владимира Сологуба.

Я знал, что русская диаспора в Аргентине представлена довольно широко, но русскоязычных объединений, организаций в стране очень немного. Тем ценнее была для меня предстоящая встреча.

В 2002 году наши соотечественники Сергей Толкачев, Татьяна Толкачева, Марина Богословская создали культурный и научно-технический центр соотечественников «Наша Русь» – это служба правовой помощи соотечественникам, молодежный театр, литературный клуб, спортивная секция, молодежная танцевальная группа. Три года спустя при центре сформировалось молодое крыло – молодежное движение «Славянка», силами которого и был поставлен спектакль, на премьеру которого я приглашен.

Честно говоря, с трудом верилось, что здесь, на краю земли, может быть русский театр. И тем не менее все оказалось правдой – в городе танго более ста зрителей пришли посмотреть русский водевиль. В зале сидели и наши соотечественники, и те, кто изучает русский язык. Были и аргентинцы.

Молодой и перспективный режиссер молодежного театра Елена Яцун поставила динамичный и заразительный спектакль. Реакция зрителей говорила сама за себя – зал то дружно хохотал, то замирал, затаив дыхание, чтобы не пропустить ни одной фразы. Симпатии публики завоевал исполнитель роли жениха Сергей Никифоров, чье обаяние и уверенная, самозабвенная игра покорили всех. Искренность и любовь к театральному искусству чувствовались во всех актерах, хотя они любители, а театр – самодеятельный.

По окончании спектакля артисты были награждены щедрыми аплодисментами зрителей. Глядя на улыбающихся аргентинцев, приветствующих русский водевиль, я невольно подумал о том, что, может быть, этот спектакль станет для них началом «романа» с русской литературой, и, придя домой, им захочется взять в руки роман Толстого или Достоевского?

Мы долго беседовали после спектакля с моими друзьями-соотечественниками. Разошлись поздно ночью. Я возвращался в гостиницу и думал о людях, оказавшихся в эмиграции. Конечно, не от хорошей жизни покидают люди свою родную землю, привычную среду, где говорят на языке, понятном в любой интонации, с полуслова... Это аргентинцы ненадолго уезжают от жары мегаполиса к Атлантическому океану, а эмигранты – навсегда. Но ведь не сдаются! И, тоскуя по родной культуре, стараются воссоздать ее на новом месте обитания, окружить себя и своих детей тем, что было и осталось для

них ценным, дорогим – русским словом, русской культурой.

В январе Митрополит Аргентинский и Южноамериканский Платон от имени Русской православной церкви и кафедрального собора подарил представителям центра величайшую святыню – икону Владимирской Божьей Матери. «Ваша работа нужна и важна. Все, что вы делаете, объединяет наших людей», – сказал митрополит.

Дай бог удачи нашим соотечественникам на той стороне земли, и пусть мой теплый привет из Грузии дойдет до них!

2010

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА ТУНИСА

Бизерта. Самый крайний северный город Африки. Синие волны Средиземного моря тихо бьют в залитый солнцем берег... За моей спиной – Тунис, огромный и прекрасный. Здесь есть на что посмотреть, чему изумиться. Но я, как завороженный, все гляжу на море – в самую дальнюю даль. Ничего не могу с собой поделать: мне кажется, вот-вот, и из-за горизонта появится великая Русская эскадра – корабли Российского императорского флота, покинувшие Крым.

Одним из первых идет пароход «Великий князь Константин». На палубе стоят измученные пассажиры. Среди них – исхудавшая до крайности девочка с недавно обритой головой, только-только с трудом перенесшая тиф... Это Анастасия, старшая из трех дочерей Александра Манштейна, старшего лейтенанта флота, командира эскадренного миноносца «Жаркий».

Тогда, в декабре 1920 года, никто и подумать не мог, что именно эту восьмилетнюю девчушку назовут «ангелом Русской эскадры», «русской гордостью Северной Африки» и «великой русской». И что во многом благодаря ей Русская эскадра, прибывшая в Бизерту, навсегда войдет в бессмертие.

***

В Тунис я приехал не впервые. Уже не раз пересекал страну с севера на юг и с востока на запад. Чего только не повидал – Карфаген, римский амфитеатр в Эль-Джеме, национальный музей Бардо, древние города Дугга и Керкуан, старинные крепости и мечети, красивейшие озера, горы и острова... Даже в пустыне Сахара как-то раз очутился, среди бедуинов.

Но, конечно, меня всегда особо интересовал «русский след» в Тунисе, а конкретно – в Бизерте.

Я читал, что первым русским, посетившим Тунис, стал Матвей Коковцов

– морской офицер, писатель, которого по праву называют первым русским африканистом. В 1778 году он приехал в Тунис и под видом купца осмотрел Бизерту – чего уж тут скрывать, с разведывательными целями. В 1897 году сюда прибыл российский императорский крейсер «Вестник», а спустя три года на рейде Бизерты встал на якорь броненосец «Александр II». И, наконец, в 1920-1924 годах Бизерта стала местом последней стоянки Русской эскадры…

Да, обо всем этом я читал, слышал, и не раз. Но так совпало, что именно в этот мой приезд в Тунис, летом 2022 года, все для меня было освещено именем «ангела Русской эскадры» – Анастасии Манштейн-Ширинской.

Прямо перед отъездом я пересмотрел знаменитый документальный фильм Виктора Лисаковича и Николая Сологубовского «Анастасия». Если кто не знает, картина получила более 10-ти призов и премий, в их числе – «Ника», «Золотой Орел», Гран-при и другие призы на международных кинофестивалях Украины, Франции, Туниса, Болгарии. Тогда же мне в руки попала книга Анастасии Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка» – разумеется, я «проглотил» ее за одну ночь...

Приехав в Тунис, я в первый же день познакомился с удивительно интересным человеком – Инной Бушнак, руководителем Балетной школы имени Сергея Дягилева. Ее гостеприимный дом – душа русского Туниса. (Кстати, жизнь и судьба самой Инны и ее супруга, легендарного тунисского музыканта Лотфи Бушнака, заслуживают особого внимания, и мы обязательно расскажем о них на наших страницах). Как выяснилось, я опоздал всего на пару дней и, увы, не попал на триумфальную премьеру балета «Анастасия», поставленного Инной Васильевной. Но эхо успеха гремело, пресса печатала восторженные рецензии, так что, можно сказать, я наслышан о спектакле в полной мере. Как рассказывает сама Инна Бушнак, «в балете отражено детство Анастасии, жизнь семьи в мирное время, Октябрьская революция, Гражданская война, рассказывается о том, какие трудности пережила семья Манштейн, как сохранила, передавая из поколения в поколение, верность Родине и православную

С Лотфи Бушнаком

веру».

Между прочим, в Тунисе не нужно объяснять, кому посвящен балет, – имя Анастасии здесь известно каждому.

Нам с Инной было о чем поговорить. Мы, так или иначе, занимаемся одним делом. И для нее, и для меня главным объектом внимания и заботы всегда остаются наши соотечественники. Но в разговоре мы почему-то все время возвращались именно к истории Анастасии. Я спрашивал – Инна рассказывала, увлеченно и страстно. На следующий день – ей-богу, тянуло, как магнитом – мы отправились в Бизерту. Я поклонился месту упокоения Анастасии Ширинской, поставил свечу в православном храме Александра Невского, построенном в 1937-1939 годы на скромные средства русских эмигрантов и сохраненном, опять-таки, во многом стараниями Анастасии Александровны.

В результате я узнал столько новых подробностей, и во мне накопилось столько эмоций, что стало ясно: я не могу вам не рассказать об этой необыкновенной женщине – последнем свидетеле и летописце Крымского исхода в Тунисе...

***

Анастасия Манштейн-Ширинская родилась 110 лет назад, 5 сентября 1912 года, в большом родовом имении Рубежное. Имение находилось рядом с селом, а ныне городом, название которого, к несчастью, у всех на слуху по трагическим обстоятельствам – это Лисичанск в Луганской области Украины. «Навсегда запечатлелись во мне картины безграничного деревенского простора, – вспоминала Анастасия Александровна, – роскошь украинского лета, шорохи и запахи старого парка, серебряный блеск Донца, стремящегося к Дону… Самые известные русские писатели воспевали Украину. Все дети знали наизусть описания ее ночей, ее рек «чище серебра», ее безграничных степей и цветущих хуторов. Удивительно явственно предстают перед взором картины прошлого, когда прошлое запечатлено в сердце!»

Род отца Анастасии, потомственного офицера Александра Манштейна, восходит к генерал-майору Кристофу Герману фон Манштейну, автору мемуаров «Записки о России, 1727-1744». Мама, Зоя Доронина, уроженка Санкт-Петербурга, родом из семьи чиновника. По словам Анастасии, мама была из тех людей, про которых Шмелев писал, что они «в себе понесли Россию».

Мирная жизнь окончилась в один миг. В 1917 году дверь в счастливое детство захлопнулась навсегда. А об истории Российской империи и говорить нечего – она резко разделилась на два периода: до и после 1917 года.

Храм Святого Александра Невского в Бизерте

Памятный обелиск морякам Русской эскадры в Бизерте

Александр Манштейн на мостике посыльного судна «Невка». Первая мировая война

Большевики начали строить светлое будущее. Но, как нам хорошо известно, «светлое будущее» начинается с уничтожения прошлого и строится на крови. Прежний мир надо смести с лица земли, «разрушить до основанья», чтобы тот, «кто был никем, стал всем».

Революционеры строили без фундамента – они повергли в прах все прошлые ценности. «Миллионы людей, которые хранили в себе это наследие, – пишет А. Ширинская, – или физически уничтожались, или принуждались покинуть родину. Запад получил в подарок лучших представителей аристократии и ученого мира, в то время как в России самые устои культуры оказались подорваны… В наши дни патриоты сожалеют о распаде СССР как о распаде единого государства. Для патриотов Белой армии образование СССР было концом России «Единой и Неделимой». Для них распад состоялся в 1917 году».

Первым делом ударили по офицерам, по армии, по флоту. Иосиф Гольденберг, революционный деятель, объяснял это с предельной ясностью: «В тот день, когда мы создали революцию, мы поняли, что если не разрушим прежнюю армию, то она в свою очередь раздавит революцию. Надо было выбирать между армией и революцией. Мы не колебались, мы выбрали последнюю».

Для русского флота Гражданская война стала катастрофой. Декретом Совета народных комиссаров от 29 января 1918 года императорский флот был распущен. Взамен большевистские власти объявили об организации «социалистического рабоче-крестьянского флота на вольнонаемных началах». Корабли были частично выведены из Севастополя в Новороссийск и, по приказу Ленина, затоплены, частично – захвачены немцами, затем – Антантой, после чего переданы Белой армии на Юге России.

Моряки вместе со всеми вооруженными формированиями Белого движения приняли самое активное участие в Гражданской войне. Однако после ряда серьезных побед последовали потери и поражения. В марте 1920 года был оставлен Кавказ. Последним оплотом Белой армии оставался Крым… Крым, оторванный от всей страны, не имеющий никаких средств к существованию. А беженцы все прибывали, госпитали были переполнены ранеными и больными, в Севастополе свирепствовали эпидемии – холера, сыпной и брюшной тиф… Долго ли бы смог держаться полуостров в таких условиях?

Генерал Врангель, сменивший генерала Деникина на посту главнокомандующего Вооруженными силами Юга, возглавил последний очаг сопротивления. Он работал с семи утра до полуночи, постоянно выезжал на фронт, непосредственно управлял войсками, трудился над земельной реформой,

занимался вопросом признания прав нацменьшинств... Но уже ничто не могло помочь сохранить Крым. Сначала пала Каховка, потом Чонгар и, наконец, Перекоп. Ближайшее будущее полуострова было очевидно и трагично – красный террор (так оно и произошло: Троцкий отдал Крым своим войскам на двухнедельное растерзание, они зверствовали, бесчинствовали и грабили, несмотря на то, что командующий Южным фронтом Красной армии Фрунзе гарантировал «полное прощение сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, в отношении всех поступков, связанных с гражданской борьбой»).

13 ноября была подписана конвенция, согласно которой главнокомандующий Русской армией «передает свою армию, флот и своих сторонников под покровительство Франции, предлагая ей в качестве платы доходы от продажи военного и гражданского флота».

Началась эвакуация. Из Крыма ушло более 125 судов. Они вывезли около 150 000 человек. В эту армаду входили военные корабли Черноморского флота, транспортные, пассажирские и торговые корабли, яхты, баржи. «Histoire de la Tunisie» приводит точные цифры: «Благодаря исключительной организации Врангель смог в одну неделю перевезти 145 693 человека, из которых 6628 раненых и больных, на 138 военных и торговых судах, русских и иностранных».

По прибытии в Константинополь флот был реорганизован в Русскую эскадру под командованием контр-адмирала Кедрова. Эвакуированное гражданское население были готовы принять Турция, Сербия, Болгария, Румыния и Греция, а Русскую эскадру, с согласия Совета министров Франции, – порт Бизерта в Тунисе.

До места назначения все корабли, несмотря на сложность погодных и технических условий, добрались благополучно. 23 декабря 1920 года в Бизертский порт первым вошел пароход «Великий князь Константин», на котором находились персонал морского ведомства и семьи моряков, в том числе и семья командира эсминца «Жаркий». Багажа у Манштейнов почти не было. Самое дорогое уместилось в небольшой корзине: иконы, фотографии и рукопись Кристофа Германа фон Манштейна...

Долгое время прибывшим нельзя было сходить на берег. На протяжении четырех лет они жили на кораблях в ожидании решения своей судьбы. Корабли стояли в бухте, плотно прижавшись бортами, а между палубами были переброшены мостики.

Бизерта стала последней стоянкой для тех, кто сохранил верность своему императору...

Добровольные изгнанники постарались сохранить выверенный уклад жизни. Каждое утро моряки поднимали Андреевский флаг. Военные учения не прекращались. В плавучем уголке Российской империи читались лекции, ставились спектакли, звучали русские песни, отмечались все православные праздники, а детям преподавался полный гимназический курс... Анастасия Александровна вспоминала: «Для нас «Георгий Победоносец» стал настоящим городом. На берег мы не сходили, денег не было, языки не знали. Зато какая у нас была школа! Многие дисциплины преподавали профессора. Наверное, и я стала учителем математики из-за адмирала Воблинского, который читал у нас эту дисциплину».

Правда, броненосец «Георгий Победоносец» перестал походить на военный корабль, и остроумцы заменили славное название на «Бабаносец»…

«Сегодня молодежь без труда открывает богатства Божьего мира; так много удивительных возможностей в ее распоряжении, – пишет А. Ширинская. – У нас были только книги… и наше воображение… Мы жили на узкой палубе корабля, но весь свет был перед нами. Мы пересекали океаны, мы открывали континенты. Самые таинственные места – Занзибар, Томбукту – не имели для нас секретов... Жизнь уничтожила многое, но не любовь к чтению, не силу воспоминаний».

Несмотря на все усилия, отчаяние порой побеждало надежды. В первые же месяцы пребывания в Бизерте несколько человек свели счеты с жизнью... Пронзительная деталь – в предсмертном письме офицер Николай Лутц просил прощения у товарища за то, что покончил с собой его револьвером.

Почти все русские изгнанники старались найти работу. Но это было крайне непросто. По специальности могли устроиться только врачи. Все остальные, вне зависимости от рангов и образования, оказались в одинаково сложном положении и радовались самым скромным предложениям. Генерал Завалишин просился в сторожа или садовники. Генерал Попов, как и матрос Никитенко, искал работу механика. Доктор международного права Алмазов – место писаря. Офицеры шли в землемеры, лесники, техники, женщины – в гувернантки, посудомойки и уборщицы. Зоя Николаевна, мама Анастасии, говорила, что ей не стыдно мыть чужую посуду, чтобы прокормить своих детей, было бы стыдно, если бы она плохо мыла.

В октябре 1924 года Франция официально признала СССР. Русская эскадра была расформирована. Андреевский флаг спустили навсегда. Франция согласилась передать корабли Советскому Союзу при условии, что тот признает дореволюционные долги России. Но советское правительство долги не

признавало и, к тому же, отказывалось платить за содержание Русской эскадры. И тогда часть кораблей была присоединена к флоту Министерства торгового мореплавания Франции, часть досталась итальянским и мальтийским судовладельцам. Оставшиеся суда были проданы на слом.

Признав страну Советов, Франция предложила всем русским в Тунисе принять французское подданство. Предложением воспользовались не все. Александр Манштейн заявил, что останется подданным России, потому что офицер присягает только один раз в жизни, а он свою присягу уже принес – императору России. Такое решение означало обречь себя и семью на нелегкую жизнь эмигрантов.

Вскоре из 6388 беженцев в Тунисе осталось только 700 русских. Из них в Бизерте – 149...

Настя Манштейн (или, как ее называли близкие, Аста) писала стихи, мечтала стать писателем и сочинять детские сказки. Даже псевдоним себе придумала: Madame de Lhompierre. Но – надо было учиться и думать о том, как заработать на хлеб насущный.

Она с отличием окончила школу Лякор, колледж «Стефен Пишон» и высшую математическую школу в Германии. Уже в семнадцать лет начала давать частные уроки. Много лет спустя лицейский инспектор отметит в своем отчете, что Ширинская – «врожденный педагог» и обладает «большим опытом». Она будет самой известной учительницей математики в Тунисе. Ее ученики станут министрами, олигархами, видными политическими деятелями. Мэр Парижа в 2001-2014 гг. Бертрано Деланоэ – тоже ее ученик. Он даже называл Анастасию Александровну мамой...

Анастасия вернулась в Бизерту из Германии в июле 1934 года, сразу после «Ночи длинных ножей», когда Гитлер жестоко расправился с руководством штурмовых отрядов. Вышла замуж за Мурзу Сервера Муртазу Ширинского, потомка древнего крымско-татарского рода. Родила троих детей. Сын Сергей был женат на туниске, развелся, работал журналистом, снимал фильмы, снимался в кино, жил в Бизерте с мамой, пережил ее всего на четыре года. Дочери Татьяна и Тамара уехали во Францию, стали преподавателями физики и химии. У Татьяны – два сына. Жорж – художник, работал в Голливуде у Спилберга, затем – на киностудии Диснея. Живет в Париже. Стефан – архитектор, живет в Ницце. У обоих подрастают дети. И внуки, и правнуки Анастасии Ширинской – настоящие французы. Они помнят и ценят свою знаменитую бабушку, но, увы, совсем не говорят по-русски...

***

В середине тридцатых годов у русских моряков родилась благородная идея: увековечить память Русской эскадры, построив в ее честь храм. На призыв о поддержке откликнулись многие русские в изгнании, особенно – бывшие бизертяне. Памятник последним черноморским кораблям начали возводить в 1937 году, закончили в 1939-м. Катапетасмой стал Андреевский флаг, собственноручно сшитый вдовами и женами моряков. Внутренним убранством храма стали иконы и утварь из корабельных церквей, некоторые иконы были написаны самими моряками, в качестве подсвечников использовали снарядные гильзы, а на мраморной плите были выбиты названия всех 33 кораблей, прибывших в Бизерту…

В 1942 году, во время Второй мировой войны, храм пострадал от бомбардировок. Но после войны был восстановлен. И тогда же начался сбор средств на строительство еще одного православного храма – в столице Туниса. В 1953 году состоялась закладка первого камня в центре города, а 10 июня 1956 года прошло торжественное освящение храма в память Воскресения Христова.

В 1956 году Тунис официально стал независимым. Большинство русских имели французское гражданство и переехали во Францию. Из русской колонии в Тунисе и Бизерте осталось всего несколько семей.

Вместе с паствой Тунис покинули и священники. Лишь изредка русскую общину навещали священники Александрийского Патриархата. «Тунисские власти не тронули наших церквей, – рассказывала Анастасия Александровна, – и не запрещали нам свободного вероисповедания, но если в храмах не совершались службы и они превращались в развалины, то их, конечно, могли национализировать».

Казалось бы, русскую общину и русские церкви в Тунисе ждет весьма грустная участь. Но... В середине 1980-х Ширинская вышла на пенсию. Старейшина русской общины была уверена, что все самое главное и интересное уже позади. И вдруг выяснилось, что в ее жизни и жизни «русского Туниса» открывается новая страница.

Надо сказать, что советские граждане, приезжавшие на работу в Тунис, никогда не знакомились и не общались с «мадам Русская эскадра». У них были строгие инструкции: эмигрантов избегать.

А в феврале 1987 года в Бизерте появились первые журналисты из СССР. В газете «Правда», а затем в «Советской культуре» появились интервью Анастасии Ширинской, в которых она рассказывала о судьбе Русской эска-

дры. В популярнейшей передаче «До и после полуночи» показали большой сюжет – «Последняя стоянка».

В Тунис хлынула лавина писем из Советского Союза. Ширинской писали ученые, коллекционеры, знатоки и любители истории России, люди, которые искали своих родственников – участников Крымского исхода. Она с трудом успевала отвечать!

Неожиданно для себя Анастасия Александровна оказалась в центре общественного внимания. Люди специально приезжали в Тунис, чтобы с ней познакомиться, поклониться могилам русских моряков, посетить православные храмы.

На Анастасию Александровну обрушилась самая настоящая слава. Но она не стала знаменитостью, нет. Ширинская сразу же превратилась в легенду.

И как вы думаете, что она сделала первым делом? Написала письмо Патриарху Пимену об участи православных храмов в Тунисе. И уже в марте 1990 года из Александрии приехал архимандрит Феофан. Он отслужил службы в русских церквях Туниса и Бизерты, и в те дни, как вспоминает Анастасия Александровна, храмы «не могли вместить всех молящихся: русские специалисты, русские жены тунисцев, их дети, наши друзья – французы, немцы, чехи, болгары, поляки». А в начале 1992 года Священный Синод под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II по просьбе Русской православной общины в Тунисе постановил принять эту общину в юрисдикцию Московского Патриархата. Настоятелем русских храмов в Тунисе был назначен священник Димитрий Нецветаев. По его словам, «если бы не активные действия главы русской православной общины в Тунисе Анастасии Александровны, наверное, служить сегодня было бы негде. Эта потрясающая женщина делала все возможное для сохранения храмов».

В июле 1990 года Анастасия Александровна с дочкой Татьяной впервые посетила Советский Союз. Самые пронзительные чувства она испытала, приехав в родные места: «Маленький самолет приземляется в Северодонецке... Через четверть часа мы уже у Лисичанска, и, как в тот далекий июльский день 1918 года, стоим на маленькой станции Насветевич... Ничего не изменилось. Пустынная тропа поднимается между кустарником к моему затерянному царству... Я знаю, что все на свете меняется, что белого дома с колоннами в большом цветущем парке давно уже нет. Но эта тихая ночь под высоким куполом украинского неба все та же. Сколько близких, дорогих мне людей вглядывались в нее, как я сегодня, на этом дорогом нам кусочке земли. Кто скажет мне, что я не у себя?»

Почти 60 лет Анастасия жила с нансеновским паспортом для беженцев без гражданства. И всю жизнь ждала русского гражданства: «Советское не хотела. Потом ждала паспорт с двуглавым орлом, с гербом Интернационала не брала. И дождалась, вот такая упрямая старуха». 17 июля 1997 года в Посольстве России в Тунисе Анастасии Ширинской был вручен российский паспорт с изображением двуглавого орла.

***

Надо сказать, цену себе Анастасия Александровна знала. Она говорила: «Говорят, в Тунисе две главные достопримечательности: Карфаген и Ширинская!»

И это действительно так! Ее деятельность была высоко оценена еще при жизни. Все российские награды даже сложно перечислить – так их много. В Тунисе ее удостоили государственного ордена «Командор культуры». Местные кинематографисты сняли документальный фильм «Анастасия из Бизерты». А в 2006 году муниципалитет Бизерты переименовал площадь, на которой стоит православный храм Святого Александра Невского, назвав ее именем Анастасии Ширинской.

Анастасия Александровна скончалась в 2009 году в возрасте 97 лет. Интерес к жизни и судьбе «ангела Русской эскадры» не только не ослабевает, но, напротив, становится все сильней. Сняты фильмы «Память об эскадре», «Русская бабушка из Бизерты», «Анастасия». В Тунисе действуют Фонд сохранения исторического и культурного наследия русской эмиграции имени А.А. Манштейн-Ширинской» и Дом-музей А. Ширинской (культурный центр неподалеку от дома, который до последних дней жизни снимала Анастасия – собственного жилья у нее не было), в Лисичанске основан Центр Анастасии Ширинской. Селекционная группа «Русская сирень» вывела новый сорт сирени и назвала его «Анастасия Ширинская»...

***

И вот я стою на берегу Средиземного моря в Бизерте и думаю о ней – русской женщине, которая вдали от родины навсегда сохранила родину в своем сердце.

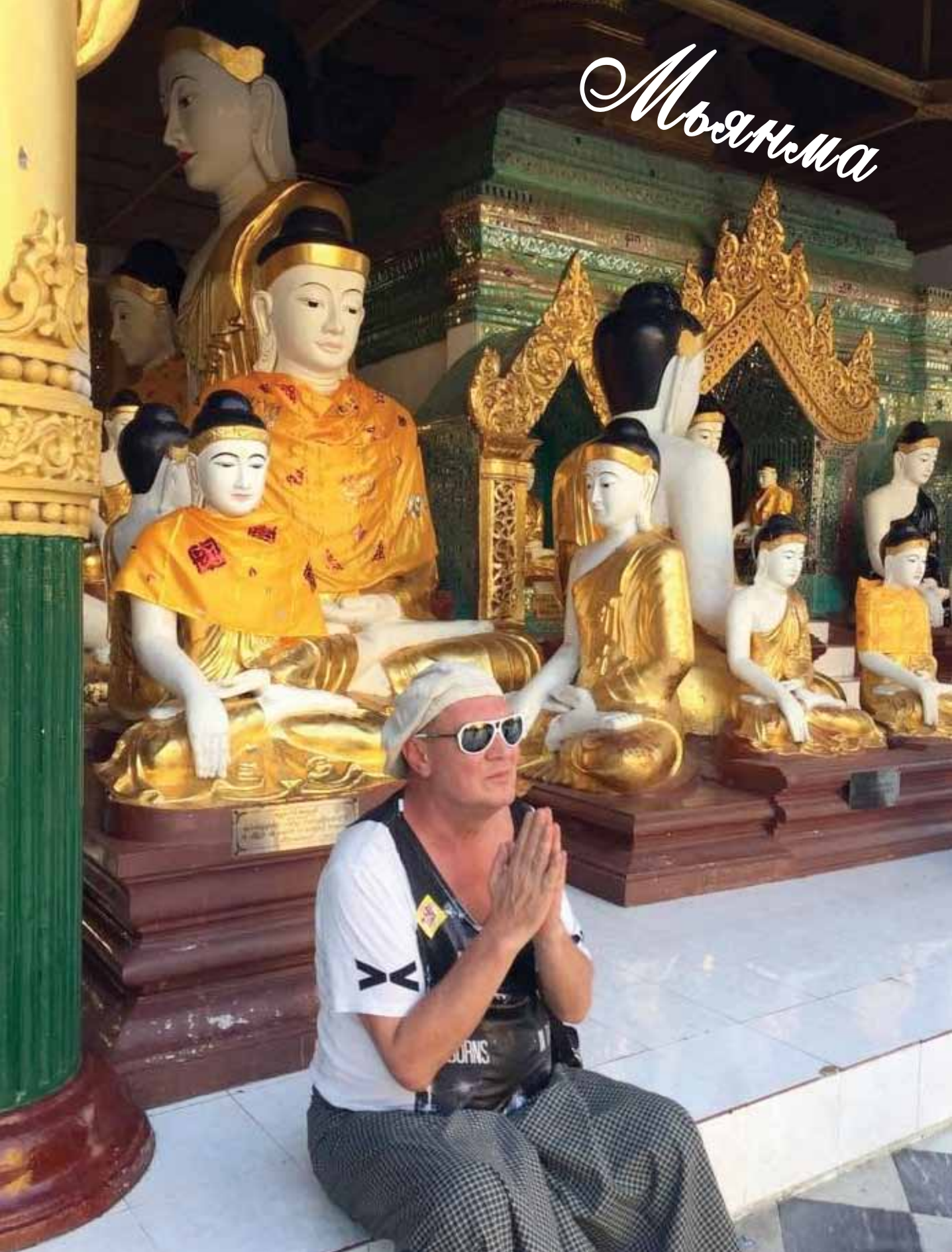
Она говорила: «Действительность прошлого удивительно сильна. Ничто не может изменить того, что было».

Воистину.

Великобритания

Бали

Мьянма

Вьетнам

Таиланд

Egunem

Греция

Италия

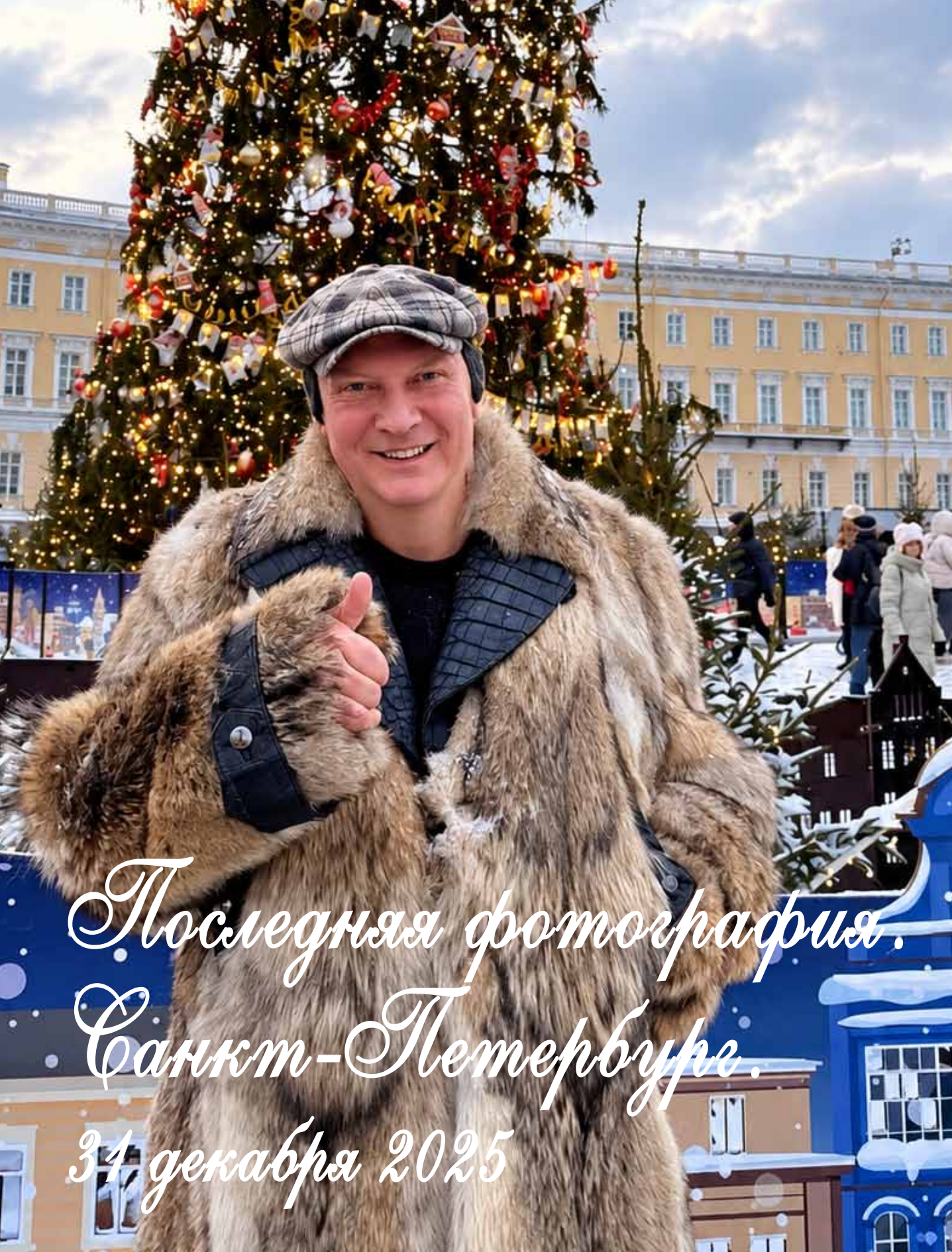

Италия

Франция

Швейцария

Последняя фотография.
Санкт-Петербург.
31 декабря 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН 3
ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ 5
ТЕАТР 21
Я ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ 91
НАСТАВНИК 173
ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ 187
«РУССКИЙ КЛУБ» 213
СПЕШИ ТВОРИТЬ ДОБРО 249
КСОРС ГРУЗИИ 252
ВОКРУГ СВЕТА 259

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

ЗАПОМНИТЕ МЕНЯ ТАКИМ

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Редактор
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
ИННА БЕЗИРГАНОВА
АЛЕНА ДЕНЯГА
ЛАЛИ ХАТИАШВИЛИ

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДДЕРЖКУ БАДРИ ДАВИДОВИЧА КАКАБАДЗЕ,
ПРЕЗИДЕНТА ГРУЗИНСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА «ИВЕРИЯ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Использованы фотографии из личного архива
Н.Н. Свентицкого, архивов МКПС «Русский клуб»
и Тбилисского государственного русского драматического
театра им. А.С. Грибоедова

Секрет успеха очень прост: любить людей. Это единственно правильный путь. Потому что без любви ничего не получится.

Николай Свентицкий

РК МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»